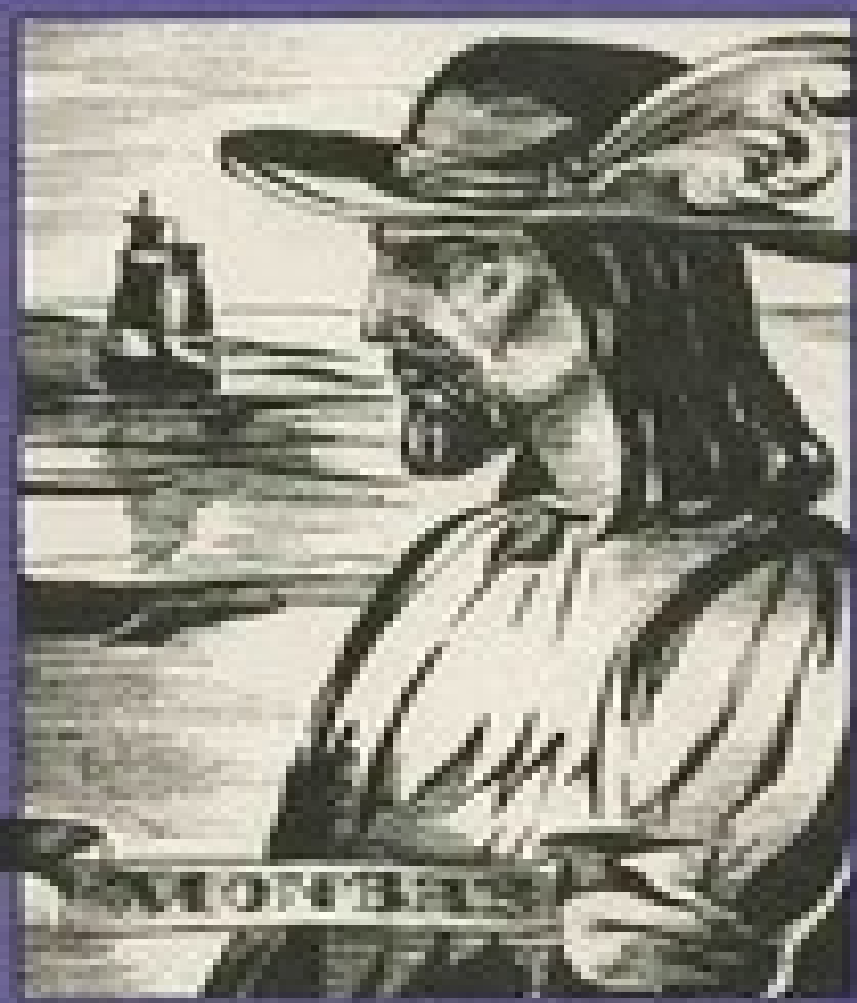

84 40p
3 54

ГЭМАР

- [Густав Эмар](#)
 -
 - [Глава I. «Лосось»](#)
 - [Глава II. Капелла Богоматери](#)
 - [Глава III. Обязанный работник](#)
 - [Глава IV. Дядя и племянник](#)
 - [Глава V. Герцог Пеньяфлор](#)
 - [Глава VI. Поступление на службу](#)
 - [Глава VII. Спасение](#)
 - [Глава VIII. Представление](#)
 - [Глава IX. Береговые братья](#)
 - [Глава X. Островок Собачья Голова](#)
 - [Глава XI. Сад](#)
 - [Глава XII. Свидание втроем](#)
 - [Глава XIII. Дон Фернандо д'Авила](#)
 - [Глава XIV. Эспаньола](#)
 - [Глава XV. Домик в тихом месте](#)
 - [Глава XVI. Два старых знакомых читателя](#)
 - [Глава XVII. Задумчивый разговор](#)
 - [Глава XVIII. Донна Клара](#)
 - [Глава XIX. Взятие Черепахи](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
-

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Все книги автора](#)

[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Густав Эмар

Морские цыгане

Флибустьеры — французские и английские авантюристы, ставшие корсарами... Это были хищные птицы, слетавшиеся со всех сторон... Даже грозные римляне не совершали подвигов столь блистательных. Будь их политические и дипломатические таланты под стать проявляемому ими несокрушимому мужеству, они создали бы в Америке великое государство.

ВОЛЬТЕР

Глава I. «Лосось»

Семнадцатого октября 1658 года в восьмом часу вечера два человека сидели в большой зале «Лосося», самой большой гостинице города Пор-де-Пе, являвшейся обычным местом сборищ авантюристов всех наций, которых жажда к золоту и ненависть к испанцам привлекали на Антильские острова.

В этот день над городом стояла страшная жара; большие желтоватые облака, насыщенные электричеством, расстилались от одного конца горизонта до другого, и ни малейшее дуновение ветра, даже на закате солнца, не освежало землю, замиравшую от зноя. Со стороны гор доносился глухой шум, и эхо повторяло раскаты отдаленного грома. Море, черное, как чернила, волнуемое каким-нибудь подземным потрясением, приподнималось бурными волнами и со зловещим стоном тяжело разбивалось о скалы берега. Словом, все предвещало приближение урагана. Жители Пор-де-Пе, по большей части грубые моряки, давно привыкшие бороться с самыми страшными опасностями, невольно подчиняясь всеобщему беспокойству природы, заперлись в своих домах. Улицы были пусты и безмолвны, город казался брошен, и гостиница «Лосось», которая обычно в это позднее время была заполнена посетителями, укрывала под закопченным потолком своей просторной залы только двух человек, о которых пойдет речь и которые, опираясь локтями о стол, опустив голову на руки и покуривая трубки, рассеянно следили за фантастическими клубами дыма, беспрестанно вырывавшимися у них изо рта и сгущавшимися вокруг синеватым облаком.

Оловянные стаканы, бутылки, карты, кости, разбросанные по столу, доказывали, что два этих человека давно уже находились в гостинице и что, испробовав все развлечения, они бросили их — от утомления или от того, что более серьезные мысли занимали их и мешали наслаждаться, как они, может быть, желали бы, удовольствиями, которые сулили им игра и вино.

Один из них был старик лет шестидесяти, еще бодрый, гордо державший на плечах красивую голову, которой длинные белые волосы, брови, еще черные, усы, густые и седые, и небольшая борода придавали очень благородный вид. Его простой, но изящный костюм был абсолютно черным; шпага со стальным эфесом была небрежно брошена на стол возле шляпы и плаща.

Второй был гораздо моложе своего товарища. На вид ему казалось от

сорока пяти до сорока восьми лет, не больше. Это был человек атлетического сложения, плотный и плечистый; черты его лица, довольно обыкновенного, были бы незначительны, если бы не выражение редкой решимости и неукротимой воли, которое придавало ему совершенно особый отпечаток. На нем был костюм богатых буканьеров, роскошный до сумасбродства, сверкавший золотом и брильянтами; тяжелая и массивная фанфаронка окружала его шляпу, украшенную страусовыми перьями, прикрепленными брильянтовым аграфом¹, составлявшим целое состояние; длинная рапира, висевшая сбоку на широкой портупее, для большего удобства, без сомнения, стояла в эту минуту, зажата между его коленями; два пистолета и кинжал были заткнуты за пояс, широкий красный плащ висел на спинке стула.

Давно уже угрюмое молчание царило между этими людьми; они продолжали курить и окутывать залу клубами дыма, по-видимому не думая друг о друге.

Трактирщик, худощавый, сухой и долговязый, в грязном и оборванном

платье, с лицом висельника, несколько раз под предлогом поправить светильню в лампе, — что было вовсе не нужно, — вертелся около этих странных гостей, не привлекая их внимания, и уходил, пожимая плечами с презрительным видом к таким неприбыльным посетителям.

Наконец младший вдруг поднял голову, с гневом разбил трубку об пол и, ударив кулаком по столу, так что стаканы и бутылки запрыгали и забренчали, вскричал грубым голосом:

— Ей-Богу, этот франт насмехается над нами! Неужели мы должны оставаться здесь вечно? Клянусь своей душой! Есть от чего взбеситься, прождав так долго!

Старик медленно приподнял голову и, устремив спокойный взгляд на своего товарища, сказал тихим голосом:

— Потерпи, Пьер, еще не поздно.

— Потерпи?! Вам легко говорить, господин д'Ожерон, — проворчал тот, кого назвали Пьером. — Почему я знаю, куда этот воплощенный черт запропастился!

— А я разве знаю, друг мой? Однако, как видишь, я жду, не жалуясь.

— Гм! Все это прекрасно... — продолжал Пьер. — Вы его дядя, а я его закадычный друг, это другое дело.

— Правда, — ответил, улыбаясь, д'Ожерон, — и в качестве закадычных друзей вы не должны ничего скрывать друг от друга, не правда ли?

— Именно. Вы это знаете так же хорошо, как и я, вы ведь в молодости много воевали с испанцами.

— Эх, и славное было времечко, Пьер, — сказал д'Ожерон, подавляя вздох, — я был тогда счастлив, у меня не было никаких огорчений и забот.

— Ба-а! Вы говорите, что были счастливы тогда? А теперь разве вы не счастливы? Все Береговые братья, флибустьеры, буканьеры и колонисты любят вас и почитают за отца, и я — первый; мы все дадим изрубить себя на кусочки за вас. Его величество — да защитит его Господь! — назначил вас нашим губернатором, чего же более можете вы желать?

— Ничего, ты прав, Пьер, — ответил старик, печально качая головой, — мне действительно больше нечего желать.

На несколько минут воцарилось молчание. Затем буканьер продолжал.

— Вы позволите задать вам вопрос, господин д'Ожерон? — спросил он с некоторой нерешимостью в голосе.

— Конечно, друг мой, — ответил старик. — Посмотрим, что за вопрос.

— О! Может быть, я напрасно спрашиваю вас об этом, — заметил

Пьер, — но, право, не могу удержаться, признаюсь вам.

— Хорошо! Спрашивай, чего ты боишься?

— Прогневать вас, господин д'Ожерон... Вы знаете, что я не слышу робким.

— Я думаю, ты, Пьер Легран, — один из наших самых отважных флибустьеров. Одно твое имя заставляет дрожать испанцев.

Пьер Легран выпрямился с очевидным удовольствием при этом заслуженном комплименте.

— Ну, — сказал он тоном человека, принявшего окончательное решение, — вот о чем идет речь. Когда мой работник Питриан отдал мне ваше письмо, естественно, моим первым движением было повиниться вам и спешить на свидание, которое вы мне назначили в «Лососе».

— Благодарю тебя за поспешность, которую ты проявил в этом случае, друг мой.

— Хорош бы я был, если бы не пришел! Это было бы даже смешно, право! Итак, я пришел; мы играли, пили — очень хорошо, ничего не может быть лучше, только я спрашиваю себя, какая серьезная причина заставила вас уехать с острова Сент-Кристофер инкогнито в Пор-де-Пе.

— Ты желаешь знать эту причину, Пьер?

— Да, если это не неприятно вам, разумеется, а то считайте, что я ни о чем не спросил, и не будем больше об этом говорить.

— Напротив, будем говорить, друг мой, мне хотелось открыть тебе эту причину при моем племяннике, твоём закадычном друге, но так как он не приходит, ты все узнаешь сейчас.

— Мы можем еще подождать, господин д'Ожерон, теперь он, вероятно, не замедлит явиться.

— Может быть, но это не имеет значения... Кроме того, он уже почти знает мои планы; слушай же ты меня.

— Ах, хитрец! Он ничего мне не сказал.

— Я ему запретил.

— Тогда другое дело, он правильно поступил, что молчал.

— Слушай меня внимательно, дело стоит того. Ты помнишь, не правда ли, как кавалер де Фонтенэ, неожиданно атакованный испанской эскадрой, был вынужден после геройского сопротивления оставить Тортугу?

— Конечно, помню, господин д'Ожерон, и прискорбно было видеть, как развевался испанский флаг над Скальным фортом и как эти проклятые испанцы дразнили нас и смеялись нам в лицо! Ей-Богу! Чего бы я только ни дал, чтобы сыграть хорошую шутку с этими проклятыми донами и прогнать их с нашего острова!

Д'Ожерон, улыбаясь, слушал буканьера. Когда тот замолчал, он наклонился вперед, положил руку ему на плечо и, пристально посмотрев ему в лицо, сказал тихим и сдержанным голосом:

— Ну, Пьер, друг мой, я тоже хочу сыграть хорошую шутку с испанцами и прогнать их с нашего острова.

— Как?! — вскричал Пьер, вздрогнув от неожиданности. — Правду ли вы говорите? Это действительно ваше намерение?

— Клянусь честью, Пьер, именно поэтому я и оставил Сент-Кристофер и инкогнито приехал в Пор-де-Пе; здесь нет недостатка в испанских шпионах, им не нужно знать, что я так близко от Тортуги.

— Ага! Отлично! Если так, мы посмеемся.

— Я надеюсь на это.

— Мы на них нападем?

— Мы дадим испанцам сдачи, они напали на нас врасплох, мы нападем на них.

— Прекрасно! — вскричал Пьер, радостно потирая руки.

— Я рассчитываю на тебя, Пьер.

— И правильно делаете, господин д'Ожерон.

— Кто из наших капитанов есть здесь сейчас?

— Гм! — сказал Пьер, потирая себе лоб. — У нас довольно мало людей. Однако есть несколько старых Береговых братьев, на которых можно положиться в случае необходимости.

— Черт побери! Это неприятно. А что с Губителем?

— Монбар уехал полгода тому назад, и с тех пор о нем не было известий.

— Черт побери! Черт побери! — пробормотал старик с задумчивым видом.

— Это так. Морган, Красавец Лоран, Красивая Голова, Рок Бразилец, Олоне, Тихий Ветерок — все уехали, а куда — этого никто не знает.

— О-о! Это совсем неприятно! Кто же у нас остался?

— Во-первых, я.

— Это правда, но еще?

— Еще, кроме четырех или пяти надежных людей, я никого назвать не могу.

— Кто же эти четверо или пятеро?

— Мигель Баск, Дрейк, Польшэ, ваш племянник Филипп.

— Кто еще?

— Да вроде бы и все.

— Гм! Маловато — дело предстоит жаркое, испанцев голыми руками

не возьмешь.

— Надеюсь, но имена, названные мной, известны вам давно, все это люди решительные.

— Знаю, мой друг, но если затея нам не удастся, это будет для нас непоправимым уроном. Лучше, может быть, воздержаться.

— Я не согласен с этим, господин д'Ожерон, каждый из нас может набрать несколько решительных авантюристов.

— Это правда, но Тортю га почти неприступна, особенно если ее станут хорошо защищать, а так и будет.

— Уж можете не беспокоиться. Дон Фернандо д'Авила, командующий испанским гарнизоном, даст скорее убить себя и всех своих солдат, чем сдастся.

— Ты видишь, что было бы безумством пытаться выгнать его с такими ограниченными силами, какими располагаем мы.

— Ба-а! Когда же мы считали наших врагов? Береговые братья все такие же, какими были в ваше время, господин д'Ожерон, поверьте, каждый из них стоит десяти испанцев...

— Ах, почему не приходит Филипп! Может быть, он подал бы нам хороший совет.

— Филипп сказал бы вам то же, что говорю и я, господин д'Ожерон.

— Очень может быть, друг мой, но дело серьезное и требует глубоких размышлений.

— Размышляйте, но не отказывайтесь от этой затеи. Клянусь вам, теперь, когда я знаю ваши планы, у меня просто слюнки текут, и если вы нас оставите, ей-Богу, я возьму остров без вас, это так же верно, как и то, что меня зовут

Пьер Легран и что я ненавижу испанцев! Не знаю, что именно я сделаю, но это все равно. Я уверен, что обязательно добьюсь успеха.

Д'Ожерон расхохотался над этими словами флибустьера.

— Успокойся, горячая голова, — сказал он, — я не говорил, что отказываюсь.

— Ну и прекрасно!

В эту минуту в залу вошел человек; на одно мгновение он остановился на пороге двери, бросил вокруг подозрительный взгляд, потом, узнав, без сомнения, двух человек, которые одни находились в гостинице, снял плащ и решительным шагом направился к ним.

— А-а! — вскричал Пьер. — А вот, наконец, и Филипп! Здравствуй, друг, — прибавил он, протягивая ему руку.

— Здравствуй, Пьер, — ответил вновь пришедший, — я здесь, чего ты

хочешь от меня? Ей-Богу, дело должно быть стоящее, а не то, предупреждаю тебя, я рассержусь, что ты заставил меня прийти сюда, когда я надеялся провести время гораздо приятнее.

Пьер расхохотался.

— Смотри, — сказал он, указывая на д'Ожерона, который, увидев своего племянника, отодвинулся немного в тень.

Филипп обернулся к нему.

— Э-э! — весело вскричал он. — Я не ошибаюсь, добрый дядюшка, неужели это вы?

— Кто же еще это может быть? — спросил Пьер насмешливым тоном.

— Ты рад видеть меня, племянник? — спросил старик.

— Неужели вы сомневаетесь, дядюшка? — вскричал Филипп, бросившись в объятия, раскрытые ему д'Ожероном.

— Нет, не сомневаюсь, — ответил тот с волнением, — я знаю, что ты меня любишь.

— Благодарю, дядюшка. Какой добрый ветер занес вас в наши края? Вы приехали у нас поселиться? Это был бы приятный сюрприз для меня.

— Может быть, племянник. Не стану говорить ни да ни нет, это будет зависеть от некоторых условий.

— Посмотрим, что это за условия, дядюшка; предупреждаю вас, что я приму их с закрытыми глазами.

— Хорошо, но ты слишком спешишь.

— Почему же? Разве я не должен желать, чтобы вы жили со мной?

Говоря таким образом, он взял стул и сел между дядей и приятелем.

Филипп был красивый молодой человек лет двадцати шести, с гибким и стройным станом; его несколько худощавое тело, казалось, было одарено необычайной силой и редкой ловкостью. Лицо его было изумительно красиво; оно показалось бы даже женственным, если бы не яркий блеск его черных глаз, вспыхивавший при малейшем волнении, и выражение неукротимой решимости, которое оно тогда принимало. Несмотря на более чем простой костюм, во всей его наружности было врожденное изящество, обнаруживавшееся без его ведома и указывавшее на аристократическое происхождение молодого человека.

Дядя с удовольствием его рассматривал и, по-видимому, не мог на него насмотреться. Молодой человек улыбнулся и, поцеловав старика, сказал:

— Почему вы не предупредили меня о вашем приезде, дядюшка? Я был бы так рад узнать, когда вы приедете. Нехорошо удивлять меня таким образом.

— Ты сожалеешь об этом, племянник?

— Напротив, только я бы предпочел, чтобы было иначе.

— Это было невозможно, Филипп, мое присутствие здесь должно оставаться неизвестным для всех, я приехал инкогнито.

— А! Это совершенно меняет дело!.. У вас, конечно, есть какой-то план?

— Да, — перебил Пьер, — и даже большой план.

— Скажите, пожалуйста! Тебе, кажется, это известно?

— Еще бы!

— Хорошо, стало быть, дядюшка и мне скажет.

— Именно это я и собираюсь сделать, тем более что хочу знать твое мнение.

— Что бы это ни было, я с вами согласен, дядюшка.

— Ты же еще не знаешь, о чем идет речь, какой ты сумасшедший, право! — ответил старик, улыбаясь.

— Это ничего не значит, дядюшка, для меня очевидно, что вы не можете ошибаться. Теперь говорите, я вас слушаю.

— Вот в двух словах причина моего приезда: я хочу с помощью моих бывших товарищей взять Черепаший остров и прогнать оттуда испанцев.

— А! — сказал Филипп задыхающимся голосом и вдруг побледнел как смерть.

Глава II. Капелла Богоматери

В шестнадцати милях от Пор-де-Пе, среди великолепной равнины, через которую протекает широкий ручей и которая укрыта от морских ветров высокими горами, поросшими лесом, возвышается очаровательный испанский городок, носящий название Сан-Хуан, в котором проживало тогда от четырех до пяти тысяч жителей. Из-за своего положения, которое сделало его объектом нападений авантюристов, он был окружен рвами и земляными стенами, представлявшими достаточное укрепление для того, чтобы сопротивляться атаке его смелых соседей.

Почти посреди главной улицы этого города находился дом из красного кирпича, крыльцо которого, поддерживаемое двумя колоннами художественной работы, вело на широкий двор, в центре которого находился колодец. Крыльцо с двойной лестницей вело в главный корпус здания, с правой и левой стороны которого стояли башенки, украшенные затейливой резьбой.

В тот день, когда начинается наша история, к восьми часам утра величайшее оживление царило в этом доме, бывшем тогда гостиницей, которой теперь, без сомнения, не существует. Суетившиеся слуги входили и выходили, одни путешественники приезжали, другие уезжали, пеоны² седлали лошадей или водили их к водопою, крики и ругательства смешивались в воздухе с живым говором, свойственным южным народам.

В самую оживленную минуту на двор въехал всадник, закутанный в широкий плащ. Один из пеонов, без сомнения поджидавший его приезда, быстро приблизился к нему, схватил поводья его лошади и, когда всадник слез с лошади, сказал ему на ухо вполголоса:

— В церкви Мерсед.

— Благодарю, — ответил всадник так же тихо и, вложив золотую монету в руку пеона, повернулся, не занимаясь своей лошадью, прикрыл складками плаща лицо, вышел со двора и направился большими шагами к церкви, находившейся на этой же улице, только несколько повыше.

Как и все церковные испанские строения, церковь Мерсед в городе Сан-Хуане смотрелась настоящей игрушкой и снаружи и внутри. Если не считать двух женщин, закутанных в мантильи, стоявших на коленях и, по-видимому, набожно молившихся, церковь была пуста. При звуке шагов вошедшего, шпоры которого зазвенели о плиты, они обернулись. Незнакомец устремил на них пронизательный взгляд, потом дошел до

исповедальни, находившейся в углу боковой капеллы, остановился, сбросил свой плащ, скрестил руки на груди и застыл в ожидании. Обе женщины, шепотом обменявшись несколькими словами, встали; одна направилась к двери, другая с робким и боязливым видом пошла прямо к исповедальне, возле которой стоял молодой человек. В нескольких шагах от него она приподняла свою мантилью и открыла восхитительное личико шестнадцатилетней девушки, о каком только мог мечтать поэт. Молодой человек почтительно ей поклонился и прошептал голосом, прерывавшимся от волнения:

— Да благословит вас Бог, Хуана, за то, что вы согласились на это крайне важное свидание!

— Может быть, я поступила нехорошо, — отвечала она тоном невыразимо грустным, — но я не хотела уезжать, не простившись с вами еще раз.

— Увы! — прошептал он. — Разве ваш отъезд так близок?

— Сегодня вечером — завтра, уж никак не позже, фрегат, на котором мы поплывем, должен отчалить, скоро мы расстанемся навсегда. Вы забудете меня, Филипп...

— Забыть вас, Хуана! О, вы этого не думаете! — вскричал он горестно. Молодая девушка печально покачала головой.

— Отсутствие — все равно что смерть, — прошептала она. Молодой человек бросил на нее пристальный взгляд и,

схватив руку, которую нежно пожал, спросил дрожащим голосом:

— Стало быть, вы забудете меня, Хуана?

— Я? О, нет! — воскликнула она. — Я умру, верная моей первой, моей единственной любви. Но вы, Филипп, вы молоды, вы хороши собой... вы будете отделены от меня бескрайним морем, вы не увидите со мной больше, и другая женщина изгонит любовь ко мне из вашего сердца, а воспоминание обо мне — из вашей памяти.

Наступило короткое молчание.

— Хуана, — произнес молодой человек, — верите ли вы моей любви?

— Да, Филипп, верю, верю всеми силами моей души.

— Если так, то почему же вы сомневаетесь во мне?

— Я не сомневаюсь в вас, Филипп... уввы, я боюсь будущего.

— Будущее в руках Бога, Хуана. Он, разлучающий нас сегодня, может, если Ему будет угодно, соединить нас когда-нибудь.

— Никогда не увижу я Эспаньолы, — прошептала она, — я чувствую, я умру в этой дикой и неизвестной стране, где меня заставляют жить вдали от всего, что я люблю.

— Нет, вы не умрете, Хуана, потому что если не можете вернуться вы, бедное дитя, то я мужчина, я силен, я сумею приехать к вам.

— О!.. — вскричала она с радостью. — Но нет, — прошептала она тотчас, — я не смею верить такому счастью.

Филипп грустно улыбнулся, услышав эти слова.

— Дитя! — сказал он с нежностью.

Молодая девушка бросила на него долгий взгляд из-под полуопущенных ресниц.

— Вы гордый и храбрый дворянин, Филипп, — сказала она, — может быть, многие женщины оспаривают честь союза с вами, между тем как я только бедная девушка...

— Что вы хотите сказать, Хуана? — продолжал он с волнением. — Разве я не люблю вас и не предпочитаю вас всем остальным?

— Да, вы так думаете, Филипп. Вы искренне так говорите, но наступит день...

— Никогда, повторяю вам, Хуана!

Она несколько раз печально покачала головой. Молодой человек с удивлением наблюдал за ней, не понимая этого упорного недоверия.

— Филипп, — сказала она наконец печальным тоном, от которого сердце молодого человека мучительно сжалось, — сегодня, может быть в последний раз, позволено нам видеться, дайте мне все сказать, друг мой, — прибавила она, приложив свою крошечную ручку к его губам, как бы не позволяя ему прерывать ее. — Я не хочу расстаться с вами так, чтобы вы не знали, кто я. Вы знаете только мое имя. Два месяца тому назад молодая девушка, неблагоразумно отважившаяся выехать верхом на большую равнину, подверглась нападению бешеного быка. Свирепое животное, разорвав двух лошадей, ранив и обратив в бегство слуг, опустив голову и со страшным ревом бежало за ней; молодая девушка, вне себя от испуга, скакала по равнине, уносимая своей лошастью и чувствуя позади себя необузданный бег быка, приближавшегося к ней с головокружительной быстротой. Вдруг в ту минуту, когда последняя надежда оставляла ее, когда она уже вручала Богу свою душу в последней молитве, какой-то человек решительно бросился между ней и быком и выстрелил в обезумевшее животное из ружья; бык рухнул наземь и с ревом бессильной ярости издох у ног своего победителя. Этой молодой девушкой была я, Филипп, ее спасителем — вы. Вы помните это страшное приключение, не правда ли?

— Да, Хуана, помню и благословляю его, потому что ему я обязан счастьем нашего знакомства! — с чувством воскликнул он.

— Теперь слушайте меня, друг мой. Вы, быть может, предполагали,

видя меня роскошно одетой и окруженной многочисленной прислугой, что я богата и принадлежу к благородной фамилии.

— Я ничего не предполагал, Хуана, я вас полюбил, вот и все.

Она вздохнула, смахнув слезу.

— Меня зовут Хуана, — продолжала она, — я никогда не знала ни отца, ни матери. Мне сказали, что мой отец был убит на войне до моего рождения, а моя мать умерла, дав мне жизнь. Вот все, что я знаю о своем семействе, даже имя моих родителей никогда не произносилось при мне. Мои первые годы покрыты завесой тайны, которой я никогда не могла приподнять, я не помню ничего; только мне кажется, что я жила в другой стране, я долго оставалась на море и, прежде чем поселилась на Эспаньоле, жила в краю, где небо не так чисто, деревья темнее, а солнце холоднее... но это только предположения, ни на что не опирающиеся. Мне кажется также, что я слышала и сама говорила на другом языке, не на кастильском, но какой это язык, я сказать не могу. Одно я знаю точно: мне покровительствует могущественная фамилия, постоянно наблюдающая за мной и никогда не теряющая меня из виду. Дон Фернандо д'Авила не родня мне, мне это известно наверняка. Это выслужившийся солдат, который, по всей вероятности, обязан высоким положением, которого он достиг, и еще более высоким положением, которое ему обещано, только попечению, которым он окружал мое детство. Вот и вся моя история, Филипп, она очень коротка, очень мрачна и очень таинственна; но я обязана из любви, которую испытываю к вам, обязана из уважения к самой себе познакомить вас с ней, и, убежденная, что исполнила священный долг, я без ропота покорюсь вашей воле, какова бы она ни была.

Молодой человек с минуту смотрел на молодую девушку с необъяснимым выражением, в котором смешивались любовь, стыд и горечь.

— Хуана, — сказал он наконец дрожащим голосом, — вы праведное и благородное дитя, ваше сердце чисто, как у ангела! Я недостойн вашей любви, потому что я вас обманул!

— Вы меня обманули, Филипп? Это невозможно! — сказала она с лучезарной улыбкой. — Я вам не верю.

— Благодарю, Хуана! Но, в свою очередь, я хочу вам сказать, кто я.

— О! Я знаю, вы красивый и храбрый дворянин, которого я люблю, что мне за дело до остального!

— Позвольте мне сказать, Хуана; когда вы узнаете все, вы осудите меня или извините. Я дворянин, вы сказали правду, дворянин даже знатного рода, но я беден.

— Что же мне до этого?

— Ничего, я это знаю, но мне остается открыть вам тайну, тайну страшную, которая, когда вы ее узнаете, может быть навсегда разрушит мое счастье.

— Продолжайте, — сказала она, с недоверием качая головой.

— Я не испанец, Хуана.

— Знаю, — сказала она, улыбаясь, — еще я знаю, что вы француз, что вы один из предводителей страшного общества *морских цыган*, как называют их испанцы, перед которым дрожит кастильское могущество... Так это-то, Филипп, и есть та страшная тайна, которую вы не решаетесь мне открыть? Полно, друг мой, я давно уже знаю все, касающееся вас, разве это не часть моего существа?

— Итак, вы меня прощаете?

— За что мне вас прощать, Филипп? Я не мужчина, я даже не знаю, испанка ли я. Эти ссоры и эта ненависть меня не интересуют, я женщина и люблю вас — вот все, что касается меня.

— О, да благословит вас Бог за эти слова, Хуана, они возвращают мне жизнь.

— Вы сомневались, Филипп?

— Я не смел надеяться, — отвечал он кротко.

— Одни женщины умеют любить, — прошептала она печально. — Ах, мы должны расстаться!

— О! Нет еще, нам незачем торопиться.

— К чему увеличивать нашу горечь, продолжая это жестокое прощание?

— Разве вы не хотите больше увидеться со мной?

— После того, что я вам сказала, разве вы считаете меня достойной вас, когда я не более чем бедная девушка?

В глазах Филиппа сверкнули яркие молнии.

— Пойдемте, — сказал он.

— Куда вы меня ведете?

— Пойдемте, Хуана, я хочу вам ответить у подножия алтаря.

Она пошла за ним, дрожа от надежды и боязни, в боковую капеллу во имя Божией Матери Всех Скорбящих.

— Станьте на колени возле меня, Хуана, и запомните мои слова, примите клятву, которую я произнесу в присутствии Божией Матери.

Молодая девушка встала на колени, ничего не отвечая.

— Я клянусь, — сказал тогда молодой человек твердым голосом, — никогда никого не любить, кроме вас, клянусь приехать к вам, в каком бы

месте вы ни находились, клянусь быть возле вас раньше, чем пройдет год. Пусть Святая Дева, которая видит меня и слышит, накажет меня, если я не сдержу клятвы, которая исходит из глубины моего сердца!

— Я клянусь, что буду вас ждать, Филипп, и буду вам верна, что бы ни случилось, — ответила молодая девушка, сложив руки и подняв глаза на святое изображение.

Они встали.

— Вот, Хуана, — продолжал Филипп, сняв перстень с левой руки, — возьмите этот перстень, пусть он будет обручальным, вы одна, отослав мне его, можете возвратить мне свободу.

— Пусть будет как вы желаете, Филипп, я вас люблю и верю вам; я принимаю ваш перстень, возьмите взамен мой, — прибавила она, подавая ему богатый бриллиантовый перстень, — я никогда с ним не расставалась. В детстве я носила его на шее на золотой цепочке; может быть, это последняя вещь на память от моей матери, которую она завещала мне, умирая. Сохраните его, теперь он принадлежит вам, потому что я ваша невеста, ваша супруга перед Богом.

В ту минуту, когда молодые люди обменялись таким образом перстнями, яркий луч солнца блеснул в окне капеллы и залил их блестящим светом.

— Принимаю это предзнаменование, — сказал, улыбаясь, молодой человек, — мы будем счастливы, Хуана. Святая Дева покровительствует нам и благоприятствует нашей любви.

— Да будет она благословенна! — набожно ответила молодая девушка.

— Когда вы уезжаете и куда направляетесь, Хуана?

— Срок нашего отъезда окончательно еще не установлен. Дон Фернандо д'Авила ждет с минуты на минуту, что его назначат губернатором в Панаму.

— Так далеко! — сказал Филипп, нахмутив брови.

— Ах! Вы видите, что мы разлучены навсегда.

— Не говорите так, моя возлюбленная! Нет ничего невозможного, я поклялся приехать к вам и сдержу свою клятву.

— Да услышит вас Небо!

— Я вспомнил, кажется, дон Фернандо д'Авила — губернатор Черепашьего острова?

— Да.

— Это славный воин и достойный противник, мы уже сталкивались с ним.

— Сегодня или завтра я должна отправиться к нему, с Черепашьего

острова мы поедem на материк. Вы видите, Филипп, что мы не должны думать о возможности увидеться, по крайней мере скоро.

— Это не так, моя возлюбленная, разве я не приехал сюда, к своим врагам? Почему же я не могу пробраться на Тортугу? Поверьте мне, одно не труднее другого.

— Но если вас узнают, вы лишитесь жизни.

— Успокойтесь, моя возлюбленная, опасность не так страшна, как вам кажется.

Молодая девушка печально вздохнула.

— Теперь, — промолвила она через минуту, — пора расставаться, Филипп.

— Уже расставаться, моя обожаемая Хуана! — с мольбой воскликнул молодой человек.

— Это необходимо, Филипп, более продолжительное отсутствие может возбудить подозрения. Кроме того, не должны ли мы увидеться? Теперь я счастлива, я надеюсь!

— Повинуюсь вам, Хуана, уйду, как вы желаете... Еще одно, последнее слово.

— Говорите.

— Что бы ни случилось, что бы ни рассказывали вам обо мне, вы никогда не должны верить, что я перестал вас любить.

— Я верю вам, Филипп, и буду верить только вам, клянусь.

— Я принимаю вашу клятву, Хуана, она написана в моем сердце, и теперь я уйду, исполненный веры, моя возлюбленная. Я не прощаюсь с вами, я говорю: до свидания!

— До свидания, Филипп! — ответила она, протянув ему руку.

Молодой человек подержал с минуту эту крошечную ручку в своей руке, нежно поцеловал ее несколько раз, потом, сделав над собой усилие, сказал прерывающимся голосом:

— До свидания, Хуана, до свидания!

Он резко повернулся и твердыми шагами вышел из церкви. Хуана провожала его взглядом до тех пор, пока он не исчез, потом упала на колени перед алтарем Божией Матери Всех Скорбящих, прошептав голосом, дрожащим от волнения:

— До свидания, мой возлюбленный Филипп!

— Сеньорита, — сказала служанка, тихо приблизившись к своей госпоже после ухода молодого человека, — мы уже давно ушли из дома, разве вы не боитесь, что наше отсутствие найдут очень продолжительным?

— Но ведь мы в церкви, Чиала!

— Это правда, сеньорита, даже в прекрасной церкви, однако все-таки лучше вернуться домой, ведь надо все приготовить к вашему отъезду.

— Правда, но так как, может быть, мне никогда больше не придется возвратиться сюда, — отвечала Хуана с кротким вздохом, — будьте так добры, Чиала, дайте мне еще помолиться Святой Деве за того, кого я люблю, только пять минут.

Дуэнья недовольно покачала головой, как женщина осторожная, но осталась ждать.

Через несколько минут обе дамы, закутавшись в мантильи, наконец вышли из церкви. На паперти они встретились с человеком, старательно прикрытым плащом, который почтительно им поклонился. Девушка не могла удержаться от нервного трепета при виде этого человека; ускорив шаги, она наклонилась к дуэнье и шепнула ей тихим и дрожащим голосом:

— Как вы думаете, он нас узнал?

— Кто знает! — в тон ей ответила дуэнья.

Между тем незнакомец остановился на церковной паперти и следил за ними насмешливым взором.

— Опять придется повторить, — сказал он сквозь зубы, — я опоздал на четверть часа. Терпение!

Глава III. Обязанный работник

Прежде чем продолжать наш рассказ, скажем два слова о том страшном товариществе флибустьеров, или Береговых братьев, о которых мы говорили выше, как оно возродилось и каким образом сумело стать столь грозной силой. Флавио Джойа, гражданин из Амальфи, что в Неаполитанском королевстве, усовершенствовав в 1303 году компас, оказал мореплаванию огромную услугу. Это усовершенствование, позволившее мореплавателям не держаться берегов, а плавать в открытом море, далеко от земли, и дало толчок тому духу открытий, который впоследствии обеспечил человеку владычество над морями и принес ему обладание земным шаром, все части которого стали отныне ему доступны.

Мореплавание с первой половины XIV века начинало обретать все более смелые стремления. Испанцы отправились на Канарские острова, находившиеся за пятьсот миль от испанского берега; здесь они принялись совершать высадки для того, чтобы брать туземцев в рабство.

Первый же систематический план открытия и исследования новых земель был задуман португальцами после изгнания мавров из их страны. Вполне естественно, что помыслы португальцев были устремлены к африканскому континенту. Мы не будем ничего говорить здесь об успехе этих отважных странствований, а ограничимся только замечанием, что в среде этих смелых мореплавателей появился Христофор Колумб, которому предоставлена была честь открыть Новый Свет.

Странное дело, тщетно пытаясь снискать расположение многих монархов, отвергаемый всеми как сумасшедший или мечтатель, Колумб, напоследок обратившийся к Фердинанду и Изабелле, тогда остановившимися перед Гранадой, которую они осаждали, опять, после долгих переговоров, получил отказ — и на этот раз без всякой надежды на успех; он оставил лагерь, чтобы удалиться в Англию, куда уже неоднократно собирался податься, когда взятие Гранады вдруг изменило намерение обеих государей и заставило их принять предложения, от которых они так решительно отказывались сначала.

Христофор Колумб удалился от лагеря уже на несколько миль, когда курьер королевы догнал его; став недоверчивым от постоянных неудач, этот великий человек не без колебаний решил вернуться в Санта-Фе, где в то время расположился двор.

В Палосе, маленькой андалузской гавани, был снаряжен флот,

которому суждено было принести Испании Новый Свет. Снаряжение, оплаченное из королевской казны, далеко не отвечало величию предприятия, все издержки не превышали ста тысяч франков. Эскадра, отданная под начальство Колумба, произведенного в адмиралы, состояла из трех небольших кораблей, два из них были немногим больше шлюпок.

Адмирал плыл на «Санта-Марии», Мартин Алонсо Пинсон получил начальство над «Пинтой», имея лоцманом своего брата, и, наконец, «Нинья» была отдана под начальство Висенте Яньеса Пинсона, младшего из братьев Пинсонов. Суда взяли на борт годовой запас провизии. Экипажи состояли из девяноста человек, матросов и дворян, решившихся последовать за Колумбом.

Незадолго до восхода солнца 3 августа 1492 года флот снялся с якоря у Сальтеса, близ Уэльвы, в присутствии толпы зрителей, желавших успеха этому необыкновенному предприятию; однако большая часть провожающих не надеялась вновь увидеть смелых авантюристов.

В пятницу 12 октября 1492 года, после шестидесятипятидневного плавания, на восходе солнца вахтенный заметил землю — остров Гуанахани, или Сан-Сальвадор, один из Лунайских островов, или островов Багамского архипелага³. Великая проблема, до сих пор неразрешимая, была решена: Новый Свет был открыт или, лучше сказать, отыскан.

Но только в третье путешествие Колумб достиг берегов американского континента. 1 августа 1498 года Алонсо Перес, матрос, родившийся в Уэльве, стоявший на часах на марсе, увидел остров Тринидад. За ним открылся Гвианский берег, у устья Ориноко. Адмирал направил судно на запад и поплыл вдоль берегов Парии и Куманы, на которые несколько раз высаживался. Так был открыт американский континент.

Тотчас после первого путешествия адмирала Фердинанд и Изабелла, ослепленные великолепным и неожиданным результатом, достигнутым им, сочли за нужное принять предосторожности, чтобы обеспечить себе обладание землями, которыми их одарил гениальный авантюрист почти против их воли, и теми, которые в будущем он мог еще открыть. Следуя в этом примеру португальцев, которые в 1438 году заставили папу Евгения IV пожаловать им все страны, которые они откроют «от мысов Бохадор и Нан... вплоть до индийцев⁴», король и королева обратились к папе Александру VI с просьбой не только закрепить за ними страны, которые они уже открыли, но и те, которые будут открыты ими впоследствии.

Александр VI, родившийся подданным Фердинанда, желая сделать приятное этому государю, не увидел никаких затруднений, чтобы

исполнить его просьбу. Щедрым поступком, который ему ничего не стоил, но который увеличивал власть и притязания папы на всемирное владычество, он отдал буллой испанской короне все земли, открытые Фердинандом и Изабеллой, и те, которые впоследствии они могли открыть; однако, для того, чтобы эта привилегия не вступала в противоречие с данной ранее Португалии, Александр VI определил границей между этими двумя государствами воображаемую черту, проведенную от одного полюса до другого и проходящей в ста милях к западу от Азорских островов, отдавая своим полномочию все, что было к востоку от этой линии, Португалии, а все страны, находившиеся на западе, — Испании.

Основываясь на этой булле, данной в 1493 году папой, который силой своей власти уступал обширные области, не только ему не принадлежащие, но местоположение и даже существование которых было ему неизвестно, испанцы, считая себя законными владельцами Америки, присвоили ее, так сказать, в свою пользу, запретив выходцам из других стран не только селиться там, но и высаживаться на берег с целью вести торговлю с местными жителями. Эти притязания, как ни чудовищны они кажутся нам ныне, не возбудили тогда в Европе никаких протестов. В те времена Старый Свет все еще приходил в себя после кровавых побоищ, вызванных как опустошительным потоком непрерывных набегов варваров, так и свирепыми междоусобицами, и был слишком серьезно занят решением собственных проблем, для того чтобы предпринимать отдаленные экспедиции и устраивать колонии в неизвестных странах.

Более столетия дела оставались в таком положении. Испания, владычица морей, на которых ею был установлен деятельный надзор, без опаски вывозила в свои гавани золото Нового Света.

Но как ни всевидяще было грозное око испанских властей, некоторые иностранцы успели обмануть его бдительность. Возвратившись в Европу, они показывали золото, добытое ими, и рассказывали зачарованным слушателям небывалые истории о неизвестных областях, в которых они побывали. Эти истории, переходя из уст в уста, скоро приняли фантастические размеры, разбудив алчность в слушающих, и из всех гаваней Франции, Англии и даже Германии отправились экспедиции на поиски нового Эльдорадо.

Испанцы, искренне считавшие себя владельцами Нового Света, считали себя ограбленными; они преследовали иностранцев и обращались с ними как с пиратами. К несчастью, ни Франция, ни Англия, ни другие европейские народы не имели флота, способного бороться с испанским, давно завоевавшим репутацию непобедимого. Они должны были склонить

голову, проглотить свой стыд и признать собственное бессилие.

Тогда-то, в то самое мгновение, когда морское могущество Испании казалось непоколебимым в веках, одинокие авантюристы, пострадавшие от междоусобных раздоров, изгнанные религиозными войнами, искавшие ненадежного убежища на уединенных островах Атлантического океана и уже теснимые в этом последнем убежище, отважились сделать то, на что не рискнула пойти вся Европа, и смело бросили перчатку кастильскому колоссу. Эти авантюристы, будучи представителями разных наций, говоря на разных языках, исповедуя разные религии, но связанные между собой узами нищеты и ненависти к угнетению, составили грозное товарищество Береговых братьев, которому суждено было около столетия противостоять испанскому могуществу и положить начало европейским колониям в Новом Свете.

В то время, когда происходит наша история, французские военные суда, весьма немногочисленные, оставляли гавани только для коротких плаваний вдоль берегов, так что торговый флот защищал себя как мог, правительство не заботилось о нем, поэтому большая часть торговых судов имела многочисленный экипаж и пушки, чтобы защищаться против пиратов, наводнявших моря. Так что хотя между Францией и Испанией был мир, французское правительство охотно закрывало глаза на снаряжения, производившиеся в ее гаванях, и делало вид, будто принимает за мирных купцов смелых корсаров, заходивших туда запастись съестными припасами или, построив суда, выходивших в море для того, чтобы преследовать испанские галионы. Поэтому корсары, заранее уверенные в безнаказанности, а в случае надобности и в покровительстве французских властей, не старались скрыть свои намерения и действовали в Дьеппе, Нанте или Бресте так бесцеремонно, как будто находились у Антильских островов. Действительно, что могло сказать французское правительство авантюристам? Ничего, ведь для того, чтобы окончательно убедить их в своем покровительстве, оно само назначало губернатора из числа людей, уважаемых флибустьерами, и беспокоилось о том, чтобы ему была выделена часть добычи, отнятой у испанцев. Ныне это неизбежно вызвало бы *casusbelli*⁵, но тогда дело обстояло иначе: спорные вопросы истолковывались другим образом, правительства безмолвно условились, что все происходившее по другую сторону экватора не должно было ни в чем изменять европейский мир. Таким образом, жизнь в американских водах контролировалась Береговыми братьями, которые безнаказанно бороздили моря, гоняясь за кастильскими галионами.

Мы закончим теперь это отступление, конечно очень длинное, но

необходимое для уразумения последующих событий, и начнем опять нашу историю с того места, где оставили ее, то есть в ту минуту, когда Филипп после разговора с доньей Хуаной вышел из церкви Мерсед в волнении, которое, несмотря на все его самообладание, он не мог скрыть полностью. Очутившись на улице, он надвинул шляпу на глаза и медленным шагом направился к гостинице. Лошадь его была оседлана, ее держал за поводья пеон, тот самый, который недавно сказал ему, чтобы он шел в церковь. Молодой человек прыгнул в седло, бросил золотую монету пеону и выехал со двора. Ему больше нечего было делать в городе; благоразумие предписывало ему уезжать как можно скорее.

Однако он не ускорил бега лошади и ехал шагом, нисколько не заботясь об ужасной опасности, угрожавшей ему, если бы, несмотря на переодевание, в нем узнали флибустьера. Война испанцев с Береговыми братьями была неумолима и беспощадна; всякий пленник, взятый испанцами, немедленно подвергался повешению, флибустьеры же расстреливали пленных — в этом заключалась единственная разница в способах расправы с врагом. Впрочем, с той и с другой стороны убийство пленных совершалось необыкновенно быстро.

К счастью для молодого человека, был полдень, знойное солнце обжигало землю, и жители, спрятавшись в домах от изнурительной жары, отдыхали с запертыми дверями и ставнями, так что улицы были совершенно пусты, и по тишине, царствовавшей в городе, он точь-в-точь походил на город из «Тысячи и одной ночи», жителей которого волшебник вдруг превратил в статуи.

Филипп благополучно добрался до ворот, которые один сонный лансеро⁶ ворча отворил ему за пиастр и крепко за ним запер, и скоро очутился за городом. Перед ним расстилалась огромная равнина, покрытая роскошной растительностью и перерезаемая здесь и там почти высохшими ручьями. Оглянувшись на город, уже скрытый деревьями, он глубоко вздохнул и, наклонившись к шее лошади, поскакал галопом, не обращая внимания на жару, увеличивавшуюся с каждой минутой и становившуюся нестерпимой. Филипп чувствовал потребность быстрой ездой придать другое направление своим мыслям.

Уже больше двух часов мчался он таким образом. Лошадь его начинала утомляться и замедлять бег, как вдруг чей-то голос радостно воскликнул:

— Я знал, что встречу его здесь!

Молодой человек остановился и с удивлением осмотрелся вокруг. На камне, под тенью огромного дерева, сидел человек и, улыбаясь, смотрел на

Филиппа, выпуская клубы дыма из трубки с коротким чубуком.

— Питриан! — с удивлением вскричал Филипп. — Что ты тут делаешь, мой милый?

— Жду вас, господин Филипп, — ответил тот, вставая и подходя взять поводья лошади, пока молодой человек сходил на землю.

Этот Питриан был высокий широкоплечий малый лет тридцати пяти. Его умная, веселая физиономия как бы освещалась серыми глазами, взгляд которых живо перебегал с предмета на предмет и сверкал смелостью и хитростью; его кожа, загорелая и задубевшая от ветра, дождя, солнца и моря, приняла кирпичный цвет, делавший его похожим скорее на кариба, чем на европейца, хотя он был француз, парижанин. Костюм его был самый простой и первобытный, он состоял из небольшого холщового плаща и панталон, спускавшихся только до середины бедра. Надо было присмотреться вблизи, чтобы узнать, холщовая или нет эта одежда, до такой степени она была запачкана кровью и жиром. Старая шляпа с козырьком покрывала его голову; за поясом у него был чехол из крокодиловой кожи, в котором находились четыре ножа и штык, а возле себя он положил одно из тех длинных ружей, которые Бражи в Дьеппе и Желен в Нанте изготавливали специально для буканьеров. Питриан снял седло с лошади и начал прилежно обтирать ее, чуть слышно ворча про себя.

— Что ты там бормочешь, животное? — спросил, смеясь, молодой человек, который удобно разлегся в тени и играл с собаками работника.

— Животное! — произнес тот, пожимая плечами. — Я знаю, ваша лошадь тоже животное. Да мыслимое ли дело так загнать благородную скотину!

Филипп расхохотался.

— Хорошо, — сказал он, — ворчи, ворчи, это облегчит тебе жизнь. Кстати, знаешь ли ты, что я умираю с голоду; нет ли у тебя чего перекусить?

Работник, по-видимому, не слышал этого вопроса и продолжал обтирать лошадь. Филипп давно знал этого человека, он не настаивал и терпеливо ждал, чтобы Питриан занялся им. Питриан отвел лошадь в тень, дал ей напиться, положил перед ней две охапки травы, потом приблизился к молодому человеку, который притворился, будто не думает о нем.

— Итак, вы говорите, что голодны? — резко спросил Питриан.

— Еще бы! Я ничего не ел со вчерашнего дня.

— Есть смысл оставаться так долго без еды! — насмешливо заметил работник. — Но вы, должно быть, страшно проголодались?

— Признаюсь, я очень голоден.

— Я думаю! К счастью, я человек предусмотрительный, меня врасплох не застанешь; поищите у моей палатки.

Филипп внимательно огляделся и увидел, что рядом с палаткой, на листе, служившем тарелкой, лежит большой кусок вареной говядины и стоит горлянка с водкой.

— Я знал, что вы попросите у меня есть, вот и запасся.

— Ты поистине драгоценный человек, — сказал Филипп, схватив говядину. — Разве ты не составишь мне компанию?

Они сели друг против друга, взяли ножи, и обед начался.

— Теперь, — сказал молодой человек, — сделай мне удовольствие и объясни, каким образом я нашел тебя здесь?

— О! Очень просто: я вас искал.

— Как, ты меня искал?

— Капитан Пьер Легран сказал мне сегодня утром: «Я должен непременно сегодня вечером видеть моего друга Филиппа в гостинице „Лосось“. Я не знаю, куда он запропастился. Отыщи его, Питриан, и без него не возвращайся». Я отправился на поиски... Вот и все.

— Ты отправился на поиски, это очень хорошо, но почему ты пошел в эту сторону, а не в другую?

Питриан расхохотался.

— Ничего не может быть проще, — сказал он, — я дал понюхать ваше платье Миро и сказал ему: «Ищи, Миро, ищи!» Хорошая собака вертелась туда и сюда несколько минут, потом взяла ваш след и привела меня сюда. Теперь вам все ясно?

— Почти, — ответил молодой человек, бросая на работника подозрительный взгляд, — но разве Пьер хочет говорить со мной о чем-то серьезном?

— Кажется.

— Ты ничего не знаешь?

— Представления не имею, только он непременно ждет вас в гостинице.

— Буду.

— А обо мне вы позаботились, господин Филипп?

— Да, я все устроил.

— В самом деле?

— Честное слово! Ты теперь мой, я купил тебя у Пьера за четыре собаки и бочонок с порохом.

— Это не дорого.

— Он черт знает как дорожил тобой.

— Я думаю! Он с трудом найдет другого такого, как я.

— Теперь все устроено, и ты можешь быть спокоен.

— Благодарю. Я ваш и телом и душой на два года, потом я буду свободен.

— Решено.

— Да здравствует веселье! Я не променял бы свое нынешнее положение даже на сто луидоров с изображением французского короля... Кстати, я принес ваше ружье, пороховницу и мешок с пулями.

— Зачем?

— Неизвестно, что может случиться, беда приходит очень быстро, а по-моему нет ничего глупее, чем дать себя убить ни за что ни про что.

— Ты прав, пожалуй.

Говоря таким образом, Филипп взял ружье, зарядил его и положил возле себя. Авантюристы отдышали долго, жара была так сильна, что они предпочли переждать зной, прежде чем отправились в путь. Было около пяти часов вечера, когда они наконец подумали об отъезде. Питриан сложил свою палатку из тонкого полотна, перекинул ее через плечо, оседлал лошадь. Филипп уже хотел на нее садиться, когда собаки вдруг направили уши и начали настороженно лаять.

— Это что такое? — спросил Питриан. — Разве здесь в окрестностях есть испанцы, мои добрые собаки?

Собаки устремили сверкающие глаза на работника и завертели хвостом, повернув голову к тропинке, которая вела в город.

— Посмотрим, что там такое, мои красавчики, — сказал Питриан и, бросившись к дереву, ухватился за ствол и влез наверх с быстротой и ловкостью обезьяны. Через несколько минут он спустился.

— К нам едут гости, — сказал он.

— Хорошо, будем же вежливы и приготовим им достойную встречу, — смеясь ответил Филипп. — Много их?

— Человек двадцать, насколько я мог различить.

— Немного.

— Я тоже так думаю. Кроме того, они кажутся мне довольно мирными людьми. Это лансерос, провожающие носилки, запряженные лошадьми.

— Хорошо. Пусть себе едут.

Через несколько минут неподалеку послышались бубенчики лошадей и хлопанье бича майораля⁷. Оба авантюриста решительно встали с ружьем в руках посреди тропинки.

— Стой! — закричал Филипп громовым голосом.

Но этот призыв запоздал — при неожиданном появлении авантюристов лошади и солдаты остановились как бы по взаимному уговору: до того безумная отвага этих двоих испугала проезжавших. Авантюристы обменялись насмешливой улыбкой и, небрежно взяв ружья под мышку, подошли к носилкам.

— Куда направляетесь вы, проклятые испанцы? — грубо спросил Филипп у долговязого и желтолицего человека, дрожавшего всем телом, который казался начальником каравана.

— Мы путешествуем, благородный кабальеро, — отвечал тот невнятным голосом, низко кланяясь.

— Скажите пожалуйста! — заметил, ухмыльнувшись, Питриан. — И вы что же, путешествуете таким образом без всякого позволения?

Тот не ответил и со страхом осмотрелся вокруг; копьё в руках солдат дрожали, так велик был их испуг.

— Ну-ка, — насмешливо продолжал Питриан, — покажите нам, кто спрятался в этих носилках, чтобы мы могли судить, какое уважение следует ему оказывать.

— Извольте, сеньор, — сказал кроткий и нежный голос, при звуках которого Филипп вдруг задрожал.

Занавеси носилок раздвинулись, и очаровательное, грациозное личико доньи Хуаны показалось в проеме. Филипп взглядом приказал Питриану молчать и, сняв шляпу, сказал, почтительно поклонившись:

— Сеньорита, извините наше нескромное любопытство и продолжайте ваш путь; клянусь, никто больше не беспокоит вас.

— Я извиняю вас, кабальеро, — ответила она с нежной улыбкой. — Поезжайте, — обратилась она к майоралу.

— Позвольте пожелать вам благополучного пути, сеньорита, — печально добавил молодой человек.

— Надеюсь, что оно окончится благополучно, — выразительно произнесла девушка, — так же хорошо, как и началось.

Она в последний раз махнула рукой, и носилки удалились. Филипп остался стоять неподвижно, склонив голову, со шляпой в руке, до тех пор, пока процессия не исчезла за поворотом тропинки, и вдруг, выпрямившись, глубоко вздохнул.

— Ты видел эту женщину, Питриан? — спросил он работника прерывающимся голосом. — Я люблю ее, это моя невеста, она унесла с собой мое сердце!

— Хорошо! — улыбнувшись, сказал Питриан. — Она должна вернуть его вам, если бы даже нам пришлось разрушить все испанские

колонии, чтобы отыскать ее.

— Я дал клятву жениться на ней.

— Клятва священна для дворянина. Мы ее сдержим, я не знаю, как мы это сделаем, но мой отец, который был вовсе не дурак, говорил: «Тот всего дождется, кто умеет ждать», — и он действительно был прав.

Через десять минут авантюристы отправились по дороге в Пор-де-Пе, куда прибыли к десяти часам вечера.

Глава IV. Дядя и племянник

Филипп отпустил своего работника и сразу же отправился в гостиницу, невольно тревожась по поводу предстоящего свидания, причины которого он не понимал, — должно быть, случилось нечто очень важное, если Пьер Легран, вместо того чтобы просто ждать его в их общей квартире, вызвал его в гостиницу в такое позднее время.

Присутствие дяди, которого он считал находящимся на острове Сент-Кристофер, где тот занимал пост губернатора, было для него проблеском света и предостережением, чтобы он вел себя осмотрительно. Действительно, д'Ожерон был человек не только деятельный, очень заботившийся о чести авантюристов, с которыми он несколько лет делил опасности и тяготы флибустьерской жизни, но, кроме того, очарованный удовольствиями этой жизни, исполненной сильных ощущений и неожиданностей, он посвятил себя телом и душой счастью своих товарищей по оружию и мечтал о лучшем обустройстве их ненадежных убежищ, о том, чтобы дать Франции богатые колонии, превратив всех этих смелых хищных птиц, этих отважных покорителей морей в мирных жителей и трудолюбивых колонистов.

Этот план, достойный во всех отношениях человека с таким возвышенным умом и таким горячим сердцем, он старался осуществить любыми способами, жертвуя для этой цели даже личным состоянием. Словом, он продолжал претворять в жизнь идеи Ришелье, которому хотелось если не совсем уничтожить огромную власть испанцев в Америке, — дело пока невозможное, — то по крайней мере ограничить ее, так чтобы большая часть богатств Нового Света служила на пользу Франции, будучи отобрана у Испании.

Французское правительство понимало величие этой благородной и патриотичной идеи; слишком слабое для того, чтобы открыто помочь д'Ожерону военной силой, оно могло лишь тайно поощрять его действия и предоставить ему полную свободу, заранее обобязавшись одобрить все, что он надумает предпринять.

Как ни ненадежна была эта слабая опора, д'Ожерон довольствовался ею и смело принялся за дело. Но задача была крайне тяжелой: флибустьеры, привыкшие к полной свободе, к самой необузданной вольности, несколько не были расположены сгибать голову под игом, которое хотел наложить на них губернатор острова Сент-Кристофер; они не

без оснований утверждали, что Франция, отвергнув их как уродливых членов своей семьи и предоставив их самим себе, когда они были слабы, не имела права теперь, когда их отвага сделала их могущественной силой, вмешиваться в их дела и предписывать им законы.

Всякий другой человек, кроме д'Ожерона, без сомнения, отступил бы перед трудной задачей обуздать этих неукротимых людей. Но этот могучий разум, который поддерживала надежда на свершение великого и благородного дела, напротив, лишь подстегивали препятствия, по большей части неожиданные, которые возникали на каждом шагу и грозили помешать осуществлению его планов. Не прошло и четырех лет с тех пор, как д'Ожерон начал гигантское дело нравственного исправления, а его опыты уже принесли плоды и в нравах авантюристов начала обнаруживаться заметная перемена; они невольно подчинялись родительскому влиянию этого человека, который посвятил себя их счастью и которого они привыкли уважать, как отца.

Д'Ожерон понимал, что для достижения своей цели он должен не просто покуситься на законы Береговых братьев, но пойти на смелый шаг, став во главе этого общества, и направлять его действия. Авантюристы, которым лестно было видеть своим предводителем такого человека, весьма слабо сопротивлялись ему, в глубине души понимавшие выгоды твердого и разумного управления.

Добившись этого результата, д'Ожерон уехал во Францию. Хотя в то время был самый разгар Фронды, он отправился в Булонь, где в то время находился кардинал Мазарини, которого принцы вынудили удалиться, но который, однако, из этого изгнания тайно управлял делами короля. Кардинал благосклонно принял авантюриста, уговаривал его продолжать начатое дело, любезно согласился на все его просьбы, и д'Ожерон, не теряя ни минуты, уехал из Булони в Дьепп, откуда отплыл на остров Сент-Кристофер.

Но в его отсутствие случилось множество событий, заставивших губернатора изменить задуманные им намерения и отложить на некоторое время планы реформ.

Испанцы начали энергичные военные действия против флибустьеров, разбили их в нескольких схватках, захватив большое их число и повесив без всякого суда. В конце концов смелым нападением они захватили Черепаший остров, который надежно укрепили и где оставили многочисленный гарнизон под командой храброго и опытного офицера.

Потеря Тортуги нанесла сокрушительный удар по могуществу авантюристов, лишив их надежного убежища недалеко от Санто-Доминго,

а следовательно, на пути испанских судов. Кроме того, несмываемое кровавое пятно легло на честь флибустьеров, которых до сих пор считали непобедимыми. Во что бы то ни стало необходимо было вернуть Черепаший остров, это орлиное гнездо, откуда так безопасно вылетали флибустьеры, чтобы неожиданно нападать на испанские колонии.

Вернувшись на остров, д'Ожерон, не объявляя о своем присутствии, надел костюм флибустьера, сел со своими двумя людьми в ветхую лодку, в которую из всех щелей вливалась вода, сумел незаметно пройти среди многочисленных судов, и после семнадцатидневного путешествия, в котором он раз сто чуть не погиб, ему удалось высадиться целым и невредимым в Пор-де-Пе. Прибыв на Санто-Доминго, губернатор отправил одного из своих людей к Пьеру Леграну, старому флибустьеру, которого он давно знал, назначил ему свидание в гостинице и открыл ему свои планы, подключив к переговорам и своего племянника Филиппа, который имел большое влияние среди флибустьеров благодаря своей необыкновенной энергии, львиному мужеству, а особенно счастью, сопровождавшему все его предприятия.

д'Ожерон внимательно следил за выражением беспокойства, которое внезапно появилось на лице молодого человека, когда было упомянуто о Черепашьем острове. Старик нахмурил брови и, устремив на молодого человека проницательный взгляд, спросил:

— Что это значит, Филипп? Ты колеблешься, не решаясь напасть на испанцев?

— Нет, дядюшка, — ответил Филипп с очевидным замешательством, — я не колеблюсь, сохрани меня Бог!

— Ты просто отказываешься, — добавил дядя с насмешкой.

Молодой человек побледнел еще больше, если такое возможно, при этой язвительной иронии.

— Вы не поняли смысла моих слов, дядюшка, — почтительно заметил он.

— Так объясни мне все откровенно, — сказал губернатор с нетерпением, — я должен знать, по крайней мере, что у тебя на уме.

Хотя уже и будучи стариком, д'Ожерон, все еще молодой сердцем и умом, сохранил со времен прежней отважной жизни вспыльчивость, которая при малейшем противоречии заставляла кровь бросаться ему в лицо и пробуждала в нем страшный гнев.

— Я очень хочу объясниться, дядюшка, но сделаю это с одним условием.

— С каким? Говори же.

— Вы должны выслушать меня спокойно и не сердиться.

— Где это ты видел, чтобы я сердился, черт побери! — вскричал раздражительный старик, ударив кулаком по столу так, что тот чуть не разлетелся в щепки.

— Вот видите, вы уже начинаете сердиться!

— Отправляйся к черту!

— С удовольствием, — ответил Филипп, делая шаг к двери.

Но дядя торопливо схватил его за полу камзола.

— Полно тебе, оставайся здесь и поговорим, — сказал он кисло-сладким тоном.

— Хорошо, лучше закончить этот разговор сейчас.

— Я тоже так думаю.

— Вы хотите взять Тортугу?

— Хочу.

— Чем?

— Как чем?

— Я полагаю, что вы не имеете намерения захватить остров в одиночку?

— Еще бы!

— Так что же вы собираетесь делать? Испанский гарнизон многочислен, офицер, командующий им, опытен, он всегда остерегается, прекрасно зная, что когда-нибудь мы вздумаем напасть на него врасплох; кроме того, остров отлично укреплен.

— Я знаю все это, дальше!

— Дальше?

— Ты что, хочешь сказать, что Черепаший остров неприступен?

— Я не хочу ничего сказать, нет, я только хочу заставить вас понять, насколько трудна эта экспедиция, особенно теперь.

— Почему же именно теперь?

— Потому, что все наши самые храбрые братья отсутствуют, и здесь никого не осталось.

— Я уже заметил это господину д'Ожерону, — вставил Пьер Легран, выбивая трубку об угол стола.

— А что я на это ответил?

— Вы ответили, что можно обойтись без отсутствующих.

— И опять скажу то же самое — слышишь, племянник?

— Прекрасно слышу, дядюшка.

— Ну, а хочешь ты услышать мое мнение обо всем этом?

— Мне будет очень лестно узнать его, дядюшка.

— Так вот мое мнение, милостивый государь: по причинам, мне неизвестным, но о которых, будьте уверены, я узнаю, вы не желаете, чтобы Тортуга была атакована.

— О, дядюшка! — сказал Филипп, краснея. — Как вы можете предполагать что-либо подобное?

— Полно, полно, племянник! Со мной увертки бесполезны, я достаточно стар, чтобы меня можно было обмануть.

Молодой человек сделал усилие над собой.

— Вы действительно предлагаете нам отнять остров у испанцев? — спросил он резко.

— Конечно.

— Если так, выслушайте меня, дядюшка.

— Ничего другого я не желаю. Вот уже целый час я приглашаю тебя говорить.

— Это дело слишком важное, — продолжал Филипп, — его нельзя обсуждать здесь, куда всякий может войти, и притом трактирщик ненадежен; в Пор-де-Пе полно испанских шпионов, наш план будет тотчас же известен неприятелю.

— Все это очень хорошо. Вот я люблю, когда ты так говоришь.

— Сохраните ваше инкогнито, дядюшка, ваше присутствие здесь должно оставаться в тайне, а мы с Пьером послезавтра созовем наших братьев на островок Мариго.

— Почему послезавтра? Почему на островок?

— Потому что на островке никто не сможет шпионить за нами, там мы будем чувствовать себя как дома и свободно поговорим.

— Хорошо, но послезавтра будет уже поздно.

— Нужно время, чтобы предупредить наших друзей; кроме того, нам нужны достоверные сведения о состоянии обороны Тортуги.

— Правда, но кто нам доставит эти сведения?

— Я, черт возьми! Я проберусь на остров, и — можете быть уверены! — от меня ничто не ускользнет.

— Мы отправимся вместе, — с живостью сказал Пьер.

— Благодарю, но я отправлюсь один, так будет гораздо лучше, один человек всегда может спрятаться, двое же рискуют попасть в засаду.

— Как хочешь, друг.

— Ну как, решено, дядюшка?

— Да, решено, Филипп, ей-Богу, ты настоящий молодец! Теперь мне жаль, что я сердился на тебя.

— Ба-а! Забудьте об этом, дядюшка, я уж и сам не помню.

- Решено, послезавтра.
- Непременно.
- Только не дай себя убить.
- Не так я глуп! Испанцы меня не увидят.
- Что мы будем делать теперь?
- Уйдем. Становится поздно, и вам надо отдохнуть.
- Итак, ты предлагаешь мне гостеприимство, Пьер?
- Еще бы! Хорошо бы я был в ином случае!

Пьер подозвал трактирщика, расплатился, и все трое встали, чтобы уйти. В ту минуту, когда они дошли до дверей, молния прорезала темноту, и страшный удар грома сотряс стекла.

— Ого!.. Это еще что такое? — спросил д'Ожерон.

— Начинается ураган, — ответил Пьер, — он собирается уже два дня. Я жалею о судах, которые пытаются пристать к берегу в подобную бурю.

— Ш-ш! — остановился вдруг Филипп, с живостью наклонив голову вперед. — Вы слышали?

— Что такое? — спросили они.

— Пушка!

— Как пушка? — вскричали они с беспокойством.

— Слушайте! Слушайте!..

Все прислушались. Прошло несколько секунд, потом дважды раздался слабый звук, в происхождении которого опытные моряки не могли ошибиться.

— Это пушка! — вскричали они.

— Погибает судно!

— Да, да, — сказал д'Ожерон, печально качая головой, — это сигнальная пушка: ветер гонит судно к берегу, и на нем знают, что погибли, но кто попытается помочь им в такую бурю?

— Я, если не найдется никого другого! — благородно вскричал Филипп.

— Мы! — повторил Пьер, спокойно снимая свое красивое вышитое платье и старательно складывая его, чтобы не испортить.

— Да вы с ума сошли, друзья мои, — увещевал их д'Ожерон, — вы двадцать раз утонете, прежде чем доберетесь до этого судна. Притом, откуда вы знаете, что это наш корабль? Это, верно, какой-нибудь испанский галион, которого прибило к берегу.

— Тем лучше, дядюшка! — весело заметил Филипп.

— Тем лучше?! Почему?

— Потому что мы его захватим, — ответил Филипп, смеясь.

Д'Ожерон, загнанный в тупик этим ответом, опустил голову, сложил руки на груди и пожал плечами. Такая смелость превосходила все, что он видел до сих пор.

— Ах, как я сожалею в эту минуту о Питриане! — воскликнул Пьер.

— Почему же, сударь? — спросил работник, внезапно появляясь в дверях.

— А! Ты здесь, мой милый? Добро пожаловать; ты, верно, колдун.

— Никак нет, но я догадывался, что буду здесь нужен, и пришел.

— И правильно сделал. С тобой и моим приятелем Филиппом, я уверен, мы преуспеем.

— Кто в этом сомневается! — просто ответил Питриан, даже не спрашивая, о чем идет речь.

— Скорее! — вскричал Филипп. — Найдем лодку.

— Это не так трудно, — весело отозвался Пьер.

Все трое, оставив д'Ожерона в дверях гостиницы, бегом бросились к берегу.

Глава V. Герцог Пеньяфлор

За месяц до начала нашего рассказа человек, старательно закутанный в толстые складки длинного плаща, ехал на сильной гнедой лошади по едва проложенной дороге от Медальина до Веракруса. Было около одиннадцати часов утра, морской ветерок спал, и жара постепенно становилась изнурительной в этой бесплодной и песчаной местности, которая окружает город и по которой всадник ехал шагом. Пристально осмотрев окрестности, всадник, успокоенный полным уединением, окружавшим его, решил снять с себя плащ и, сложив вдвое, бросить его на седло.

Тогда стало легко определить в ехавшем молодого человека лет двадцати двух, с тонкими и благородными чертами лица; его высокий лоб, черные глаза, насмешливый рот с небольшими темно-каштановыми усами придавали его овальному лицу выражение гордости, презрения и некоторой жестокости; он был высок и строен, манеры имел чрезвычайно изящные и непринужденные. Костюм из черного бархата с серебряными позументами прекрасно оттенял матовую белизну лица. Короткая шпага в серебряных ножнах доказывала, что он имел благородное происхождение, потому что одни только дворяне имели в то время право носить шпагу. Из-под шляпы из вигоневой шерсти, низкой и с широкими полями, выбивались длинные локоны черных волос, в беспорядке падавшие на плечи; ботфорты из желтой кожи с тяжелыми серебряными шпорами поднимались выше колен. Словом, это был блистательный кавалер, донжуанская внешность которого должна была нравиться сладострастным веракрусам и внушать ревность множеству мужей.

В нескольких шагах от города он снова надел свой плащ, потом проехал Гуариту и скоро достиг первых домов предместья Техерия. Впрочем, путешественник лишь ненадолго углубился в это предместье; скоро его лошадь сама остановилась перед ветхим черным домом, массивная дверь любопытной резьбы которого тотчас отворилась перед ним.

Молодой человек сошел с лошади и бросил поводья пожилому слуге, который, заперев дверь, подошел к нему, сняв шляпу.

— Герцог спрашивал меня, Эстебан? — по-испански спросил молодой человек слугу.

— Два раза, граф, — почтительно ответил Эстебан.

— Он не тревожился и не сердился на мое отсутствие?

— Не сердился, но тревожился, ваше сиятельство.

— Нет ничего нового?

— Нет, ваше сиятельство; за те два дня, что продолжалось ваше отсутствие, герцог оставался взаперти в своих комнатах. Он вышел только раз, чтобы проститься с губернатором.

— Герцог едет?

— Приказано готовиться сегодня вечером, ваше сиятельство, ничего не изменилось.

— Мне ничего не приносили?

— Сегодня утром, около часа тому назад, приходил человек с двумя торговцами, которые принесли сундуки.

— Хорошо, я приведу в порядок свой костюм, потом пойду к герцогу. Доложите ему о моем возвращении, Эстебан.

Слуга поклонился, передал поводья лошади конюху и вошел в дом через черный ход, а молодой человек вошел в парадную дверь, поднялся на первый этаж, повернул ключ в двери и очутился в передней, где возле стен стояло несколько сундуков, тех, о которых говорил Эстебан. Молодой человек прошел эту комнату не останавливаясь и сошел в спальню, вероятно свою, потому что тотчас стал снимать костюм, помятый в дороге.

Он полностью переоделся и бросил последний взгляд в зеркало, когда появился Эстебан.

— Что вам нужно? — спросил он слугу.

— Герцог ждет вас, граф, в столовой, — ответил тот, кланяясь.

— Ступайте, я иду за вами, — сказал граф.

Они спустились на нижний этаж, прошли несколько комнат, богато меблированных и заполненных слугами в парадных ливреях, пеонами и конюшими, стоящими или сидящими, которые молча кланялись молодому человеку, и наконец остановились перед дверью, возле которой стояли два привратника, каждый с золотой цепью на шее. Один отворил дверь, второй приподнял портьеру и доложил:

— Граф дон Гусман де Тудела.

Граф вошел в сопровождении Эстебана, на котором ливреи не было и который казался доверенным слугой. Портьера за ними опустилась, и дверь затворилась. Комната, в которой очутился молодой человек, оказалась столовой. Два человека сидели за столом, стоящим посреди комнаты и уставленным яствами, до которых еще никто не дотрагивался. Дворецкий и двое слуг в черном ждали приказа подавать.

Из двух человек, сидевших за столом, первым был старик лет, по крайней мере, восьмидесяти; хотя его волосы и борода были

ослепительной белизны, однако он был еще прям и бодр, его черные глаза были полны огня и молодости, выражение лица жестко, мрачно и печально. На нем был богатый костюм из черного бархата, вышитый серебром, а на шее — два ордена: Святого Духа и Золотого Руна. Это был герцог Пеньяфлор.

Человек, сидевший рядом с ним, был моложе его как минимум на тридцать лет. Это был сын герцога, маркиз дон Санчо Пеньяфлор. Несмотря на свои сорок лет, это был человек еще молодой, ни одной морщины не виднелось на его лбу, чистом и гладком, как будто ему было только двадцать лет, его красивое и мужественное лицо было веселым и беззаботным, что составляло резкий контраст с мрачной серьезностью отца. Костюм его, сшитый по последней моде французского двора, был сумасбродно богат и смотрелся на нем восхитительно. В эту минуту он поигрывал золотым эфесом своей шпаги, напевая вполголоса сегидилью.

— Добро пожаловать, дон Гусман, — произнес герцог, протягивая молодому человеку руку, которую тот почтительно поцеловал, — мы ждали вас с нетерпением.

— Ваша светлость, — ответил граф, — только очень важные причины, независимые от моей воли, могли удержать меня вдали от вас.

— Мы не упрекаем вас, милостивый государь, вы объясните нам после, что вы сделали, а теперь садитесь. Подавайте, — прибавил герцог, обращаясь к дворецкому.

— О-о, дон Гусман! — сказал маркиз, с любопытством глядя на него. — Как вы нарядны, любезный кузен, я не видал у вас этих великолепных кружев. Это английские, не так ли?

— Да, кузен, — ответил граф.

— Пожалуйста, дайте адрес торговца Эстебану.

— Я поступлю проще, кузен, — сказал граф, улыбнувшись, — если эти кружева так вам нравятся, я подарю их вам.

— Ей-Богу! — весело вскричал маркиз, потирая руки. — Это правда, я было забыл; наверное, пройдет много времени, прежде чем вы...

— Вы, видно, сошли с ума, маркиз, что говорите такие вещи, — грубо перебил герцог, бросив на него строгий взгляд.

Дон Санчо потупил голову и прикусил губу. Обед продолжался в молчании. Герцог и граф были озабочены, только маркиз сохранял свою обычную веселость. Когда сладости были поставлены на стол, герцог подал знак и слуги исчезли. Трое собеседников остались одни. Маркиз собрался встать.

— Что вы делаете, дон Санчо? — спросил герцог.

— Я оставляю вас, отец, — ответил маркиз, — вы будете говорить о серьезных вещах с моим кузенком, мне лучше удалиться.

— Оставайтесь, дело это касается вас больше, чем вы предполагаете.

— Если вы хотите, я останусь, хотя не вижу, чем может быть полезно мое присутствие.

Герцог подал ему запечатанный конверт.

— Прочтите, это вам, я получил его сегодня утром.

— Королевский приказ! — воскликнул маркиз с удивлением.

— Да. Король соблаговолил, по моей просьбе, назначить вас губернатором Эспаньолы.

— О! Отец, как я вам признателен! — вскричал маркиз, целуя руку герцога.

— Я хотел иметь возле себя единственного сына, оставшегося у меня.

— Разве вы намерены оставить Новую Испанию, отец?

— Один и тот же курьер привез ваше назначение и приказание мне ехать в Панаму.

— Какая честь для нашей фамилии!

— Его величество осыпает нас милостями.

— Позвольте мне, герцог, — сказал граф, — присоединить мои поздравления к поздравлениям моего кузена.

— Вы отчасти являетесь причиной того, что случилось, дон Гусман, — с улыбкой ответил герцог.

— Я? — удивленно переспросил граф.

— Конечно. Чтобы обеспечить успех трудного предприятия, вверенного вам, я согласился, несмотря на преклонные года, принять место губернатора в богатой провинции Панама. Я знаю, что будучи уверены в возможности получить от меня помощь во всем, вы не колеблясь будете исполнять ваши обязанности до конца. Мы с вашим кузенком отправимся почти в одно время с вами. Дон Санчо будет служить нам посредником, таким образом нам нечего будет опасаться измены и мы ни с кем не разделим славы избавления нашего отечества от непримиримых врагов, которые столько лет бросали ему дерзкий вызов.

— Благодарю вас и постараюсь, клянусь вам, оправдать ваше доверие ко мне.

— Потрудитесь рассказать мне в двух словах, чем вы занимались эти два дня.

— Я, как мне кажется, в точности исполнил все ваши поручения. Я договорился с человеком, на которого вам указали; человек этот отныне всецело предан мне, сегодня же он должен представить меня капитану

бригантины «Кайман», которая завтра выйдет из гавани.

— И вы уверены в этом человеке?

— Как в себе самом.

— Итак, мы простимся с вами, потому что мы также уезжаем. Я написал инструкции, от которых вы не должны отступать, они изложены в этой бумаге, возьмите ее и остерегайтесь, как бы ее у вас не похитили.

Граф взял бумагу из рук герцога.

— Эти инструкции я выучу наизусть, — заявил он, — потом, когда они запечатлеются в моей памяти, я сожгу бумагу.

— Это будет благоразумно, — улыбаясь, заметил герцог.

— Итак, кузен, мы будем там врагами, — весело воскликнул маркиз, — берегите себя и не позволяйте моим полусотням застать вас врасплох.

Герцог, склонив голову на грудь, глубоко задумался.

— Вам придется иметь дело с сильными людьми, — продолжал маркиз, — я ведь давно их знаю.

— Вы с ними сражались, кузен?

— Я несколько раз имел с ними дело, то как враг, то как друг; это демоны! Однако, — внезапно прибавил он меланхолическим тоном, очень удивившим молодого человека, — я не могу плохо отзываться о них, менее, чем всякий другой, я имел бы на это право.

— Потрудитесь объяснить, кузен...

— Зачем? — перебил маркиз с живостью. — Вы сами узнаете их. Помните только, что это люди во всем значении этого слова, они имеют все пороки и все добродетели, свойственные человеческой природе: заходят так же далеко в хорошем, как и в плохом; ненависть к деспотизму породила в них неукротимую вольность, которую они величают свободой, — слово, выдуманное ими и одним им понятное.

— Судя по тому, что вы мне говорите, кузен, я вижу, что мне придется очень трудно.

— Более чем вы предполагаете, кузен. Дай Бог, чтобы вы не погибли в этих трудах!.. Ах! — прошептал он вполголоса. — Для чего вы согласились взять на себя это опасное поручение?

— Что мог я сделать? — ответил граф тем же тоном.

— Это правда, — сказал маркиз и, бросив взгляд на герцога, все еще погруженного в раздумья, он продолжал, — я не могу разговаривать с вами, как мне хотелось бы, дон Гусман, однако послушайте: так как я теперь губернатор на Эспаньоле, я мог бы, кажется, быть вам полезен; вы знаете, какую дружбу я питаю к вам, не делайте ничего, не посоветовавшись со

мною, может быть, мои советы будут вам полезны.

— Я тронут до глубины души вашими словами, кузен, но как же я увижусь с вами?

— Не беспокойтесь, вы получите от меня известие, мне же остается прибавить только одно: будьте осторожны, самое легкое подозрение будет сигналом к вашей смерти, эти люди не прощают, я имел доказательство.

В эту минуту герцог приподнял голову и провел рукой по лбу. Бросив повелительный взгляд на маркиза, как бы приказывая ему молчать, он наклонился к графу и тоном кротким и сердечным, который граф слышал от него очень редко, сказал ему:

— Дитя мое, через минуту мы расстанемся и, может быть, больше никогда не увидимся; я не хочу разлучиться с вами, не открыв вам некоторых обстоятельств, которые вам нужно — я скажу, даже необходимо — знать для успеха вашего поручения и для успокоения вашей совести.

— Я слушаю вас с уважением и признательностью, — ответил молодой человек, — вы были для меня отцом, я всем обязан вам, я был бы самым неблагодарным человеком на свете, если бы не питал к вам искреннего и глубокого уважения.

— Я знаю ваши чувства, дитя мое, я верю доброте вашего сердца и правоте вашего образа мыслей, вот почему я хочу до нашей разлуки поведать вам историю вашего детства, в чем я вам отказывал до сих пор... Вам известно, что наша фамилия одна из знатнейших в Испании, она восходит к временам зарождения монархии, наши предки всегда высоко ставили честь нашего имени, которое передали нам незапятнанным. Ваша мать приходилась мне сестрой, вы видите, дитя мое, что вы мой близкий родственник: я вам дядя. Ваша мать, донна Инесса Пеньяфлор, появилась на свет гораздо позже меня; она была совсем еще ребенком, когда я женился. После смерти моего отца я сделался ее опекуном.

В те времена, о которых я вам говорю, любезный Гусман, между Францией и Испанией была война; по некоторым причинам моя сестра была отдана в монастырь в городе Перпиньяне, который тогда еще принадлежал нам. Прошло несколько лет. Перпиньян, осажденный лично самим кардиналом Ришелье, после продолжительной и героической обороны был вынужден сдаться. После взятия города я прискакал туда, чтобы забрать мою сестру из монастыря и отвезти ее в Испанию. Я нашел ее умирающей, монастырь был разграблен французами. Изгнанные и разбежавшиеся монахини укрылись, кто где мог; моя сестра нашла убежище в бедной испанской семье, где я с трудом смог ее найти. Встревоженный ее болезнью, я позвал доктора, чего бедные люди,

принявшие ее к себе, сделать не могли по причине своей нищеты. Сестра не хотела видеть доктора, я с величайшим трудом убедил ее принять его. Он долго оставался у нее, когда наконец он вышел, я поспешил расспросить его; лицо его было печально, он отвечал на мои вопросы с принужденным и смущенным видом. Я вошел в комнату сестры, она плакала и также ничего не хотела мне говорить. Доктор возвратился к вечеру, я снова расспросил его, он сказал мне несколько банальных утешений, и мне показалось, что он старается удалить меня; настойчивость, с которой он уговаривал меня идти спать, внушала мне подозрения, я предчувствовал несчастье. Я притворился, будто соглашаюсь, и вышел, но как только он вошел в спальню моей сестры, я проскользнул в комнату, отделенную от ее спальни одной перегородкой, и прислушался; так я узнал всю правду: мою сестру обольстил один французский офицер, потом бросивший ее. Что я мог сделать? Я не колеблясь все простил бедному обманутому ребенку, потребовал только, чтобы она назвала мне имя своего обольстителя. Человек этот носил одно из знатнейших имен французского дворянства. Я поехал к нему в Париж, где он тогда находился. Я потребовал от него, чтобы он загладил совершенное им преступление, но он расхохотался мне в лицо и повернулся спиной. Тогда я нанес ему одно из тех оскорблений, которые требуют крови; дуэль была назначена на другой день... Он опасно ранил меня. Два месяца я находился между жизнью и смертью, наконец стал выздоравливать. Мой враг уехал из Парижа. Невозможно было узнать его местопребывание, и я вернулся в Перпиньян с разбитым сердцем.

Герцог был бледен, капли пота выступили на его висках, фразы, срывавшиеся с его губ, были сухи и отрывисты. Маркиз, наклонившись вперед, устремив пристальный взгляд на отца, слушал речь герцога с каким-то страхом. Граф, закрыв лицо руками, не видел ничего, все его внимание было сосредоточено на рассказе старика. Тот продолжал:

— Моя сестра родила мертвого ребенка, я нашел ее выздоровевшей. Я ничего не рассказал ей о своем путешествии. Ничто не удерживало меня во Франции, я уехал с ней в Испанию. Три месяца спустя его величеству угодно было назначить меня вице-королем Новой Испании; я приготовил все к своему отъезду, который, по королевскому предписанию, должен был состояться немедленно. Сестра, как мы условились, должна было ехать со мной в Мексику. В это время один из наших дальних родственников, живший в Мадриде уже несколько недель, явился ко мне и официально попросил руки моей сестры. Этот родственник несколько раз видел Инессу у меня, хотя жила она уединенно. Он влюбился в нее и хотел на ней

жениться. Его звали граф дон Луис де Тудела.

— Мой отец? — вскричал молодой человек.

— Да, дитя мое, ваш отец, потому что, несмотря на свое отвращение к этому союзу, сестра уступила моим просьбам и согласилась выйти за него замуж. Через несколько дней после ее свадьбы я уехал из Испании в Мексику. Я был там уже два года, когда вдруг получил три известия, одно за другим, которые заставили меня поспешно вернуться в Испанию, рискуя подвергнуться немилости короля. Человек, обольстивший мою сестру, приехал в Мадрид в свите французского посланника. На одном балу при дворе он узнал в графине де Тудела женщину, так постыдно брошенную им в Перпиньяне. Вместо того, чтобы стыдиться своего прошлого поведения и держаться в стороне, он счел, что случай достаточно хорош, чтобы возобновить с ней любовную связь. С презрением отвергнутый графиней, человек этот имел гнусность публично обесславить ее, изобразив в искаженном свете то, что произошло между ними в Перпиньяне. Граф, узнав об этом, вызвал его на дуэль. Они дрались. Этот человек убил графа.

— Вы знаете имя этого человека? — вскричал молодой человек голосом, дрожавшим от горести.

— Знал, но он переменял его и взял другое, — глухо произнес старик.

Молодой человек с горечью потупил голову и подавил рыдание.

— Моя сестра умерла от горя через несколько дней после своего мужа, оставив вас годовалым сиротой. Я взял вас к себе, Гусман, и стал относиться с отеческой заботой, но я сохранил для вас священное поручение — отомстить за вашего отца и за вашу мать.

— Я непременно исполню это поручение, благодарю, герцог, — сказал молодой человек с лихорадочным возбуждением.

— Я с величайшим вниманием занимался вашим воспитанием, которое направил на подготовку к морской службе, потому что вы должны были стать моряком для исполнения моих и ваших планов; слава Богу, хотя вы еще очень молоды, вы по справедливости пользуетесь репутацией офицера искусного и опытного. Теперь последнее слово.

— Я слушаю вас, герцог.

— Убийца вашего отца, обольститель вашей матери — один из предводителей этих страшных людей, среди которых вы будете жить, я это знаю наверняка, одно только мне не известно — имя, которое он принял с тех пор, как вступил на этот путь убийства и грабежа.

— Ах! Это для меня все равно! — решительно вскричал граф. — Как бы хорошо ни спрятался этот человек, я его найду, клянусь вам!

— Хорошо, дитя мое. Час нашей разлуки настал. Вы знаете, какое

кровавое поручение должны исполнить! Да поможет вам Господь! Вот вам мое благословение, уезжайте и сдержите вашу клятву.

Молодой человек стал на колени перед стариком, который протянул ему руку для поцелуя, потом поднялся и простился с маркизом.

— До свидания! — сказал маркиз, выразительно пожимая графу руку.

— До свидания! — ответил граф и вышел из столовой. Герцог следил за ним взглядом, прислушивался к шуму его шагов, который все более и более стихал, потом гордо приподнял голову и сказал торжествующим тоном:

— На этот раз я наконец отомщу!

— Ах, отец! — прошептал маркиз печально. — Неужели вы неумолимы?

Старик повернул голову к сыну с неповторимым выражением презрения, пожал плечами и медленно вышел из столовой.

— Бедный Гусман! — пробормотал дон Санчо, глядя, как удалялся его отец.

Глава VI. Поступление на службу

Дон Гусман де Тудела после разговора с герцогом Пеньяфлором заперся в своей комнате. Оставшись один и будучи уверен, что ему нечего опасаться любопытных взоров, молодой человек упал на стул, опустил голову на руки и довольно долго оставался погруженным в полную неподвижность.

О чем он мог размышлять? Лишь он один мог бы ответить на этот вопрос. Может быть, он думал о своем погибшем будущем, о своих надеждах, вдруг разбитых ужасным признанием, сделанным ему. Может быть, он мечтал о мщении обольстителю своей матери, в котором поклялся. Может быть также, посылал он последнее прощание любимому существу, которое долг вынуждал его бросить без надежды увидеть когда-нибудь. В двадцать лет не является ли любовь величайшим делом в жизни, и когда человек красив, богат и знатен, жизнь кажется так приятна и легка!

Впрочем, каковы бы ни были размышления несчастного молодого человека, должно быть, они были очень печальны, потому что жгучие слезы пробивались сквозь пальцы и приглушенные рыдания вырывались из его груди, несмотря на все усилия удержать их. Наконец он приподнял лицо, побледневшее от страданий, и провел рукой по влажному лбу.

— Прочь слабость! — сказал он с печальной улыбкой. — Прощайте, мои прекрасные мечты! Мое сердце должно быть теперь мертво для всякого другого чувства, кроме ненависти!

Он отпер сундук, вынул матросское платье, положил его на стул и с последним вздохом стал снимать свой блестящий костюм.

Он уже заканчивал переодеваться в матросское платье, когда в дверь тихо постучали.

— Это он! — прошептал граф и пошел отворить дверь.

Человек лет сорока, по наружности походивший на матроса, со шляпой в руке, почтительно стоял на пороге.

— Войдите, мэтр Агуир, — сказал граф.

Матрос поклонился и вошел в комнату.

— *Se pues hablar?*⁸ — произнес он, бросая вокруг подозрительные взгляды.

— По-французски или по-испански, как хотите, мэтр Агуир, — ответил молодой человек, запирая дверь, — мы одни.

— Хорошо. Если так, нам нечего опасаться, ваше сиятельство.

— Гм! Метр Агуир, оставьте, пожалуйста, вашу привычку называть меня сиятельством, отныне зовите меня просто Марсиалем, — это имя я намерен принять.

— Буду повиноваться, — ответил Агуир, кланяясь.

— Хорошо, садитесь и поговорим.

— По вашему приказанию я был у капитана «Каймана».

— А! Его название «Кайман»?

— Да.

— Хорошее имя для флибустьерского судна.

— Оно и есть флибустьерское.

— Знаю, а этого здесь и не подозревают?

— Вовсе нет, — его принимают за судно, торгующее чернокожими невольниками; при этом капитан осторожен: он никого не отпускает на берег, вот уже неделя как он бросил якорь в Сакрифичиосе, и ни один матрос из его экипажа не был в Веракрусе.

— Да, смелая игра, но ведь все может в конце концов открыться.

— Сегодня ночью он снимается с якоря.

— О-о! Стало быть, нам надо поторопиться.

— Я так и сделал. По странной случайности я находился в Сакрифичиосе во время прибытия этого судна; несмотря на то, что оно перекрашено и переоснащено, такого старого моряка, как я, это обмануть не могло. Их ухватки показались мне подозрительны и...

— Зачем же путаться? — перебил молодой человек, улыбаясь. — Почему бы не сказать мне откровенно.

— Что такое? — спросил Агуир, вздрогнув от изумления.

— Да, конечно, ведь я теперь ваш. Дело очень просто. Вы баск из Байонны, то есть полуиспанец, вы воспользовались этим, чтобы поселиться здесь, но с какой целью? Теперь это меня не касается, так что я ничего вам не скажу, только вы устроились так, чтобы у вас всегда оставалась возможность поддерживать связь с вашими друзьями — Береговыми братьями. Смысл истории, которую вы мне поведали сейчас, состоит в том, что вы уже несколько дней ждали этого судна; теперь, когда мы поняли друг друга, как я надеюсь, пожалуйста, продолжайте, я весь превратился в слух.

Все это было сказано тоном тонкой и язвительной насмешки, который до того смутил матроса, что он стал в тупик. Но так как это был человек смелый, к нему быстро вернулось его обычное хладнокровие, и, посмотрев прямо в лицо графу, он сказал:

— Ну да, это правда. Дальше что?

— Больше ничего.

— Любопытно было бы узнать, кто сообщил вам эти сведения, граф.

— Вы забываете наши условия, мэтр Агуир. Меня зовут Марсиаль, пожалуйста, запомните это раз и навсегда. Что касается источника моих сведений, то вы понимаете, мой милый, что дело, в которое я вступаю, достаточно серьезно, чтобы я принял меры предосторожности; я наблюдал за вами, вот и все, для меня было довольно важно, чтобы вы мне не изменили.

— Может быть, вы и правы, — с сомнением ответил Агуир.

— Вернемся к нашему делу.

— Вы знаете, что я устроился на «Кайман» боцманом.

— Это решено?

— Я уже получил жалованье вперед.

— Как вперед?

— То есть, — сказал Агуир с замешательством, — капитан по моей просьбе дал мне вперед сумму, которая была мне нужна.

— Хорошо! — сказал граф с насмешливой улыбкой. — А насчет меня что вы предприняли?

— Я предложил капитану взять вас, выдав вас за моего земляка, заблудившегося у этих берегов и преследуемого ненавистью испанцев. По моей рекомендации капитан вас берет, но прежде хочет вас видеть.

— Это справедливо; где его найти?

— В Сакрифициосе, он ждет нас к четырем часам, я приготовил лодку.

— Очень хорошо! Теперь моя очередь, — сказал молодой человек, положив на стол связку бумаг.

Глаза Агуира засверкали жадностью, он придвинул свой стул и наклонился вперед, чтобы лучше рассмотреть.

Марсиаль — мы сохраним ему это имя — развязал ленту, связывавшую бумаги, и начал раскладывать их, говоря:

— Счет дружбе не мешает, сдержите ваши обещания, и я сдержу свои; вот купчая на тот дом, в котором вы живете, вот еще пятьдесят тысяч ливров банковскими билетами, пересчитайте.

Матрос с возбужденным трепетом схватил бумаги, которые подал ему молодой человек, и принялся рассматривать их с самым пристальным вниманием.

— Все верно, — сказал он.

— Теперь, — продолжал молодой человек, — вот расписка на пятьдесят тысяч ливров, но вы можете получить их только по возвращении во Францию по аттестату, написанному мною, в котором значится, что я

доволен вашими услугами; возьмите. Вы видите, что я держу свои обещания, как вы держите ваши. Одно последнее слово, для того, чтобы между нами не было недоразумений: если вы хотите служить вашим друзьям во вред испанцам, это меня не касается, так как и вы не должны интересоваться причинами моего поведения. Помните только, что вы принадлежите мне, что мы ведем открытую игру без хитрости и без измены и что вы обязаны мне безоглядно повиноваться.

— На один год, — ответил матрос.

— До того дня, когда вы вернетесь во Францию.

— Это решено.

— Да, но запомните хорошенько мои слова, мэтр Агуир, вы меня знаете достаточно хорошо, не правда ли, чтобы быть убежденным, что при первом подозрении я прострелю вам голову?

— Угрозы бесполезны, — ответил матрос, пожимая плечами, — моя выгода — самое надежное ручательство вам за мою верность.

— Хорошо, я подумал, что, может быть, вы никогда не вернетесь жить в Веракрус и что, следовательно, подарить вам дом довольно бесполезно. Поэтому я прибавил к обещанной сумме двадцать тысяч ливров в придачу, оставив вам в собственность этот дом.

— Благодарю, я сдал его внаем сегодня утром на пять лет и взял плату вперед.

— Я с удовольствием прихожу к выводу, что вы знаток в делах, — сказал Марсиаль, смеясь, — это ручательство для меня, спрячьте все эти бумаги, теперь мы пойдем, когда вы хотите.

— Сейчас, если вы желаете.

— Хорошо, сейчас.

Они вышли. Уходя, молодой человек не мог удержаться от последнего вздоха, но он тотчас справился с собой и сказал твердым голосом своему спутнику:

— Пошли.

Было три часа пополудни, они вдвоем прошли через весь город, никого не встретив: стояла страшная жара, и улицы были пусты. Граф был переодет, так что не боялся быть узнанным своими друзьями. Они беспрепятственно дошли до гавани. В конце пристани на причале стояла маленькая лодка.

— Вот и лодка, — сказал матрос.

— В путь, — лаконично ответил молодой человек. Расстояние от Веракруса до острова Сакрифициос, где обычно бросают якорь большие суда, находящие там надежное убежище, составляет одну милю. Когда море

спокойно, эта прогулка восхитительна. Вскоре поднялся легкий ветерок, позволивший путешественникам поднять парус и плыть, не утомляя себя греблей.

По мере того как они приближались к острову, бригантина «Кайман» как будто поднималась из воды и наконец предстала во всех подробностях. Это было прекрасное судно, длинное, со стройными очертаниями, его высокий рангоут был отброшен назад, такелаж содержался с замечательным старанием. По середине корпуса, абсолютно черного, была проведена тонкая полоса, красная, как кровь. Пушечных портов не было видно, а следовательно, отсутствовали и пушки. На палубе никого не было.

Граф отметил про себя одно важное обстоятельство: были натянуты абордажные сети, конечно, из опасения внезапного нападения.

— Какое славное судно! — сказал он в ту минуту, когда лодка объезжала корабль.

— Да, — с удовольствием ответил матрос, — и быстроходное, ручаюсь вам.

— Так вы его знаете?

— Еще бы! Я два года служил на нем под начальством Монбара.

Через несколько минут Марсиаль и Агуир вышли на берег острова Сакрифичиоса. Едва они сделали несколько шагов, как заметили человека, подходившего к ним.

— Вот капитан «Каймана», — сказал моряк, — вы видите, что он явился на свидание вовремя.

— Да, вижу! — сказал молодой человек, подходя и с любопытством рассматривая его.

Так как этот человек должен играть важную роль в нашем рассказе, мы в нескольких словах набросаем его портрет. Этот человек был в полном смысле слова настоящий морской волк; действительно, он больше походил на тюленя, чем на человека. Хотя ему было по крайней мере лет пятьдесят, внешне он выглядел не старше сорока; он был низенького роста, но крепкий и сильный, загорелый цвет лица имел почти кирпичный оттенок, серые глаза были живыми и выразительными, физиономия, умная, хотя и суровая, дышала смелостью и спокойной неустрашимостью человека, привыкшего много лет бороться с опасностями, в каком бы виде они не являлись. На нем был камзол из толстого синего сукна, все швы которого были обшиты галунами того же цвета, только несколько светлее, концы галстука были украшены серебряными кистями, жилет, серый, затканый большими цветами, широкие коричневые панталоны с такими же галунами, как и камзол, шелковые чулки и башмаки с серебряными

пряжками. Черная бархатная шапка со стеклянным образком Богоматери покрывала его голову. Широкий кожаный пояс стягивал его стан; за пояс были заткнуты два длинных пистолета. Таков был внешний вид этого человека, который, заметив приезжих, небрежно направился к ним, куря трубку с чубуком почти неприметным, который казался приклеен к его губам.

— А! Это ты, — весело сказал он матросу, — кого ты нам привез?

— Капитан Тихий Ветерок, — отвечал он, — я привез нового товарища, о котором говорил вам вчера.

— Ага! — сказал тот, бросив проницательный взгляд на молодого человека. — Малый стройный и, кажется, крепкий... Как тебя зовут, мой милый?

— Марсиаль, капитан, — ответил граф с почтительным поклоном.

— Хорошее имя, ей-Богу! Ты баск?

— Так точно, капитан.

— И тебя прибило к этому берегу?

— Да, капитан, вот уже два года лавирую я в этих водах и не могу дожидаться попутного ветра, чтобы выбраться отсюда.

— Хорошо, хорошо, мы тебя выведем, будь спокоен. Агуир мне сказал, что ты хороший матрос.

— Вот уже семнадцать лет как я хожу в море, капитан, а мне еще нет и двадцати трех.

— Гм! Так ты должен знать свое дело, когда так... А ты знаешь, кто мы, не так ли?

— Знаю, капитан.

— И не боишься поступить на наше судно?

— Напротив, я очень этого хочу.

— Очень хорошо. Я думаю, мы сделаем из тебя что-нибудь.

— Я тоже надеюсь.

— Есть у тебя оружие и порох?

— У меня есть все, что нужно.

— Теперь я должен предупредить тебя об одном: на суше мы все равны, на судне — нет. Присягнув, мы должны покоряться. У нас только одно наказание.

— Какое?

— Смерть, чтобы избежать повторения проступка. Агуир, которого я знаю давно, поручился мне за тебя, измена с твоей стороны убьет не только тебя, но также и его, у нас кто поручился, тот и расплачивается. Поэтому подумай хорошенько, прежде чем решиться, ты еще волен отказаться, если

наши условия покажутся тебе слишком тяжелыми; когда же дашь слово, будет уже поздно.

— Я согласен, — ответил Марсиаль твердым голосом.

— Хорошо, но ты молод, я не хочу ловить тебя на слове, будь на бригантине сегодня вечером в семь часов, постарайся закончить свои дела до тех пор. Ты прочтешь договор и если после этого захочешь вступить к нам, тогда — хорошо, ты будешь вторым лейтенантом.

— Все мои дела закончены, капитан, мне нет необходимости возвращаться в Веракрус. Агуир может привезти мне мой сундук и мое оружие.

— Ты мне нравишься, ты отличный парень, пойдём же, если хочешь.

Они сели в лодку и через несколько минут подплыли к бригантине. Однако не без тайного сжатия сердца и нервного трепета молодой человек ступил ногой на корабль, где он должен был жить среди людей, которых ему представили хищными зверями, живущими только убийством и грабежом, не имеющими ни веры, ни законов, ни отчизны.

В ту же ночь, к трем часам утра, «Кайман» вышел в открытое море, увозя на своем борту лейтенанта Марсиаля и боцмана Агуира, двух новых членов команды. Капитан Тихий Ветерок взял курс на Санто-Доминго; его крейсерство кончилось, и он возвращался в Пор-де-Пе.

Глава VII. Спасение

В ту минуту, когда три моряка под предводительством Филиппа бросились из гостиницы, страшное зрелище, вдруг представившееся их глазам, заставило их с испугом отступить. Во всю ширь горизонта небо казалось огненной скатертью, беспрерывно перерезаемой зеленоватыми зигзагами молний. Гром гремел безостановочно страшными раскатами, дождь лил как из ведра, море, побелевшее от пены, билось о берег с оглушительным ревом, ветер завывал с бешенством, заставляя дома трещать, срывая крыши, вырывая с корнями деревья и вертя их, как былинки. Лошади и весь скот выбегали из конюшен и риг с ревом и ржанием ужаса. Ураган, угрожавший с утра, наконец разразился с непреодолимой силой и яростью.

Авантюристы, прибежавшие на берег, чувствовали, несмотря на свою храбрость, трепет страха и, укрываясь за скалами, не находили в себе мужества бороться с ужасным стихийным бедствием, поразившим город и угрожавшим разрушить его до основания. Как бы еще увеличивая ужас этого зрелища, свет и мрак сменяли друг друга с такой быстротой, что невозможно было ничего различить вокруг, и даже самые близкие предметы внезапно исчезали, вновь появляясь через минуту, но как бы прикрытые туманной дымкой, которая искажала их формы и обманывала относительно их положения и истинного расстояния до них. Словом, в природе царил страшный хаос, в котором море, небо и земля как будто готовы были смешаться в ужасном разрушении.

Однако, когда прошла первая минута замешательства, Филипп вместе с Питрианом и Пьером, решившими не оставлять его, подошел к толпе авантюристов и просьбами и угрозами сумел собрать вокруг себя человек пятьдесят, которые, вдохновленные его примером, поклялись повиноваться ему во всем, что он им прикажет сделать во имя общего спасения.

Как ни велика была опасность, которой подвергались жители, она ничего не значила в сравнении с опасностью, грозившей судну, прибываемому к берегу, которое уже несколько раз палило из пушек, призывая на помощь. На помощь этому судну Филипп и решил направить все свои усилия.

— Друзья! — закричал он тем, кто был рядом с ним. — Одно из наших судов погибает, наши братья подвергаются смертельной опасности. Неужели мы дадим им умереть, как презренным испанцам, даже не

пытаясь их спасти?

— Нет! Нет!.. — закричали в один голос Береговые братья. — Поспешим к этому судну!.. К этому судну!..

— Прежде узнаем, где оно находится, — ответил Филипп. — Следуйте за мной.

Они бросились к самому краю берега, насколько позволяли бешеные волны. Авантюристы никогда не выходили без оружия, поэтому у всех были с собой ружья. Филипп приказал дать залп из всех ружей одновременно. Почти тотчас на море блеснула вспышка, за которой послышался довольно сильный выстрел.

— Судно находится на юго-западе, — сказал Филипп, — не более шестидесяти сажений⁹ от нас. Давайте сюда поскорее кабельтовы¹⁰, пустые бочонки, доски — словом все, что найдется! Ты, Пьер, вели развести большие костры и бросай в огонь смолу, чтобы пламя горело ярче.

Все приказания были тотчас исполнены. Люди, бросившиеся на помощь, трудились за двоих. Кроме того, многие авантюристы и колонисты, увлекаемые примером, присоединились к ним и наперебой спешили принести все необходимое. Скоро огромные костры полыхали на берегу на протяжении более одной мили. С судна их заметили, потому что с этой минуты пушка стреляла не умолкая. Ураган как будто стихал, молния блистала все реже, и раскаты грома становились глуше. В минутном проблеске все увидели высокую корму большого корабля, находившегося уже довольно близко от берега, потом снова наступила темнота, и корабль, мелькнувший как бы во сне, вдруг исчез.

— Это «Кайман»! — вскричали авантюристы. — Судно Тихого Ветерка и Монбара! Надо его спасти!..

Конечно, это намерение было прекрасным и достойным во всех отношениях, но, к сожалению, почти неосуществимым. Целый час прошел в бесполезных попытках спустить лодку в бушующее море, которое тотчас выбрасывало ее на берег.

— Линь сюда! — вдруг закричал Филипп. — Ей-Богу, скажут, что не нашлось ни одного человека среди нас, чтобы спасти пятьдесят.

Он начал раздеваться. Принесли лить, это была веревка толщиной в мизинец, свитая вчетверо, длиной в четыреста сажений. Филипп привязал один конец к крепкому кабельтову, а другой — к своему поясу. Почти тотчас разделись Пьер и Питриан.

— Оставайся здесь, друг! — вскричал Пьер. — Именно я должен решиться на этот отчаянный поступок. Если я умру, что весьма вероятно, никто, кроме тебя, не будет обо мне сожалеть.

— Извините, извините, — вдруг вмешался Питриан, — я простой работник, до моей жизни или моей смерти никому нет дела, стало быть, я должен решиться на это.

Спор грозил затянуться, никто из троих не хотел уступить. Вмешался четвертый, д'Ожерон.

— Дети мои, — сказал он своим звучным голосом, — поступок, замышляемый вами, смел, но он сумасброден.

— Дядюшка! — вскричал молодой человек.

— Молчи, дитя, и дай мне закончить, — строго сказал д'Ожерон. — Я не отговариваю вас, я знаю, что это бесполезно; только если вы уж непременно хотите пожертвовать собой...

— Хотим! — закричали все в один голос.

— Так отправляйтесь все втроем; вы будете помогать друг другу, и если двое изнемогут, может быть, третьему удастся достичь судна, и тогда ваша жертва не будет напрасной.

— Хорошо! — весело вскричали все трое. — Прекрасно придумано!

— Теперь будьте осторожны, я сам берусь потихоньку спускать литье. Отправляйтесь же с Божией помощью!

Он обнял их и вдруг отвернулся, чтобы отереть слезы, помимо его воли навернувшиеся ему на глаза: этот мужественный человек с львиным сердцем понимал всю неизмеримость опасности, которой подвергались племянник и его товарищи, но не считал себя вправе мешать их героическому поступку.

Филипп, Пьер и Питриан плавали как рыбы; они давно привыкли к морю и знали, как надо вести себя с ним, чтобы не сделаться игрушкой в его руках. Переговорив о чем-то между собой, они вместе подошли к морю. Огромная волна, побелевшая от пены, бежала к ним, приподняв футов на двадцать свой грозный хребет. В ту минуту, когда она со страшным шумом разбилась у их ног и начала удаляться, они бросились в воду и дали ей увлечь себя в море. Собравшаяся на берегу толпа вскрикнула от испуга и восторга. На некотором расстоянии от берега моряки дружно нырнули и таким образом очутились под надвигающейся на них второй волной. Однако, как ни рассчитано было их движение, несмотря на их усилия, волна чуть не захлестнула их, пытаясь унести к берегу. Но в конце концов их усилия увенчались успехом: волна уже отступила и несла их в море, так что они не были выкинуты на берег.

— Мужайтесь, братья! — закричал Филипп.

— Мужайтесь! — отвечали его товарищи.

Началась долгая и изнурительная борьба разума и хладнокровия

против слепой и разрушительной силы стихии. Полтора часа держались эти три человека рядом среди бушевавшего моря, бросавшего их во все стороны, продвигаясь на один шаг, отступая на сто, но не сдаваясь, позволяя увлекать себя, когда чувствовали, что силы их оставляют, удваивая усилия, едва силы возвращались к ним, и не отчаиваясь.

Впрочем, ураган стал заметно стихать, дождь перестал, тьма сделалась не столь непроглядной, и авантюристы уже достаточно ориентировались, чтобы придерживаться верного направления.

Три товарища страшно утомились и уже совсем вяло боролись с волнами, которые, хотя ветер в значительной мере лишился своей силы, были все же ужасны, потому что после бури море еще долго не стихает.

Питриан, не спускавший глаз со своего господина, медленно приблизился к нему, и в ту минуту, когда Филипп, окончательно лишившись сил, тихо шел ко дну, чтобы не лишать мужества своих друзей, нырнул, вытащил его из воды, заставил положить обе руки на свои широкие плечи и таким образом спас его. Филипп, задышавшийся и почти без чувств, машинально принял эту помощь, даже не сознавая преданности своего работника.

Вдруг прямо перед собой пловцы заметили судно. У него остались только нижние мачты, и вообще оно находилось в критическом положении. Однако экипаж, по-видимому, не отчаивался в своем спасении: ясно слышался свисток боцмана, командовавшего маневрами, и размеренное пение матросов, выполнявших их.

Вдруг чудовищная волна подхватила судно на страшную высоту и уронила со страшным треском.

— Мы сорвались с якоря! — вскричала команда в один голос.

Действительно, два передних якоря сорвались, и судно упало на бок, таща за собой задние якоря. Вдруг из волн появились и взобрались на палубу три человека, полуобнаженные, страшные на вид. Первый бросился к румпелю, между тем как двое других упали на палубу, сцепившись друг с другом словно мертвые. Это явление было так внезапно и так неожиданно, что, кроме рулевого, никто на судне не заметил его.

— Мы погибли! — вскричали моряки с тоской.

— Вы спасены! — ответил хриплый и громкий голос.

— Пьер Легран! — с радостью воскликнул Тихий Ветерок. — Сам Господь тебя прислал, брат! Как ты сюда попал?

— Через борт, а как же еще? — ответил он, смеясь. — Вот уже два часа, как мы плывем, чтобы добраться до вас, но теперь не время разговаривать, отыщи Филиппа и Питриана, они упали где-то на палубе. У

Филиппа линь, вели всей твоей команде взяться за него и тяните изо всех сил, тысяча чертей, если не хотите напиться из большой чашки! Я возьмусь за румпель, не беспокойся.

Тихий Ветерок не заставил дважды повторять себе эти распоряжения, он пошел отыскивать двух авантюристов, но тех уже подняли, и они начали приходить в себя. Отвязали линь от пояса молодого человека, и команда «Каймана» с капитаном во главе начала тянуть линь изо всех сил; все понимали, что в этом заключалась их последняя надежда на спасение.

Между тем по приказанию Пьера, который принял командование, задние якоря были обрублены и судно приведено в некоторый порядок. Ветер совсем стих, опасность прошла мимо.

— Куда ты нас ведешь? — спросил Тихий Ветерок Пьера.

— Ты видишь, — отвечал тот, — течение несет нас к мысу Каренахо. На берегу прикрепили канаты в трех местах. Если удастся обогнуть мыс, мы благополучно бросим якорь.

— Без тебя мы погибли бы, брат.

— Полно, ты шутишь; кроме того, эта мысль принадлежала не мне, а Филиппу, я только последовал за ним.

— Хорошо, отныне я в долгу у всей вашей троицы, ведь и храбрый Питриан тоже здесь.

— Еще бы! Без него Филиппа не было бы здесь, Питриан спас его в ту минуту, когда он тонул, рискуя утонуть сам.

Начинало светать. На берегу виднелась толпа мужчин и женщин, которые приветствовали подплывающих, хлопая в ладоши и с громкими криками бросая в воздух шляпы, но опасность еще не миновала, как все полагали. Вдруг матросы, тянувшие канат, упали навзничь, команда вскрикнула с отчаянием: канат лопнул.

— Молчать! — закричал Пьер громким голосом. — Бросайте якорь!

Можно было слышать прерывистое дыхание всей массы собравшихся на берегу людей, до того глубокой была тишина.

Якорь упал. Наступила критическая минута. Судно продолжало быстро приближаться к берегу, скорость его мало-помалу уменьшалась. Потом оно остановилось, медленно повернулось; якорь держал, судно было спасено. Команда закричала радостное «ура», на которое ответили восклицания с берега.

— Славное судно, мой старый дружище, — заметил Пьер, — жаль было бы потерять его.

— Его построил Монбар, — с гордостью заявил Тихий Ветерок, — а он знает в этом толк.

Глава VIII. Представление

В тот момент, когда в силу обстоятельств наш рассказ снова переносит нас в гостиницу, то есть около полудня, Корник, хозяин этой гостиницы, печально стоял на пороге двери, с испуганным видом взирая на опустошения, произведенные ураганом прошлой ночью. Достойный трактирщик позаботился запереться в своем доме и всю ночь дрожал от страха, так что зрелище, представшее теперь его глазам, не только изумляло, но и пугало его, когда он думал об ужасных опасностях, которым он мог бы подвергнуться, если бы не затаился столь предусмотрительно в своем доме.

Пробило половину первого; почти в ту же минуту вошли шесть моряков — или, лучше сказать, они ворвались в гостиницу так неистово, что оттолкнули Корника, чуть было не сшибив его с ног. Однако он не рассердился, напротив, он громко расхохотался и, с трудом обретя равновесие, сказал троим или четверем голодным слугам, блуждавшим, как тени, по зале:

— Ну-ка, живо вина этим господам!

«Эти господа» оказались малыми самой мошеннической наружности, с резкими и слегка нетрезвыми движениями, в оборванной одежде, но из их карманов при малейшем движении раздавался очень приятный серебристый звук. Корник не ошибся относительно прибывших. Увидев их, он весело потер себе руки, пробормотав сквозь зубы:

— Хорошо, вот кайманы пристают к берегу, сейчас мы повеселимся.

Матросы сели за стол и начали пить, крича во всю глотку и разговаривая все одновременно.

После этих пришли другие, потом еще и еще, так что зала быстро заполнилась и поднялся страшный шум. Более полутора сотен авантюристов собрались в помещении, где могли свободно вместиться только шестьдесят, но они так ловко расселись вокруг столов и прилавка, что среди залы еще оставалось достаточно пространства для прохода трактирщика и его слуг. Те беспрестанно бегали от одного столика к другому и не знали, кого слушать. Корник собственноручно откупоривал бутылки и не считал унижительным наполнять стаканы своих посетителей.

Скоро толпа в зале сделалась настолько многолюдной, что, как разливающееся море, волны посетителей залили и смежные комнаты. Марсиаль и Агуир, еще не привыкшие — по крайней мере первый — к

странным поступкам авантюристов, с трудом пробрались к концу длинного стола, уже занятого двенадцатью флибустьерами, с трубками в руках игравшими в кости на пригоршни золота, которое они беспрестанно вытаскивали из своих глубоких, как пропасть, карманов.

Марсиаль с любопытством рассматривал странное зрелище, представшее пред его глазами, и оставлял, несмотря на замечания своего товарища, стакан полным, даже не думая его опорожнить. Между тем веселье становилась все громче, вино и ром разгорячили головы, гневные и вызывающие крики начинали примешиваться к хохоту и веселым песням, здесь и там затевались драки, которые Корник со своими слугами все с большим трудом пытался прекратить.

В это время высокий и красивый молодой человек лет двадцати восьми, с надменными чертами насмешливого лица, развязной походкой вошел в залу. Он был одет чрезвычайно щеголевато, золотая фанфаронка опоясывала его шляпу, украшенную дорогими перьями и заливчатски надетую набекрень. Правая рука его, белая и аристократичная, почти закрытая волнами богатых кружев, лежала на эфесе шпаги. Войдя, он бросил гордый взгляд вокруг, как бы отыскивая кого-то, потом решительно подошел к тому столу, где сидели Марсиаль и Агуир, грубо отталкивая всех попадавшихся на его пути, которые — отдадим им справедливость — спешили удалиться по первому его требованию. Сев у стола, молодой человек наклонился к играющим.

— Э! — воскликнул он. — Да здесь, кажется, забавляются, ей-Богу! И я хочу участвовать.

— Да, да! — подтвердили несколько авантюристов, весело подняв голову. — Это вы, кавалер? Добро пожаловать!

— Давно ты здесь? — поинтересовался кто-то.

— С час. Я оставил свое судно в гавани Марго и пришел сюда.

— Bravo! Успешно прошла твоя экспедиция?

— Еще бы! Ведь испанцы — наши банкиры, — сказал он, смеясь.

— Итак, ты богат?

— Как четыре генеральных откупщика.

— Раз так, ты пришел кстати, — заметил один из игроков, — этот демон Нантэ поклялся обобрать нас. Посмотри, капитан, что перед ним.

— Ба-а! — произнес Нантэ с громким хохотом, небрежно разбрасывая груды золота, находившуюся перед ним. — Это еще пустяки, я надеюсь устроить выигрыш.

— Посмотрим, — ответил молодой человек, которого назвали кавалером и капитаном.

— Когда же ты начнешь, капитан? — продолжал Нантэ.

— Сейчас, — ответил тот и, тихо положив руку на плечи Марсиаля, сказал ему: — Уйдите отсюда, друг.

Молодой человек вздрогнул при этом прикосновении, но не тронулся с места. Капитан подождал с минуту.

— Разве вы глухи, друг мой? — продолжал он, снова положив руку на его плечо, на этот раз сильнее.

Марсиаль обернулся и взглянул прямо в лицо капитана.

— Нет, — ответил он только.

— Хорошо, — сказал капитан, крутя усы, — вы не глухи? Я очень рад за вас, но если так, почему же вы не встаете?

— Потому что, вероятно, мне не угодно, — сухо ответил Марсиаль.

— Что? — произнес капитан, нахмутив брови. — Это гораздо смешнее, чем я предполагал.

— Вы думаете?

— Еще бы! Отойдите от двери, — обратился он к матросам, которые, привлеченные шумом этого спора, столпились позади него.

— Для чего же им отходить от дверей? — спросил Марсиаль, все еще внешне спокойный.

— Для того, — ответил капитан насмешливо-вежливым тоном, — что если вы не встанете, я буду к величайшему своему сожалению вынужден выбросить вас отсюда.

— Вы с ума сошли! — сказал молодой человек, презрительно пожимая плечами и опорожня свой стакан.

Капитан, невольно изумленный твердостью и решительностью молодого человека, с минуту рассматривал его с удивлением, смешанным с любопытством.

— Не ребячьтесь, молодой человек, — сказал он, — я вижу, вы не знаете, с кем имеете дело.

— Действительно, не знаю, — ответил Марсиаль, — и мало беспокоюсь по этому поводу. Вас называют капитаном и кавалером, но это по моему мнению не дает вам никакого права быть грубым со мной.

— А-а! — сказал кавалер с насмешкой. — Ну, так знайте же, милостивый государь, что я — кавалер де Граммон!

— Я не знаю никакого кавалера де Граммона и повторяю, что мне все равно.

При этих словах, внятно и гордо произнесенных, трепет ужаса пробежал по всей зале. Кавалера де Граммона¹¹, одаренного геркулесовой силой и беспримерной ловкостью во владении оружием, опасались все эти

люди, небезосновательно хваставшиеся, что не боятся ничего, но неоднократно имевшие возможность видеть, как он давал доказательства сверхъестественной силы и свирепого мужества.

— Ну, друг мой, — медленно продолжал кавалер, сняв шляпу и кладя ее на стол, — так как я сказал вам свое имя и звание, мне остается только сообщить вам, на что я способен, и вы скоро это узнаете, ей-Богу!

Марсиаль встал, бледный и спокойный.

— Остерегайтесь, — сказал он, — вы не имеете никакой причины ссориться со мной, мы друг друга не знаем, вы оскорбили меня без причины, я хочу об этом забыть; еще есть время, уйдите, потому что, клянусь Богом, мое терпение истощается, и если ваша рука коснется меня, я покончу с вами, как с этим стаканом.

И он вдребезги разбил стакан, который держал в руке. Авантюристы разразились громким смехом.

— Браво! — сказал капитан с насмешливым видом. — Прекрасно

сказано, клянусь своей душой, но все это мне порядком наскучило. А ну, дайте место!

Он бросился на молодого человека. Тот внимательно следил за всеми движениями кавалера; Марсиаль отскочил в сторону, его глаза метнули молнию. Бросившись, как тигр, на своего противника, он ухватил его за шиворот и за пояс, приподнял над головой, несмотря на отчаянные усилия кавалера высвободиться, и бросил на улицу, где тот повалился наземь, словно чурбан. Продемонстрировав таким образом авантюристам свою необыкновенную силу, молодой человек небрежно прислонился к столу и скрестил руки на груди. Но кавалер почти тотчас приподнялся и со шпагой в руке с диким ревом бросился в залу. Он весь посинел, кровавая пена виднелась на его губах, сжатых от гнева.

— Его жизнь! Мне нужна его жизнь! — кричал он.

— Я безоружен, стало быть, вы хотите меня убить? — насмешливо заметил Марсиаль, не делая ни малейшего движения, чтобы уклониться от грозившего ему удара.

Капитан остановился.

— Это правда, — пробормотал он задыхающимся голосом, — однако он должен умереть. Дайте ему шпагу, кинжал, дайте что-нибудь!

— В настоящий момент я не испытываю желания драться, — сказал Марсиаль холодно.

— О! Он боится, трус! — вскричал кавалер.

— Я не боюсь и я не трус, — возразил Марсиаль, — только мне жаль вас: если мы будем драться, я вас убью, потому что вы опьянели и ослепли от гнева.

В эту минуту новое лицо, которое при шуме, поднятом этой ссорой, незаметно вошло в залу вместе с другими, вдруг ударило капитана по плечу. Тот обернулся, словно его ужалила змея, но при виде незнакомца, стоявшего перед ним холодно и с достоинством, его пыл вдруг остыл. Опустив шпагу, хотя нервный трепет пробежал по всему его телу, он прошептал задыхающимся голосом:

— Монбар!

Это действительно был знаменитый флибустьер. С минуту он наслаждался своим торжеством над этой неукротимой натурой, потом заговорил.

— Твой противник прав, де Граммон, — сказал он резким голосом, — ты не в состоянии драться.

— А-а! — сказал тот злобно. — И ты также против меня.

— Ты с ума сошел, — возразил Монбар, слегка пожав плечами, — я

только хочу помешать тебе сделать глупость.

При виде Монбара авантюристы почтительно отступили, оставив широкое пространство среди залы.

— Этот человек обесславил меня, он должен умереть! — возразил капитан, с бешенством топнув ногой.

Марсиаль сделал два шага вперед.

— Нет, милостивый государь, — сказал он тоном, исполненным достоинства, который удивил всех зрителей этой странной сцены, — вы сами обеславили себя грубым и дерзким оскорблением, которым хотели меня заклеймить; я только защищался! Я не сохраняю против вас ни гнева, ни вражды, я считаю вас, и говорю это громко перед всеми, честным человеком; то, что случилось между нами, ничего не значит, я был ловчее вас, потому что был спокойнее, вот и все!

Пока молодой человек говорил таким образом, Монбар внимательно рассматривал его, строгие черты флибустьера принимали выражение благосклонности, а когда Марсиаль замолчал, он прошептал, смотря на капитана:

— Хорошо сказано. Как ты думаешь, кавалер, мальчик, кажется, славный?

Кавалер с минуту оставался неподвижен, опустив глаза в землю, в сильном волнении, которое, несмотря на все его самообладание, он не мог преодолеть. Наконец он поднял голову, лихорадочный румянец покрыл его лицо, и поклонившись молодому человеку, стоявшему перед ним, он сказал:

— Да, ей-Богу! Вы славный малый, и, что еще лучше, у вас благородное сердце, я же хищный зверь, я заслужил жестокий урок, который вы преподали мне; простите же меня, я сознаюсь в своей вине.

— Ну, это уж слишком, — ответил Марсиаль.

— Нет, это, напротив, хорошо, — сказал Монбар.

— Теперь последнее одолжение, — продолжал капитан.

— Як вашим услугам.

— Согласитесь сделать мне честь скрестить со мной шпагу.

— Милостивый государь...

— О! Не отказывайте мне, пожалуйста! — перебил кавалер настойчиво. — Во мне не сохранилось гнева к вам, но моя честь требует, чтобы вы дали мне это вознаграждение, хотя бы для того, — прибавил он с печальной улыбкой, — чтобы стряхнуть пыль, которой запачкано мое платье.

— Вы видите, я безоружен.

— Это правда, — сказал Монбар, вынимая свою шпагу из ножен и подавая ее Марсиалю, — согласитесь драться этой шпагой; капитан прав, вы не можете отказать ему в удовлетворении, которого он требует.

— Я и не думаю об этом, я принимаю вашу шпагу, но где же мы будем драться?

— Здесь же, если вы не возражаете, — ответил капитан.

— Хорошо.

Оба противника скинули камзолы и встали в позицию.

Зала гостиницы представляла в эту минуту странное зрелище. Авантюристы отступили вправо и влево, чтобы дать место сражающимся; они влезли на столы, сохраняли молчание, но тревожно вытягивали шеи из-за плеч друг друга, чтобы лучше следить за дуэлью.

Вежливо поклонившись, противники скрестили шпаги. С первых выпадов присутствующие поняли, что эти люди были чрезвычайно искусны. Несмотря на стремительность нападений капитана, Марсиаль, неподвижный, как будто был пригвожден к месту, все держал шпагу наготове, его рука казалась железной. Со своей стороны, искусный во всех телесных упражнениях кавалер де Граммон, природная сила которого еще увеличилась из-за стыда первого поражения, противопоставлял своему противнику непоколебимую стойкость. К нему вернулось его обычное хладнокровие, и, как бы играя, он чрезвычайно искусно и изящно действовал шпагой.

Прошло минуты три; в это время в зале, наполненной людьми, не слышалось другого шума, кроме учащенного дыхания обоих противников и зловещего лязга стали о сталь. Может быть, из всех зрителей лишь один Монбар угадывал превосходство гибкой и экономной манеры Марсиаля над размахистыми действиями капитана. Раз Марсиаль отразил нападение капитана таким верным и сильным ударом, что если бы он не удержал свою шпагу, то капитан был бы проткнут насквозь.

Монбар, заинтересованный этой сценой и не понимая манеры молодого человека, следил с беспокойством, которое против его воли обнаруживалось на его лице, за всеми подробностями этой странной дуэли. Он мысленно спрашивал себя, чем же все это кончится, как вдруг капитан сделал шаг назад и, опустив шпагу, спросил:

— Вы ранены?

— Это правда, — ответил Марсиаль, повторяя его движение.

Шпага кавалера слегка проткнула его плечо, на котором выступило несколько капель крови.

— Господа, довольно! — сказал Монбар, становясь между ними.

— Я нисколько не желаю продолжать, — сказал капитан, — я сознаю себя побежденным вдвойне; этот господин захотел присвоить себе всю честь в этом деле; стоило ему пожелать, и он десять раз убил бы меня.

— О! — сказал молодой человек.

— Ба-а! — весело заметил кавалер. — Я не обманут вашей раной, я только школьник в сравнении с вами, вот моя рука, пожмите ее чистосердечно, это рука друга.

— Беру с радостью, — ответил Марсиаль, — поверьте, ничто не могло бы мне доставить большего удовольствия.

— Ты был скорее удачлив, чем благоразумен, мой добрый Граммон, — сказал, смеясь, Монбар, — этот господин благородный человек, ты не ошибся, он, конечно, убил бы тебя, если бы захотел.

— Не будем говорить об этом, умоляю вас, — улыбаясь, сказал молодой человек.

— Напротив, будем говорить, — возразил капитан с резкой откровенностью, — я грубиян, я заслужил этот урок, повторяю, но будьте спокойны, дружище, я буду его помнить. Как жаль, что такой очаровательный молодой человек как вы, не моряк!

— Извините, но я моряк.

— В самом деле, вы моряк? — с радостью переспросил кавалер.

— Разумеется, — сказал, подходя, Тихий Ветерок, слышавший весь этот разговор, — он мой второй лейтенант, я даже отчасти ему обязан спасением своего судна.

— Вот это прекрасно! — вскричал капитан. — Если вы хотите, мы будем плавать вместе и сыграем не одну славную шутку с этими злодеями-испанцами.

— Э, позвольте, — сказал Тихий Ветерок, — дайте же мне представить его Монбару. С этим намерением я просил его прийти сюда.

— Он сам представился, — смеясь, отвечал флибустьер. — Теперь, друг, он может обойтись без тебя, потому что я за него ручаюсь.

Марсиаль, польщенный такой деликатной похвалой, поклонился Монбару, покраснев от удовольствия и гордости.

Глава IX. Береговые братья

Вследствие ли тайных причин или намерения, принятого заранее, Марсиаль в рассказанных нами происшествиях вел себя так твердо и решительно? Мы не можем сказать этого наверняка. Может быть, молодой человек, по природе храбрый и надменный, почувствовал, как закипела его кровь при грубом оскорблении, полученном им так неожиданно, и невольно поддался справедливому негодованию; может быть, также, притворно выказав гнев гораздо сильнее того, который он чувствовал в действительности, он поспешно ухватился за случай, так благоприятно представившийся ему, чтобы тотчас предстать перед авантюристами тонким знатоком фехтования, человеком решительным, которого ничто не может напугать, и, что было немаловажно в отношении флибустьеров, человеком, одаренным необыкновенной физической силой.

Если действительно таково было его намерение, успех превзошел самые смелые его надежды; авантюристы, сначала сострадательно улыбавшиеся, когда он принял вызов, брошенный ему одним из самых грозных их бойцов, совершенно изменили свое поведение с тех пор, как увидели его в деле, они смотрели на него с сочувственной симпатией, даже с некоторой долей уважения. Никого из авантюристов не обманула его рана, это любезное снисхождение с его стороны тотчас привлекло к нему всеобщее расположение.

Не замечая внимания, предметом которого он стал, молодой человек почтительно выпрямился перед Монбаром, готовый отвечать на его вопросы.

Знаменитый флибустьер был высок ростом. В то время, когда происходит действие этого романа, ему давно уже было за пятьдесят, на его мужественных чертах, которые в молодости были очень красивы, виднелись неизгладимые следы суровой борьбы, которую, без сомнения, он должен был вести в продолжение своей полной опасностей жизни. Его бледное лицо носило выражение жестокой холодности и неумолимой решимости, которые внушали страх и уважение. Его черные глаза горели зловещим пламенем, блеск которого невозможно было выдержать, его непринужденное и изящное обращение выдавало в нем дворянина хорошего происхождения. Костюм его, простой и без вышивки, замечательно опрятный, очень походил на костюм окружавших его матросов. На шее у него висел золотой свисток на цепочке того же металла.

Только одно это да еще шпага со стальным эфесом отличали его от товарищей.

Рассматривая в течение нескольких минут молодого человека с вниманием, которое не могло не внушить тому некоторого беспокойства, он сказал коротко:

— Надеюсь, из вас выйдет толк.

— Я очень хотел бы служить под вашим начальством, — ответил Марсиаль.

— Тихий Ветерок уверял меня, что вы хороший моряк.

— Я пятнадцать лет в море.

— Гм! Пятнадцать лет! Который же вам год? Вы мне кажетесь очень молоды.

— Мне двадцать два года. Семи лет я вступил на корабль юнгой и с тех пор редко покидал палубу.

— Вы, верно, все время плавали около берегов?

— Извините, я ловил сельдей с фламандцами, китов с байонцами и с голландцами ходил в жаркие страны.

Авантюрист печально покачал головой.

— Итак, — продолжал он, устремив вопросительный взгляд на Марсиаля, — вы желаете ходить в море с нами?

— Я уже вам сказал, что это самое большое мое желание.

— Вы несчастны? — спросил его Монбар с печальной улыбкой.

Молодой человек невольно вздрогнул при этом вопросе, которого он вовсе не ожидал, и почувствовал, что бледнеет.

— Я? — пролепетал он в замешательстве.

— Да, вы любите, не правда ли? Вашу любовь не разделили, ваше сердце разбито, тогда вам пришло на мысль отправиться в море, и вы с поспешностью ухватились за случай, представившийся вам, и решили уехать на «Каймане».

— Но...

— Да, это безумие чуть было не обошлось вам дорого, бедное дитя, впрочем, успокойтесь, я не спрашиваю у вас вашей тайны. Вам чуть больше двадцати, вы молоды, хороши собой, это частая история, ничего не может быть обыкновеннее, мы все платили этот долг, — прибавил он, отирая свой влажный лоб. — Вы хотите искать приключений?

— Да.

— Ну хорошо, отныне вы наш. Дай Бог, чтобы вы никогда не раскаялись в пагубном намерении, которое принимаете сегодня!

— Я решил, — сказал Марсиаль твердым голосом.

— Раз так, все кончено, желаю вам успеха.

— Ага! — сказал кавалер де Граммон, подходя. — Вы еще вместе? Право, Монбар, ты совсем завладел нашим новым товарищем, никто не может с ним поговорить.

— Говори сколько хочешь, — улыбаясь, ответил авантюрист. — Что ты хочешь ему сказать?

— А вот что, и я не прочь, чтобы ты знал. Послушай, — обратился он к молодому человеку, — до сих пор я жил один, как медведь, не соглашаясь никогда делить дружбу ни с кем, разве только с человеком, так же высеченным из гранита, как и я. Ты такой человек, какого я ждал, хочешь быть моим закадычным другом?

— Конечно! — радостно воскликнул молодой человек.

— Ну, по рукам! Теперь мы братья, — сказал де Граммон, протягивая ему руку.

Марсиаль не колеблясь протянул в ответ свою руку.

— Как тебя зовут, брат?

— Марсиаль.

— Хорошо, только это имя не флибустьерское, я тебе дам другое.

— Как вам угодно.

— Братья должны говорить друг другу «ты».

— Как тебе угодно, брат.

— Ну и прекрасно! Вот твое имя: отныне ты будешь зваться Франкером; или я сильно ошибаюсь, или очень скоро это имя станет знаменитым среди нас.

— Я сделаю все, что нужно для этого, будь спокоен, — весело ответил новоиспеченный авантюрист.

Монбар слушал этот быстрый разговор молодых людей, улыбаясь так, как он умел улыбаться — лишь слегка сжав губы. Марсиаль, или Франкер, потому что теперь мы будем называть его обоими этими именами, буквально утопал в радости; такой полный успех превзошел все его надежды.

— Теперь, — сказал Монбар, — если вы хотите служить под моим начальством, ваше желание будет исполнено.

Он ударил кулаком по столу.

— Эй, кайманы! — закричал он. — Подходи по порядку! Матросы тотчас встали из-за столов. Монбар с минуту смотрел на эти смуглые лица с очевидным удовольствием, потом через минуту заговорил среди глубокого безмолвия присутствующих:

— Береговые братья, офицеры, квартирмейстеры и матросы! Наш брат Малуэн, занимавший должность лейтенанта, был убит испанцами при abordaje галиона «Сантиссима Тринидад». Пользуясь властью, данной мне договором, который все вы подписали со мной перед нашим отъездом из Пор-де-Пе, я думаю заменить Малуэна человеком решительным и таким же стоящим моряком, как он, но, не желая возбуждать зависти между вами, братья, потому что все вы способны занять это место, я решил не брать ни одного матроса из команды; я выбрал, — прибавил Монбар, положив руку на плечо молодого человека, лицо которого сияло радостью и гордостью, — я выбрал вот этого человека, вы уже знаете его, вы видели его в деле здесь, его я назначаю лейтенантом на бригантину «Змея», которой имею честь командовать. Признайте же Франкера в этом звании, повинуйтесь ему во всем, что касается службы, как обязывает к этому договор, добровольно подписанный вами.

За этой речью последовал ропот удовлетворения, который скоро превратился в единодушные рукоплескания. Потом авантюристы стали один за другим подходить, чтобы пожать руку новому товарищу, обещая повиноваться ему во всем. Исполнив эту обязанность, они снова встали позади Монбара.

— Братья, — сказал тогда Марсиаль, — я очень молод для того, чтобы принять командование над такими людьми, как вы, но забудьте о моих годах, не вспоминайте даже то, что я сделал на нашем добром «Каймане», подождите, чтобы судить обо мне, когда увидите меня в серьезном деле, и будьте уверены, что с Божией помощью я оправдаю выбор, которым удостоил меня Монбар.

— Я прибавляю только одно слово, братья, — вскричал де Граммон, — Франкер мой закадычный друг, не забывайте этого!

Авантюристы ответили радостным «ура».

В эту минуту в гостиницу вошли четыре человека.

— Ребята, — сказал Монбар, — уйдите, мне нужно остаться одному с теми из наших братьев, которые уже несколько раз возглавляли экспедиции.

Никогда приказания даже самого султана делийского не исполнялись с большей быстротой. Через пять минут в зале остались только Монбар, де Граммон, Пьер Легран, Тихий Ветерок, Мигель Баск, Франкер, Дрейк, Польшэ, Филипп, Питриан и одиннадцатый, так старательно закутанный в складки широкого плаща, что невозможно было его узнать.

Кроме Марсиаля, это все были старые и опытные Береговые братья, отборные флибустьеры, люди, не раз пренебрегавшие смертью в неравных битвах и совершавшие героические подвиги. Кавалер де Граммон сосчитал

глазами членов собрания и вдруг, обратившись к Питриану, неподвижно стоявшему возле двери, которую он запер, сказал ему грубым голосом:

— Что ты здесь делаешь, негодяй? Убирайся, да поживее, а не то...

— Умерьте ваш пыл, кавалер, — холодно перебил его Филипп, — Питриан здесь, потому что я приказал ему остаться, и он останется до тех пор, пока я не прикажу ему уйти.

Кавалер искоса взглянул на молодого человека. Де Граммон и Филипп ненавидели друг друга. По какой причине? Никто не мог бы этого сказать — может быть, они и сами этого не знали. Всем было известно только то, что они питали друг к другу непреодолимую ненависть, которая угрожала в будущем разразиться катастрофой.

— Что такое? — надменно спросил де Граммон. — Вы, кажется, здесь распоряжаетесь?

— Я всегда и везде распоряжаюсь своими подчиненными, а часто и равными мне, — сухо ответил Филипп.

— Монбар отдал ясное приказание, этот негодяй не имеет права оставаться здесь, и я требую, чтобы он ушел.

— Его право оставаться с нами настолько же основательно, насколько и право вашего нового друга, который, кажется, является не столь опытным флибустьером.

Ссора разгоралась. Вмешался Монбар.

— Вы оба неправы, — сказал он, — твой друг, де Граммон, и твой работник, Филипп, оба не могут присутствовать при разговоре, который будет происходить, они должны удалиться.

— Я со своей стороны этому не сопротивляюсь, — почтительно отвечал Филипп, — и если бы вместо своей обыкновенной невежливости и колкости капитан де Граммон соблаговолил подождать несколько минут, мой работник вышел бы, я сам приказал бы ему. Он остался только потому, что я хочу сказать два слова собравшимся братьям, и эти слова он должен слышать.

— Говори, брат, мы слушаем тебя.

— Я долго распространяться не стану.

— Посмотрим, — с иронией сказал кавалер.

— Наши законы требуют, чтобы тот, кто желает освободить работника, изъявил свою волю перед советом об этом освобождении и о причинах, побудивших его к этой мере, не правда ли?

— Правда, — ответили флибустьеры в один голос.

— Питриан, мой работник, спас меня прошлой ночью, рискуя собственной жизнью, многие из наших братьев могут это

засвидетельствовать.

— Во-первых, я, — сказал Тихий Ветерок.

— И я, — прибавил Пьер Легран.

— С этой минуты я освобождаю Питриана, признаю его свободным и равным нам! Обними меня, брат Питриан.

— От всего сердца, и благодарю тебя, брат! — вскричал Питриан, бросаясь на шею Филиппу. — Только я не считаю себя расквитавшимся с тобой, Филипп; если я уже не твой работник, я хочу остаться твоим другом.

— И я этого хочу, брат.

Другие флибустьеры горячо пожали руку Питриану и поздравили его; освобождение случалось очень редко среди флибустьеров.

— Теперь уйди, Питриан, — продолжал Филипп, — тебе сказали, что твое место не здесь, и уведи с собой друга кавалера, который также не может здесь оставаться.

Де Граммон закусил себе губы от ярости, но не мог ничего ответить. Вдруг он протянул руку к человеку в плаще и, указав на него другим флибустьерам, сказал с иронией:

— А это также друг капитана Филиппа, и в этом качестве, видимо, считает себя вправе присутствовать с закрытым лицом на нашем собрании?

— Я действительно один из лучших и старейших друзей капитана Филиппа, — холодно ответил человек в плаще, — и скоро вы получите этому доказательство, кавалер.

— Дайте же это доказательство немедленно! — запальчиво вскричал кавалер.

Незнакомец проводил взглядом Марсиаля и Питриана, которые выходили из зала. Когда дверь за ними захлопнулась, он вышел на середину круга.

— Вот доказательство, — сказал он, распахивая плащ и снимая шляпу.

— Господин д'Ожерон! — вскричали флибустьеры с радостным удивлением.

— Я собственной персоной, господа; теперь вы довольны, капитан де Граммон?

— О, прошу меня извинить! — ответил кавалер, почтительно кланяясь старику, которого все флибустьеры глубоко уважали.

— Оставим это, — улыбаясь, ответил д'Ожерон, — нам предстоит заняться вещами слишком важными для того, чтобы затевать глупую ссору; по-моему, вам лучше чистосердечно пожать друг другу руки и помириться.

Оба молодых человека сделали шаг назад при этом предложении.

— Вы не хотите? — продолжал д'Ожерон. — Хорошо, не будем об

этом говорить и приступим к делу. Принимаете вы предложение, которое я поручил Пьеру Леграну, нашему брату, сделать вам?

— Пьер Легран, без сомнения, по вашему приказанию, — отвечал Монбар от имени всего общества, — упомянул нам очень неопределенно об этом деле, которое следует предпринять ради нашей общей выгоды, но не упомянул вашего имени.

— Что же вы ответили ему?

— Мы ему ответили, что это предприятие очень рискованное, что испанцы остерегаются, хорошо укрепились и, находясь под начальством храброго офицера, станут защищаться как львы, что мы подвергаемся большой опасности и рискуем не только потерпеть поражение, но и без всякой пользы подвергнуть смерти многих наших братьев.

— Очень хорошо, господа, теперь выслушайте меня, пожалуйста. Я не стану вам напоминать, что я выхлопотал вам от Португалии каперские грамоты, даже когда это государство было в мире с Испанией, не стану упоминать о других услугах, которые я имел честь вам оказать, я убежден, что вы сохранили о них добрые воспоминания.

— Мы не неблагодарны, мы знаем, чем вам обязаны.

— Следовательно, я скажу вам только, что приехал из Франции, я видел кардинала Мазарини...

Трепет любопытства всколыхнул собрание. Д'Ожерон продолжал:

— Его преосвященство соблаговолил исполнить мои просьбы. Кардинал понял, что люди с вашими достоинствами, господа, не должны быть изгнаны из общества, вы уже не отверженные, не пираты, не корсары, вы верноподданные его христианнейшего величества, ваше законное существование признается королем, следовательно, хотя вы остаетесь свободными, как прежде, его величество король Людовик XIV, в своей неисчерпаемой благосклонности к вам, простирает на вас свое полное и совершенное покровительство с правом носить его флаг на своих судах; сверх того, его величество удостоил меня назначения губернатором всех своих владений в Атлантическом океане. Принимаете вы эти условия, господа? Признаете вы за мной это звание, расположены вы повиноваться мне?

— Да здравствует король! — с энтузиазмом вскричали флибустьеры. — Да здравствует наш губернатор!

— Благодарю, господа, благодарю!

— Милости короля радуют нас, — заметил Монбар холодно и с достоинством. — Ваше назначение на пост губернатора служит нам доказательством доброжелательности намерений его величества. Но правда

ли, что наша внутренняя организация останется все такой же, и никто, даже король, даже вы, не будете иметь право в нее вмешиваться?

— Клянусь вам честью! — ответил д'Ожерон.

— Хорошо, мы принимаем ваше слово, мы знаем, что на него можно положиться; теперь приказывайте, мы готовы повиноваться вам.

— Я хочу взять Тортугу.

— Мы возьмем ее, — просто ответил Монбар. — Завтра мы договоримся насчет последних мер.

— Не здесь, если вы согласны. Пор-де-Пе наводнен шпионами; мы соберемся на островке Собачья Голова завтра на закате солнца.

— Сколько человек вам нужно?

— Не так много, но только хороших.

— Они все хороши.

— Это правда. Ну так вы, Монбар, Тихий Ветерок, де Граммон — выберите каждый по пятьдесят решительных человек из вашей команды, Пьер Легран найдет столько же, двухсот человек будет достаточно.

— Итак, завтра на закате солнца на островке Собачья Голова, с оружием.

— Будем, — отвечали флибустьеры. Все разошлись. Д'Ожерон остался один.

— С этими людьми можно кое-что сделать, — прошептал он, — они инстинктивно чувствуют великое и прекрасное. Удастся ли мне организовать их и сделать полезными великой человеческой семье, вне которой они упорно продолжают жить?

Старик несколько раз покачал головой с задумчивым видом, запахнулся в плащ, чтобы его не узнали, и в свою очередь вышел из гостиницы.

Глава X. Островок Собачья Голова

Островок, на котором флибустьеры назначили свидание, — это бесплодная скала или, лучше сказать, песчаный риф, на котором нет никакой растительности и который находится на расстоянии двухсот сажень от Пор-де-Пе, у берегов Санто-Доминго, от которого он отделен каналом, судоходным только во время прилива. Островок этот, имеющий своеобразную форму, отдаленно похожую на собачью голову, что и дало ему название, которое он носит, служит убежищем бесчисленному множеству морских черепах, которые в определенное время года откладывают здесь яйца в песок.

Берег не представляет никакого убежища для судов, поэтому подойти к нему довольно трудно; однако, несмотря на это, а может быть, именно поэтому флибустьеры выбирали его местом сборища всякий раз, когда им приходилось обсуждать серьезные дела или экспедиции, касавшиеся общества Береговых братьев. Впрочем, место было выбрано очень хорошо, если появлялась необходимость скрыться от шпионов, потому что к островку невозможно было приблизиться с какой бы то ни было стороны, не будучи немедленно замеченным теми, кто находился на острове. Кроме того, море просматривалось далеко до горизонта, а если флибустьеры сами не хотели быть видимы, то это сделать было легко, укрывшись в грот, довольно обширный, находившийся в центре островка, среди груды скал, вероятно появившихся из глубины моря вследствие одного из тех ужасных землетрясений, которые так часто случаются в этих местах и в несколько минут меняют до неузнаваемости внешний облик земли.

На другой день после того как случай так кстати свел главных предводителей флибустьерства в гостинице, несколько пирог, по большей части с одним человеком на борту, отошли на закате солнца от различных точек берега Санто-Доминго и направились к островку Собачья Голова, куда пристали почти в одно и то же время.

Вытащив пироги на песок, чтобы море не унесло их, так как привязать их не было никакой возможности, люди, сидевшие в них, направились поодиночке к гроту, находившемуся посреди островка, о котором мы уже упоминали выше. Грот был довольно темным, но так как те, которые пришли первыми, позаботились зажечь факелы, воткнув их прямо в песок, прибывшие позже нашли освещение достаточным, чтобы узнать своих товарищей и удостовериться, что ни один подозрительный человек не

пробрался между ними.

Собрание было немногочисленным, оно состояло всего-навсего из одиннадцати человек. Это были д'Ожерон, Монбар, Филипп, кавалер де Граммон, Пьер Легран, Тихий Ветерок, Дрейк, Польшэ, Мигель, Марсиаль и Питриан. Двое последних присутствовали на заседании по особому позволению: первый потому, что был закадычным другом кавалера де Граммона, который потребовал этого исключения, а второй потому, что Филипп д'Ожерон исходатайствовал ему это позволение под свою личную ответственность, а в действительности для того, чтобы рассердить де Граммона, которого он искренне ненавидел и которому не прочь был досадить.

Когда все флибустьеры собрались в гроте, они поклонились друг другу и сели кто куда на обломки скал, закурив трубки. Совещание началось. Никто не оспаривал права д'Ожерона председательствовать: возраст и влияние, которым он по справедливости пользовался среди Береговых братьев, доставили ему эту честь. Д'Ожерон повторил, но с большими подробностями, то, что говорил накануне. Он рассказал о своем путешествии во Францию, своем свидании с кардиналом Мазарини, распространился о выгодах, которые доставит товариществу Береговых братьев всемогущее покровительство Людовика XIV, и настаивал, чтобы его слушатели оценили как следует благосклонность, которой их удостаивал король, потом дошел до главной цели собрания, то есть необходимости захватить как можно скорее Тортугу и не позволять далее испанскому флагу развеяться на их глазах, как бы поддразнивая их и насмехаясь над независимостью, обретением которой они себя льстили.

Речь д'Ожерона, искусно подготовленная, произвела большое впечатление на его слушателей, самые живые чувства которых ему удалось затронуть; люди эти, изгнанные из общества, считавшиеся отверженными, с которыми их враги испанцы обращались, как с пиратами, чувствовали внутреннюю гордость при мысли, что король Людовик XIV искал союза с ними и договаривался, так сказать, как равный с равными. Это предложение короля возвысило их в собственных глазах. Многие из них, брошенные не зависевшими от их воли обстоятельствами в эту жизнь, полную приключений и случайностей, втайне желали оставить ее, чтобы занять место в обществе, изгнавшем их; слова д'Ожерона нашли отголосок в их сердцах, они увидели надежду возратить в недалеком будущем все блага, которые считали навсегда потерянными для себя и о которых вздыхали тем более, что не думали обладать ими когда-нибудь снова. Справедливо, что человек, как бы силен он ни был, никогда не может

безнаказанно отделиться от общества, растоптать ногами законы, управляющие им, и жить одному и вне его; это противно всей человеческой сущности.

Монбар внимательно выслушал д'Ожерона, несколько раз во время его речи он неприметно хмурил брови, потому что, быть может, он один угадал тайные мысли старика и цель, к которой тот стремился.

— Милостивый государь, — ответил он от имени своих товарищей, — мы, как и подобает, признательны его величеству королю Людовику XIV за благосклонность, которой мы вовсе не добивались.

— Это правда, — ответил д'Ожерон, почувствовавший удар и хотевший отразить его, — но его величество принимает участие во всех своих подданных, каковы бы они ни были, где бы ни находились, и рад, когда представится случай оказывать им знаки внимания.

— Извините, — заметил знаменитый предводитель флибустьеров с горькой улыбкой, — вы, кажется, употребили не совсем точное выражение.

— Что вы хотите сказать?

— Вы, кажется, назвали нас подданными?

— Действительно, но, кажется, в этом выражении нет ничего оскорбительного для вас.

— Я только нахожу его несправедливым.

— Как! Разве вы не француз?! — вскричал д'Ожерон с изумлением.

— Кто знает, какая у нас национальность, — откликнулся Монбар с печальной иронией, — ведь наша родина отказалась от нас! Осмотритесь вокруг, нас десятеро, вот Дрейк — англичанин, Мигель — баск, Марсиаль, вероятно, испанец и так далее; нет, мы не французы и, следовательно, не подданные короля Людовика! Мы хищные птицы, которых судьба выкинула на подводные скалы, Береговые братья, флибустьеры — словом, аттические цари, мы не признаем других законов, кроме тех, какие установили сами, других властелинов, кроме нашей воли, не говорите же нам ни о благосклонности, ни о королевском покровительстве, пожалуйста, и обращайтесь с нами, как мы того заслуживаем, то есть как с людьми свободными, которые сами добились своей независимости и сумеют ее сохранить несмотря ни на что.

— Да здравствует Монбар! — закричали флибустьеры, воспламененные этими словами.

— Но если вы свободны, как уверяете, — заметил д'Ожерон, — почему же вы признали владычество Франции?

— Извините, вы опять смешиваете.

— Как смешиваю?

— Конечно, и ничего нет легче, чем доказать это. Не мы обращались к французскому правительству, в помощи которого никогда не нуждались, а, напротив, французский король присылал к нам своих агентов и просил нашей поддержки против Испании, могущество которой в Новом Свете справедливо пугает его.

— Монбар! Монбар! — прошептал, вздыхая, д'Ожерон. — Должно быть, вы сильно ненавидите Францию, эту благородную землю, что говорите таким образом!

В глазах флибустьера блеснула яркая молния, но он сдержался.

— Милостивый государь, — ответил он спокойным голосом, поклонившись старику, — мы все любим вас и уважаем, как вы того заслуживаете; я далек от мысли оскорбить вас или хотя бы огорчить, вы наш губернатор, мы признаем вас в этом звании и всегда рады будем вам повиноваться. Но не забудьте, что это соединено с непременным условием уважать наши законы и обычаи и никогда не вмешиваться во внутренние дела флибустьерства. Прекратим же, заклинаю вас, этот разговор, который может только рассорить нас без всяких выгод для нас, оставим короля Людовика XIV, великого и могущественного монарха, с которым мы не хотим иметь ничего общего ни в настоящем, ни в будущем, и вернемся к причине, собравшей нас здесь, то есть к обсуждению способов скорейшего захвата Тортуги.

— Это так, — сказал Дрейк, — что нам за дело до королей? Да здравствует флибустьерство!

— Да здравствует флибустьерство! — хором повторили Береговые братья.

Д'Ожерон понял, что он не должен настаивать дальше. Монбар своими словами разрушил впечатление, произведенное его речью. Он печально вздохнул и решился ждать лучшего случая, чтобы вернуться к предмету, составлявшему цель его жизни.

— Я жду, господа, — сказал он, — чтобы вы мне сказали, нашли ли вы людей, нужных нам для этой экспедиции.

— Это было нетрудно, — ответил Пьер Легран, — у нас больше людей, чем нужно.

— Но этого недостаточно, — заметил кавалер де Граммон.

— Тем более, — прибавил Монбар, — что с тех пор, как испанцы завладели островом, так как прекрасно поняли важность этой позиции, они значительно усилили укрепления и разместили на острове значительный гарнизон.

— Не считая того, — перебил Дрейк, — что этим гарнизоном

командует храбрый офицер дон Фернандо д'Авила; я его знаю, это искусный воин, он скорее даст себя убить, чем сдастся.

— Ну, так его и убьют, — грубо заметил Мигель.

— В этом нет никакого сомнения, — ответил Дрейк, — но перед смертью он нанесет нам жестокий урон.

— Как получить точные сведения об укреплениях на острове? — спросил д'Ожерон. — Это мне представляется делом очень трудным.

— Есть способ, — убежденно заявил Филипп.

— Какой?

— Пробраться на остров, — усмехнувшись, ответил молодой человек.

— Уж не вы ли собираетесь пробираться туда? — колко осведомился де Граммон.

— Почему бы и нет? — парировал Филипп.

— Черт возьми! — вскричал де Граммон. — Клянусь, если вы решитесь на эту глупость, я пойду с вами только для того, чтобы увидеть своими собственными глазами, как вы будете выпутываться.

— Тише, господа! — вмешался д'Ожерон. — Пожалуйста, будем говорить серьезно.

— Уверяю вас, дядюшка, — ответил молодой человек, — что мое предложение вполне серьезно, и если мне дадут позволение, я готов исполнить его.

— Филипп прав, — заметил Монбар, — мы должны действовать именно тем способом, на какой указывает он, как это ни опасно. Мы не можем предпринять ничего, прежде чем не будем знать наверняка уязвимые места острова, на который хотим напасть.

— Но, — возразил д'Ожерон, — пробраться на остров, который так хорошо охраняется, значит отправиться на верную гибель.

— Попытка смелая, я это знаю, я нисколько не скрываю от себя трудности этой затеи, и мне известно, что девяносто девять возможностей из ста против меня, но, несмотря на это, я настаиваю, милый дядюшка, чтобы это поручение было мне дано, я убежден, что сумею справиться.

— Уж нет ли у вас там каких личных интересов, любезный капитан? — осведомился де Граммон насмешливым голосом.

— Может быть, — ответил Филипп с иронией. — Кроме того, — прибавил он, обращаясь к флибустьерам, — что вам за дело до того, как я буду действовать, — лишь бы удалось осуществить задуманное, а, повторяю, если мне позволят, я ручаюсь за успех.

— Что вы думаете об этом, господа? — спросил д'Ожерон.

— Мы думаем, — ответил Мигель, — что часто в подобных

обстоятельствах благородные люди жертвовали собой для общей пользы; то, что хочет сделать капитан Филипп, другие уже делали, следовательно, мы должны предоставить ему действовать, как он хочет.

— Вы согласны с этим, господа?

— Да, — в один голос ответили флибустьеры.

— Хорошо, племянник, совет дает тебе позволение пробраться на Тортугу, мы будем ждать твоего возвращения и не станем ничего предпринимать, чтобы действовать сообразно со сведениями, которые ты нам доставишь.

— Благодарю вас, братья, — ответил Филипп, — будьте спокойны, сведения будут точными.

— Сколько времени тебе нужно?

— Мне достаточно двух дней, но с условием, что я отправлюсь сейчас же.

— Ты возьмешь кого-нибудь с собой?

— Меня, — сказал Питриан, — я еще так недавно был у него работником, что мой брат не откажет мне в позволении следовать за ним.

— Да, — сказал Филипп, — поезжай со мной, больше никого не нужно.

— Я думаю! — сказал Питриан, весело потирая руки.

— Совет дает вам два дня, которых ты требуешь, племянник, прямо с Тортуги вы приедете сюда, где мы соберемся обсудить твое донесение. Тотчас после твоего возвращения ты найдешь нас готовыми к немедленным действиям. Ты можешь ехать, когда хочешь.

Филипп поклонился собранию и повернулся, чтобы уйти.

— Вы рады, не правда ли, что вам поручено провести разведку? — тихо произнес де Граммон, подходя к молодому человеку.

— Почему вы так думаете? — спросил Филипп, вздрогнув.

— Ба-а! Вы и сами прекрасно знаете, — заметил де Граммон с ядовитой улыбкой.

— Клянусь честью, я не понимаю вас.

— В самом деле? Зато я понимаю себя прекрасно.

Он насмешливо захохотал, поклонился молодому человеку и отошел.

— О-о! — прошептал Филипп с испугом. — Неужели негодяй угадал? Ей-Богу, пусть он остерегается идти наперекор моим планам, иначе, клянусь жизнью, я убью его, как собаку!

Он быстро вышел из грота.

— Ну что? — спросил он Питриана, подбежавшего к нему.

— Пирога готова, — ответил тот, — мы едем?

— Отправляемся немедленно, нельзя терять ни минуты, — взволнованно ответил Филипп.

Они прыгнули в легкую лодку и вскоре, с силой налегая на весла, скрылись из глаз.

— До свидания и счастливого успеха! — закричал им вслед насмешливый голос де Граммона, присутствовавшего при их отъезде.

— Этот негодяй замышляет что-то недоброе, — прошептал молодой человек, — необходимо за ним внимательно наблюдать.

Скоро пирога исчезла в темноте, и де Граммон возвратился в грот медленными шагами, по-видимому погруженный в серьезные размышления.

Глава XI. Сад

Прежде чем мы перенесемся на Тортугу, куда нас теперь ведут события нашего рассказа, мы обязаны рассказать, как выглядел этот остров и каким образом испанцы завладели им. Черепаший остров, имя которого благодаря флибустьерам стало столь знаменитым в семнадцатом столетии, обязан этим названием своим очертаниям, весьма похожим по форме на морскую черепаху. Он имеет семьдесят километров в окружности; окруженный огромными скалами, выступающими из моря и называемыми жителями *Железными берегами*, он доступен только с юга, со стороны пролива шириной в пять миль, который отделяет его от Санто-Доминго. Он имеет только одну гавань для больших судов и небольшое селение, носящее название Бас-Тер — Низменная Земля. Почва его плодородна, все антильские плодоносящие деревья и кустарники произрастают там в изобилии, и табак, который там выращивается, гораздо более высокого сорта, чем на других островах. Сахарный тростник растет там хорошо, и дичь размножается неимоверно быстро.

История Тортуги коротка, но запятнана кровью на каждой странице. Занятый сначала испанцами, этот остров был отнят у них, как мы уже рассказывали в предыдущем романе. Береговые братья, избежавшие гибели на острове Сент-Кристофер, решили сделать на этом острове свою штаб-квартиру и приняли меры, чтобы обеспечить себе обладание Тортугой. Но испанцы не дали им спокойно наслаждаться их завоеванием. Они отправили флотилию, которая застала авантюристов врасплох, неожиданно напав на них, и после страшной резни прогнала их с острова. Через некоторое время они вернулись под командой Виллиса, английского авантюриста, и снова захватили остров. Но французские авантюристы, с неудовольствием повиновавшиеся англичанину, требовали помощи от де Пуэнси, губернатора острова Сент-Кристофер, который послал к ним многочисленную экспедицию во главе с офицером по имени Левассер. Виллис сдался без сопротивления, и французы вновь завладели Тортугой. Левассер тщательно исследовал остров, изучая пункты, которые следовало укрепить. Он узнал, что остров неприступен со всех сторон, кроме южной, как мы уже сказали выше. Он выстроил крепость на пригорке, отдаленном на триста метров от рейда, над которым она должна была возвышаться. Но так как над этой крепостью возвышалась скала высотой в двадцать метров с площадкой в двадцать пять квадратных метров, губернатор выбрал эту

площадку для того, чтобы выстроить там свой дом. К этому дому вели пятнадцать ступеней, высеченных в скале, и съёмная железная лестница. На площадку установили четыре пушки, и к оборонительным средствам была еще прибавлена ограда, способная устоять против любого приступа; эта позиция, так удачно выбранная, была окружена пропастями, высоким лесом и непроходимым кустарником, которые делали ее неприступной. Лишь одна тропинка, по которой могли пройти рядом три человека, вела к этому форту, получившему название *Скального*.

Едва возведение этих укреплений было окончено, как явились испанцы в количестве восьмисот человек, чтобы их уничтожить. Разгромленные крепостной артиллерией, они пытались высадиться двумя милями ниже, на месте, называемом Кайонной, но, потеряв двести человек, вынуждены были удалиться восвояси. Победа эта не только придала отваги авантюристам, но до того вскружила голову их губернатору, что он, забыв, что безопасность Тортуги зависит от помощи де Пуэнси, захотел стать независимым, так что его подчиненным, привыкшим к безграничной и необузданной свободе, наскучило его тиранство, и они убили его.

В это время кавалер де Фонтенэ, отправленный де Пуэнси с острова Сент-Кристофер, прибыл на Тортугу с пятью сотнями своих людей, восстановил порядок и принял бразды правления островом в свои руки. Но кавалер де Фонтенэ был прежде всего авантюристом; первым, на что он употребил свою власть, было поощрение флибустьерских экспедиций, так что остров часто оставался почти без защитников. Испанцы, узнав об этом от своих шпионов, решили во что бы то ни стало завладеть этим страшным логовищем пиратов, вооружили эскадру и неожиданно появились перед островом, в эту минуту почти пустым. Де Фонтенэ и несколько авантюристов, которыми он располагал в это время, героически защищались, но, подавленные численностью врага, испытывая недостаток в съестных припасах и боевых снарядах, они в конце концов были вынуждены сдаться. Испанский генерал оставил на острове гарнизон из шестидесяти человек под командой дона Фернандо д'Авила, офицера храброго и опытного, и вернулся в Санто-Доминго. Вот какие странные события разворачивались на этом островке в течение нескольких лет, когда д'Ожерон по возвращении из Франции решил окончательно отнять его у Испании, чтобы сделать из него не штаб-квартиру флибустьеров, как прежде, а сердце колонии, которую он намеревался основать на самом Санто-Доминго. Испанцы, приписывавшие большое значение обладанию Черепашьим островом, вели себя крайне осторожно; следовательно, согнать их с этого места, которое они сделали практически неприступным с

тех пор, как овладели им, было делом очень трудным. Несмотря на сильнейшее искушение захватить остров, д'Ожерон, опасаясь неудачи, не хотел ничего предпринимать, пока надежный человек не проведет разведку на месте. Для этого он выбрал своего племянника, зная, что может на него положиться.

В тот самый вечер, когда флибустьеры держали совет в гостинице, трое человек ужинали в довольно обширной и богато обставленной зале Скального форта. Это были донья Хуана, очаровательная молодая девушка, которую мы уже видели на острове Санто-Доминго, ее дуэнья Чиала и дон Фернандо д'Авила, губернатор Тортуги.

Дон Фернандо был человек лет пятидесяти, с чертами лица, свидетельствующими о властном характере его владельца, яркий образчик служаки того времени, не признававшего другого довода, кроме шпаги, другого права, кроме силы.

Занимаясь блюдами, поставленными перед ним, он разговаривал с доньей Хуаной, приехавшей на остров лишь этим утром. Молодая девушка была печальна и озабочена, она односложно отвечала на участливые расспросы губернатора, которые она по большей части пропускала мимо ушей и, следовательно, на которые отвечала невпопад.

— Что с вами, милое дитя? — спросил наконец дон Фернандо, удивляясь, что он один поддерживает разговор. — Уж не больны ли вы? Это путешествие, должно быть, чрезвычайно утомило вас; может быть, вам нужно отдохнуть?

— Вовсе нет, — ответила девушка рассеянно.

— Не стесняйтесь, — продолжал он с участием, — вы здесь у себя и можете поступать, как хотите.

— Вы очень добры.

— Итак, дорогой с вами не случилось ничего необыкновенного, кроме неожиданной встречи с этими двумя негодьями?

— Решительно ничего.

— Вы очень испугались?

— Нет, уверяю вас.

— К счастью, теперь вы в безопасности и вам нечего опасаться этих негодяев.

Молодая девушка слегка нахмурила брови, но воздержалась от ответа. Дон Фернандо встал.

— Я вынужден оставить вас, — сказал он, — извините меня. В этот час я осматриваю свои посты и никогда не пренебрегаю этой обязанностью.

— Пожалуйста, не беспокойтесь обо мне, — ответила Хуана, — вы

видите, Чиала заснула, и я пойду в свою комнату; ведь, верно, в этой крепости нет сада, где можно было бы подышать вечерним воздухом.

— Извините, милое дитя, — возразил губернатор с веселой улыбкой, — у меня есть сад, правда очень маленький и вовсе не похожий на ваши великолепные эспаньольские сады, но, каков бы он ни был, я отдаю его в ваше распоряжение на все время вашего пребывания здесь, и вам тем легче будет в нем гулять, что он сообщается с вашей молельней.

— О, это замечательно! — весело воскликнула Хуана. — Пожалуйста, покажите мне скорее этот сад.

— Ступайте же за мной, мы будем там через пять минут.

Девушка поспешно встала и вышла из залы в сопровождении дон Фернандо, не беспокоясь о Чиале, которая действительно заснула в кресле.

Пройдя двор, освещенный в эту минуту великолепным лунным сиянием, дон Фернандо отворил дверь, запертую только на задвижку, и донья Хуана вдруг очутилась в саду — небольшом, но очень удачно расположенном и по этой причине казавшемся с первого взгляда гораздо больше, чем на самом деле. Там были тень и цветы; птицы, приютившиеся в листьях, с шумом вылетали при приближении гуляющих. Густая живая изгородь из кактусов на самом краю пропасти служила оградой не только саду, но и строениям крепости. Забор этот, как ни казался слаб, был более чем надежен, так как пропасть, почти вертикальная в этом месте, имела глубину более сорока метров.

— Вот мой сад, милое дитя, — сказал тогда дон Фернандо. — Пользуйтесь им, как хотите, не боясь, что вас потревожат, потому что, кроме вас и вашей дуэньи, никто не ступит сюда ногой без вашего позволения.

— Благодарю вас! Право, я не знаю, как мне высказать вам мою признательность за эту огромную любезность с вашей стороны.

— Но ведь я вам почти отец — я заботился о вашем детстве.

— Вы правы, и я вас люблю за вашу неисчерпаемую доброту.

— В свою очередь благодарю вас, но, слава Богу, мы должны остаться здесь всего на несколько дней. Я жду моего преемника с минуты на минуту.

— Это правда. Вы мне сказали, что мы должны отправиться в Панаму, — произнесла она с легким трепетом в голосе.

— Я так думал, но, судя по последним письмам, кажется, мое назначение изменено.

— А! На какое же новое место вас назначают?

— Не знаю. Вероятно, мы отправимся на материк; впрочем, это должно мало вас интересовать.

— Действительно... однако, признаюсь, я не прочь узнать об этом новом назначении.

— Не бойтесь, как только я что-нибудь узнаю, я поспешу сообщить вам.

— Благодарю.

В эту минуту в сад вошел капрал и почтительно приблизился к своему начальнику.

— Что вам нужно, Кабо Лопес? — спросил дон Фернандо.

— Ваше превосходительство, — ответил он, — прибыл курьер из Сантьяго.

— Так поздно? — с удивлением спросил губернатор. Капрал молча поклонился.

— Хорошо, я иду за вами, ступайте.

Лопес повернулся, как автомат, и вышел в сад.

— Эта дверь, — продолжал дон Фернандо, указывая девушке на большое балконное окно, — ведет в вашу молельню. Теперь я оставляю вас, гуляйте без опасения в этом саду, вам нечего бояться. На случай, если я не увижусь с вами сегодня вечером, позвольте мне сейчас пожелать вам приятно провести ночь, которую вы давно не проводили под моей кровлей.

Простившись таким образом, дон Фернандо ушел, и донья Хуана осталась одна.

Давно уже молодая девушка желала насладиться минутой свободы, она чувствовала потребность привести в порядок свои мысли и откровенно поговорить с собой. Ее отъезд из Сан-Хуана был так внезапен, путешествие так быстро, что эти немногие дни промелькнули для нее подобно сну, не оставив ей необходимого времени подумать о том новом положении, в которое ее поставили события, и о неизбежных переменах, которые силой обстоятельств должны были произойти в ее жизни, до сих пор столь тихой и спокойной.

Для душ юных и верующих ночь имеет неизъяснимую прелесть: бледный свет звезд, серебристые отблески луны, пробивающиеся сквозь ветви деревьев, ночной ветерок, проносящийся как вздох и таинственно шелестящий листьями, глухое жужжание насекомых, журчание ручейка, протекающего в тростнике — все способствует тому, чтобы наполнить сердце упоением, и располагает душу к нежным и меланхолическим мечтам.

Донья Хуана, обойдя несколько раз тенистые аллеи сада, склонив голову к земле, мало-помалу, сама того не замечая, поддавалась влиянию лучезарной природы, окружавшей ее со всех сторон, восхитительная

гармония которой находила тихий отклик в ее сердце. Она села в боскете¹² и надолго погрузилась в то восторженное состояние, которое не является ни сном, ни явью и для которого в нашем бедном языке нет определенного выражения.

Недалеко от того места, которое она выбрала для отдыха, возвышалась изгородь, служившая забором саду; возле этой изгороди, как отверстая пасть пропасти, открывался обрыв, уже старый и скрытый высокой сухой травой. Возле этого обрыва росло дерево, закрывая его своими могучими ветвями. Время от времени взгляд молодой девушки машинально обращался к этому месту с упорством, независимым от ее воли, в котором она не старалась даже дать себе отчет.

Вдруг ей показалось, что какая-то тень осторожно выпрыгнула из этой ямы и два глаза сверкнули в темноте, как два раскаленных угля. Донья Хуана невольно задрожала при этом ужасном явлении и молча и боязливо притаилась в глубине боскета.

По прошествии двух или трех минут, показавшихся испуганной девушке целой вечностью, эта тень увеличилась и мало-помалу приняла размеры человека, — размеры, казавшиеся гигантскими при обманчивых отблесках луны. Насколько довольно отдаленное расстояние, на котором находилась донья Хуана, позволяло ей судить, человек этот был не испанец, костюм его скорее походил на костюм бу-каньера. Кто бы это ни был, человек этот осмотрелся кругом пронизательным взором, как бы стараясь проникнуть сквозь темноту, потом, видимо успокоенный глубокой тишиной, окружавшей его, он стал на колени на краю обрыва и, обвив ствол дерева одной рукой, без сомнения для того, чтобы удержаться, наклонился над ямой, потом тотчас же выпрямился, поддерживая рукой другого человека, который, слегка согнувшись, впрыгнул в сад.

— Ты никого не видел? — шепотом по-французски спросил второй незнакомец первого.

— Никого.

— И ничего не слышал?

— Ничего.

— Стало быть, все в порядке. Теперь надо узнать, где мы.

— Этого я не знаю.

— И я тоже... Давай сюда оружие. В случае тревоги я не прочь иметь, чем защититься.

Ничего не отвечая, товарищ его встал на колени на краю обрыва и через секунду вытащил наверх два ружья, крепко привязанных к веревке.

— Вот, — сказал он.

— Хорошо. Теперь надо осмотреться; это нетрудно, ведь светло, как днем. Я — направо, ты — налево, составим круг, центром которого будет этот обрыв; держи глаза и уши настороже. Надо сделать так, чтобы на нас не застукали как дураков.

Его товарищ молча кивнул головой в знак согласия, они повернулись друг к другу спиной и немедленно начали приводить в исполнение свой план. Когда они повернулись, лучи луны упали на их лица, остававшиеся до тех пор в тени.

— Филипп! — вскрикнула девушка, узнав того, кого она любила, в одном из двух человек, таким странным образом забравшихся в сад.

Глава XII. Свидание втроем

Это действительно были Филипп и Питриан, так неожиданно забравшиеся в сад губернатора Тортуги. При восклицании девушки флибустьер вздрогнул.

— Кто это? — проговорил он. Бросив тревожный взгляд вокруг, он решительно подошел к боскету.

— Это я, Филипп, — произнесла молодая девушка, подходя к нему.

— Вы?! Вы, Хуана? — радостно вскричал флибустьер. — О, Бог привел вас сюда!

— Разве вы не знали, что найдете меня здесь? — спросила она.

— Я не смел надеяться.

Вдруг он замолчал. Обойдя сад, что было недолго, Питриан возвращался к боскету. Филипп бросился ему навстречу.

— Друг, — сказал он, — по неслыханному счастью я встретил особу, которую только и хотел видеть, отправляясь сюда. Покарауль, пожалуйста, пока мы перемолвимся несколькими словами и я получу сведения, необходимые для успеха наших планов.

Питриан улыбнулся.

— Хорошо, — ответил он, — только не слишком долго разговаривайте, наше положение не так уж приятно, ни к чему нам позволять глупо поймать себя в этой ловушке.

— Будь спокоен, я прошу у тебя только десять минут.

— Даю вам четверть часа, — великодушно отозвался Питриан и встал за огромным стволом дерева.

Филипп быстро вернулся к Хуане, которая с беспокойством ждала результата его переговоров с товарищем.

— Все хорошо, — сказал он, — мы можем разговаривать, ничем не рискуя. Нас охраняет друг. Хвала Всевышнему, милая Хуана, в своем неисчерпаемом милосердии Он соединил нас!

— Только на несколько минут, — прошептала она печально.

— Что нам за дело до будущего, моя возлюбленная, воспользуемся настоящим, чтобы говорить о нашей любви. Когда вы приехали сюда?

— Сегодня утром.

— И как долго думаете вы оставаться здесь?

— Не знаю. Дон Фернандо очень скрытен, однако мне кажется, я угадала, что мое пребывание здесь будет непродолжительным.

— И вы догадываетесь, в какое место должны ехать?

— Положительно, нет. Мне говорили о Панаме и Маракайбо, правда, оба эти места мне неизвестны, и мне все равно, куда меня повезут, лишь бы я имела надежду увидеть вас там.

— Я дал клятву, Хуана, и сдержу ее во что бы то ни стало.

— Да, да, вы меня любите, Филипп, я полагаюсь на ваше слово, но все же я боюсь.

— Боитесь чего, друг мой?

— Всего. Наши народы — неумолимые враги; вас считают разбойниками, морскими цыганами, хищными зверями, которых всякий честный человек имеет право истреблять.

— Какое нам до этого дело, моя возлюбленная? Разве вы не знаете, что, когда к нам подступят слишком близко, мы поворачиваемся лицом к этим охотникам и сражаемся с ними?

— Я все знаю, друг мой, и это заставляет меня дрожать еще сильнее. Кроме того, — прибавила она совсем тихо и нерешительно, — это еще не все.

— Гм! Что же еще, друг мой? Говорите без опасения. Она молчала, печально потупив голову.

— Неужели это гораздо серьезнее, чем я предполагал? — вскричал Филипп, схватив руку девушки и нежно пожимая ее. — Говорите, ради Бога, Хуана, умоляю вас, не оставляйте меня далее в этом смертельном беспокойстве.

— К чему? — ответила она кротко. — К чему говорить об этом вам, друг мой?

— Мне?! — вскричал он. — Стало быть, речь идет обо мне лично? О, говорите, говорите, заклинаю вас!

— Ах! Дело идет о нас обоих, — прошептала она, — потому что оно касается нашей любви.

— Разве нашей любви что-нибудь угрожает? — спросил он с изумлением.

— Не знаю, друг мой; я, может быть, сумасбродствую, вероятно, я тревожусь понапрасну, но повторяю вам, я боюсь.

— Зачем же, если так, вы упорно сохраняете молчание, убивающее меня?

— Вы правы, друг мой, лучше сказать вам все.

— О, говорите! Говорите, я слушаю вас.

Внезапно новое лицо выросло между собеседниками.

— Говорить буду я, — холодно произнес этот человек. Молодые люди

с ужасом отступили.

— Кажется, я испугал вас? — продолжал он с иронией. — Однако, клянусь своей душой, у меня этого и в мыслях не было.

— Ей-Богу! — вскричал Филипп, уже оправившийся от минутного волнения. — Человек ты или демон, а я узнаю, кто ты.

— Я и не скрываюсь, можете смотреть на меня, сколько угодно, — сказал человек, выходя из тени на свет.

— Кавалер де Граммон! — с удивлением вскричал Филипп.

— Он самый, — ответил кавалер, кланяясь со своей обычной насмешливой улыбкой.

— Что вы здесь делаете, милостивый государь? — запальчиво вскричал Филипп.

— А вы сами что? — спросил кавалер. — Черт возьми! Странно вы исполняете поручение, возложенное на вас советом!

Донья Хуана, готовая лишиться чувств, схватилась за изгородь боскета, чтобы не упасть.

— Не об этом поручении идет сейчас речь, милостивый государь, — грубо ответил молодой человек.

— А о чем же, позвольте вас спросить? — все с той же насмешкой продолжал кавалер.

— Я хочу знать, по какому праву пробрались вы сюда за мной?

— А если мне не угодно вам отвечать? — надменно заметил кавалер.

— Я сумею вас заставить, — ответил Филипп, выхватив из-за пояса пистолет.

— Стало быть, вы собираетесь меня убить, — ведь я с вами драться не стану, по крайней мере в эту минуту; разве вы забыли, что наши законы запрещают дуэль во время экспедиции?

Филипп с бешенством топнул ногой и заткнул пистолет за пояс.

— Но я буду великодушен, — продолжал де Граммон, — я вам отвечу, и отвечу откровенно, клянусь вам, а вы судите сами. Когда вы ушли с совета, чтобы подготовиться к исполнению вашего поручения, я просил позволения присоединиться к вам, заметив нашим братьям, что вас могут убить испанцы и что если случится это несчастье, то хорошо бы кому-нибудь вас заменить и закончить дело, вверенное вашей чести. Совет одобрил это предложение и исполнил мою просьбу, вот почему я здесь, милостивый государь; но ведь вы не это желаете знать, не так ли? Вы хотите узнать, по какой причине я просил этого поручения? Ну, так вы останетесь довольны — я назову вам эту причину.

— Я жду, чтобы вы объяснились, — сказал Филипп с едва

сдерживаемым гневом.

— Имейте немного терпения; я имею одно великое качество, или один великий недостаток, как вам угодно об этом судить, — редкую откровенность. Догадываясь о том, что будет происходить между вами и этой молодой девицей, я поспешил сделаться третьим лицом в этом разговоре, чтобы избавить ее от затруднительного объяснения, которое, впрочем, кажется, было для нее довольно неприятно.

— Пожалуйста, без околичностей и приступим прямо к делу, если это возможно.

— Что бы вы ни говорили, — воскликнула Хуана с лихорадочным одушевлением, — ваши нападки и клевета не могут меня задеть. Говорите же!

— Я не стану ни нападать, ни клеветать, — ответил кавалер, почтительно кланяясь девушке, — это оружие подлецов, и я не умею его употреблять; я буду говорить правду и только о себе.

— Говорите скорее; место, где мы находимся, не годится для продолжительных рассуждений, — сказал Филипп.

— Мы в безопасности, ведь вы поставили вашего бывшего работника Питриана на карауле, он не допустит, чтобы нас захватили врасплох; кроме того, мне остается сказать вам всего несколько слов.

Молодой человек буквально кипел от нетерпения, однако он смолчал, понимая, какие страшные последствия могла иметь огласка, не только для него — он мало заботился лично о себе, — но и для доньи Хуаны, которую он любил и которая, волнуясь и дрожа, присутствовала при этом странном разговоре.

— Милостивый государь, — продолжал кавалер де Граммон с той изящной вежливостью, которая отличала его и которой он так хорошо умел пользоваться, когда вспоминал, из какого рода он происходил, — позвольте мне прежде всего согласиться с вами, что во всем происходящем с нами есть какой-то странный рок.

— Я вас не понимаю, что можем мы иметь общего друг с другом?

— Я объясню. Вы любите эту девицу, и все заставляет меня думать, судя по тому, что я слышал, что любовь эту разделяют.

— Да, — живо откликнулась донья Хуана с той храбростью, которую нередко обретают женщины, оказавшись в крайнем положении. — Да, мы любим друг друга, более того, мы обручены, и, клянусь вам, никогда моя рука не будет принадлежать никому, кроме дона Филиппа.

— Милая Хуана! — сказал молодой человек, горячо целуя ей руку.

— Вот именно в этом и заключается тот рок, о котором я вам только

что говорил, — холодно продолжал кавалер, не выказывая никакого удивления при этом признании, — я также люблю эту девицу.

— Вы?! — вскричали они с испугом, смешанным с удивлением.

— Да! — ответил он, почтительно кланяясь молодой девушке.

Филипп сделал шаг к кавалеру, но тот остановил его движением руки.

— Вы прекрасны, я мужчина; ваша красота прельстила меня, и я невольно поддался страсти, которая, когда я вас увидел, охватила все мое существо. Имеете ли вы право упрекать меня за это? Нет, любовь и ненависть — два чувства, неподвластные нашей воле, которые овладевают сердцем человека и безраздельно господствуют в нем, о них рассуждать нельзя, мы вынуждены им подчиняться. В первый день, как я вас увидел, я полюбил вас, ваш взгляд, упав на меня нечаянно, сделал меня вашим невольником. Вы видите, я откровенен. Напрасно пытался я добраться до вас и признаться вам в любви, которая сжигала мое сердце, все мои попытки были бесполезны, вы бессознательно убегали от меня, вы без сомнения угадали мои чувства, и так как вы меня не любили, то возненавидели меня.

— Милостивый государь! — запальчиво вскричал Филипп.

— Дайте ему объясниться, милый Филипп, — с благородством сказала Хуана, — лучше, чтобы мы знали раз и навсегда, как нам себя с ним держать.

— Если вы требуете... — прошептал молодой человек, стиснув зубы от гнева.

— Я вас прошу.

— Кончайте же скорее, милостивый государь.

— Имею честь заметить вам, — ответил, поклонившись, кавалер, — что вы сами прервали меня.

Молодой человек топнул ногой и бросил страшный взгляд на кавалера, но промолчал.

— Итак, я догадывался, что у меня есть соперник, — спокойно продолжал тот, — и что соперник этот любим; открытие это, как ни неприятно оно было, однако, мало тронуло меня по той простой причине, что с первой минуты, как я вас увидел, я поклялся себе, что вы будете моей.

— Что?! — с бешенством вскричал молодой человек.

— Я имею привычку, — холодно продолжал кавалер, — всегда держать свои клятвы, это значит, что я сделаю все на свете, чтобы не изменить моему слову.

— Это уже такая дерзость, — вскричал Филипп вне себя от раздражения, — что...

— Извините! Позвольте мне закончить, — перебил кавалер бесстрастно и холодно. — Мне остается прибавить только несколько слов... Мы оба дворяне, оба хорошего происхождения, а это значит, что между нами будет война честная, борьба достойная, это будет, — прибавил он с насмешливой улыбкой, — турнир и ничего более.

— Но вы забываете одно, — заметила донья Хуана надменно, — но довольно важное обстоятельство, как мне кажется.

— Что именно? — осведомился де Граммон.

— То, что я вас не люблю и никогда не буду любить! — ответила она с презрением.

— О-о! — воскликнул кавалер с восхитительным чванством. — Как можно ручаться за будущее? Едва можно рассчитывать на настоящее.

— Вы знаете, что я вас убью, — сказал Филипп, сжав кулаки и стиснув зубы.

— Я знаю, по крайней мере, что вы попытаетесь... Ах, Боже мой! Вам следовало бы благодарить меня, вместо того чтобы ненавидеть. Борьба, разгорающаяся между нами, придаст необыкновенную прелесть вашей жизни; ничего не может быть скучнее любви, которой ничто не препятствует.

— Вы с ума сошли, кавалер; все, что вы нам тут рассказали, несерьезно, — возразил Филипп, совершенно озадаченный странным признанием молодого человека и ни на секунду не допуская, чтобы его слова соответствовали действительности.

— Я с ума схожу по этой девице — да, это правда. Что же касается того, что я вам сказал, думайте, что хотите. Я вас предупредил, теперь вы должны остерегаться.

— Запомните хорошенько, — холодно произнесла донья Хуана, — если когда-нибудь судьба отдаст меня в ваши руки, я скорее убью себя, чем изменю клятве, которую дала моему жениху.

Кавалер, ничего не отвечая, поклонился донье Хуане и, повернувшись к Филиппу, сказал:

— Итак, решено, что мы перережем друг другу горло при первом удобном случае?

— О, конечно!

— Стало быть, не стоит больше возвращаться к этому предмету. Думаю, что теперь пора заняться делами, которые привели нас сюда. Идете вы со мной на разведку или предпочитаете остаться здесь еще на несколько минут и поговорить с этой девицей? Вы видите, у меня добрый характер.

— Дон Филипп и я, — перебила его донья Хуана, — уверены друг в

друге, и нам не нужно вести длинных разговоров, чтобы знать, что мы всегда будем любить друг друга. Оставляю вас, господа; становится поздно, и я возвращаюсь в свои комнаты.

Молодой человек с живостью приблизился к своей невесте.

— Не теряйте мужества, Хуана, — сказал он, — я отомщу за вас этому человеку.

— Нет, — ответила она вполголоса со странной улыбкой, — предоставьте это мне, Филипп, — женщины в мщении гораздо опытнее мужчин, — только наблюдайте за ним.

— Но...

— Прошу вас... Теперь прощайте.

Она вышла из боскета. В ту же минуту явился Питриан.

— Быстрее! — сказал он. — Губернатор.

Все трое бросились в кусты и исчезли там в ту минуту, когда дон Фернандо входил в сад и большими шагами приближался к донье Хуане, которая поспешила ему навстречу.

Глава XIII. Дон Фернандо д'Авила

Губернатор казался озабочен, лоб его был бледен, брови нахмурены, он шел поспешно, бросая вокруг тревожные взгляды; в руке он держал бумаги, которые комкал с нетерпением. — А! Вы здесь! — воскликнул он, как только заметил донью Хуану, которая, как мы сказали, шла ему навстречу. — Тем лучше, я рад, что нашел вас здесь. Я боялся, что вы уже вернулись в ваши комнаты.

— Я возвращаюсь туда; поздно, я слишком забылась во время прогулки.

— Ночь светлая, небо сияет звездами; прошу вас, согласитесь побыть со мной несколько минут.

— Як вашим услугам на все время, какое вы пожелаете.

— Извините меня, уже поздно, время может показаться не совсем приличным, это правда, но курьер прибыл только что, и я должен сообщить вам важные известия.

— Мне? — спросила она с удивлением.

— Да, если только вы согласитесь выслушать меня.

— Я уже ответила, что я к вашим услугам.

— Благодарю вас за ваше снисхождение и не медля воспользуюсь позволением, которое вы мне даете.

Мы сказали, что тихая и темная ночь, освещенная серебристыми лучами луны, была великолепна; войдя в комнату вслед за молодой девушкой, дон Фернандо оставил приоткрытым балконное окно, выходящее в сад, — для того ли, чтобы впустить свежий ночной ветерок или, несмотря на свое звание опекуна, он боялся смутить целомудрие молодой девушки, которой, спешим прибавить, он выказывал искреннюю дружбу, соединенную с глубоким уважением.

Оба сели в кресла возле двери, тогда как между авантюристами, оставшимися наедине в боскете, состоялось короткое объяснение.

— Итак, теперь мы враги, — надменно произнес Филипп.

— Может быть, и враги, — сухо ответил де Граммон, — но уж соперники — наверняка.

— Пусть так, но это соперничество ни в коем случае не должно мешать нам исполнить данное нам поручение.

— Я тоже так думаю.

— Очень рад, что хоть в этом вы со мной согласны. Что же намерены

вы предпринять?

— В эту минуту?

— Да.

— Мне кажется, что случай необычайно благоприятствует нам и дает возможность узнать тайну наших врагов.

— Наша рекогносцировка еще не кончена; слишком продолжительное пребывание в этом месте может не только погубить нас, это бы еще ничего, но и расстроить планы наших братьев.

— Вы правы, но мне кажется, есть очень легкий способ все устроить.

— Какой же это способ, позвольте вас спросить? Я был бы чрезвычайно рад воспользоваться вашими сведениями.

— Вот он: пока один из нас останется здесь и постарается уловить отрывки разговора губернатора с его питомицей, другой отправится на разведку, а Питриан останется возле обрыва, чтобы в случае надобности ускорить наш уход.

— Гм! — сказал Филипп. — Этот способ действительно хорош, но кто из нас останется в саду?

— Вы, если хотите, — ответил де Граммон, — в эту минуту речь идет не о любви, а о политике.

— Это правда; итак...

— Я иду, — перебил де Граммон и сделал движение, чтобы удалиться.

— Позвольте, — остановил его Филипп, — я согласен на ваше предложение, но только с одним условием.

— С каким?

— Я буду ждать вашего возвращения, чтобы помочь вам, если будет нужно,

— К чему? Ведь мы больше не друзья.

— Но все еще братья.

— Вы правы, я согласен.

Церемонно поклонившись своему сопернику, кавалер удалился, как призрак проскользнув сквозь кустарник. Филипп, оставшись один, стоял с минуту неподвижен и задумчив, потом приподнял голову, бросил подозрительный взгляд вокруг и, слившись, насколько возможно, с тенью, отбрасываемой ветвями деревьев, осторожно подошел к балконному окну и спрятался в чаще мастичных деревьев, стоявших в нескольких шагах от дома, где заметить его было почти невозможно. Место было выбрано прекрасно: как как собеседники не имели никакой причины понижать тон разговора, слова их отчетливо доходили до Филиппа, который приготовился слушать, прошептав про себя:

— Может быть, я еще ее увижу и поговорю с ней.

Разговор авантюристов, меры, принятые ими, потребовали довольно долгого времени, так что когда Филипп стал слушать разговор дон Фернандо и доньи Хуаны, он почти уже кончился. Молодая девушка говорила:

— И эти сведения достоверные?

— Официальные, — ответил губернатор, — нам привез их верный человек; кроме того, мне их прислал губернатор Эспаньолы.

— И вы приказываете мне оставить вас, когда, быть может, вам угрожает такая великая опасность?

— Во-первых, милое дитя, — дружески сказал дон Фернандо, — я не приказываю вам, а только сообщаю полученные мной приказания, а это разные вещи. Вы знаете, что мы с вами должны повиноваться этой особе, потому что она поручила вас мне ребенком.

— Но кто же эта особа?

— Для чего беспрестанно задавать мне один и тот же вопрос, милое дитя, когда вы знаете, что я не могу вам на него ответить?

Девушка печально опустила голову. Дон Фернандо взял ее руку и нежно пожал.

— Не теряйте мужества, бедняжка! — сказал он с родительской нежностью. — Надеюсь, что когда-нибудь, а может быть и скоро, тайна, так тяготящая ваше сердце, раскроется. У вас все впереди, ведь вы еще почти ребенок.

— Вы очень добры, но я чувствую, что этим нежным словам, которые вы мне говорите, вы и сами не верите.

— Не унывайте, милая Хуана, — возразил дон Фернандо, стараясь отвлечь девушку от этих печальных мыслей, — ведь я вам друг.

— О, вы мне друг, почти отец! — сказала она с волнением. — Я люблю вас за все заботы, которыми вы окружали мое детство, вот почему я дрожу при мысли расстаться с вами.

— Опасность не так велика, как вы предполагаете; завтра я получу подкрепление из полутора сотен человек, которые в соединении с моим гарнизоном составят двести десять решительных и опытных солдат; кроме того, остров хорошо укреплен и снабжен съестными припасами. Будьте же спокойны на наш счет, — прибавил он, смеясь, — хотя эти негодяи сущие демоны, они потерпят постыдное поражение.

Молодая девушка бросила украдкой взгляд на сад и подавила вздох.

— Итак, — продолжала она, — едва приехав сюда, я опять еду, и еду одна.

— Не одна, ваша дуэнья поедет с вами.
— А вы?
— Я приеду к вам.
— Когда, друг мой?
— Быть может, скорее, чем вы думаете.
— Да услышит вас Бог! Дон Фернандо встал.
— Итак, решено, — сказал он, — завтра на рассвете вы будете готовы, шхуна, на которой вы приехали сюда, еще стоит в гавани. Вы поедете на ней.
— Но простите мне еще один, последний вопрос. Вы мне не сказали, куда я должна ехать.
— Разве вы не знаете?
— Ничего не знаю... Некоторое время тому назад вы мне говорили о выгодном месте, которое вам предлагали в Панаме; мы едем туда?
— Нет, мой покровитель со своей неисчерпаемой добротой выхлопотал мне место гораздо почетнее, а в особенности гораздо выгоднее того, которое он обещал мне прежде.
— Какое же?
— Губернатора Гибралтара в заливе Маракайбо.
— И вы получили назначение?
— Как вы любопытны! — заметил дон Фернандо, улыбаясь.
— Отвечайте мне, пожалуйста.
— Это назначение пришло сегодня вечером, только что.
— Стало быть, ничто не удерживает вас здесь?
— Извините меня, — ответил он с замешательством, — я должен передать власть моему преемнику и ждать его приезда на остров.
— Ведь он приедет завтра?
— Кто вам сказал?
— Вы сами, только что.
— Я вижу, что от вас ничего невозможно скрыть.
— Итак?.. — продолжала она, улыбаясь.
— Я хотел вас удивить, но вы так умеете выпытывать у меня мои секреты, что нет никакой возможности сопротивляться вам, и я предпочитаю рассказать вам все сейчас.
— Да, расскажите, расскажите!
— Шхуна, вместо двух пассажиров, увезет троих, я еду вместе с вами.
— Слава Богу! — с радостью вскричала девушка.
— Теперь я вам все сказал, мне ничего к этому больше добавить. Извините, что так долго не давал вам спать; уже двенадцатый час, я уйду,

да хранят ваш сон Святая Дева и ангелы, милое дитя, прощайте. Заприте хорошенько это окно, до завтра.

Он вышел; Хуана проводила его до сада.

— Итак, — сказала она громко, без сомнения для того, чтобы слышал Филипп, если вдруг он был еще тут, — мы едем в Маракайбо?

— Да, в Маракайбо, а не в Панаму, но возвращайтесь, не оставайтесь дольше в саду, вечера опасны для здоровья, вы же знаете.

— Я возвращаюсь, друг мой.

— Я не уйду, пока вы не запретите окно.

— Я сделаю это сию минуту.

— Кстати, если вы услышите ночью шум в саду, не тревожьтесь, я имею обыкновение несколько раз обходить все с дозором. Возвращайтесь же — и прощайте.

— Прощайте.

Девушка заперла дверь тройным поворотом ключа. Дон Фернандо закутался в плащ, вышел из сада и небрежно затворил за собой калитку, считая бесполезным принимать меры предосторожности, так как скоро он должен был идти с дозором. Кроме того, с этой стороны он нападения не ожидал.

Прошло полчаса. Филипп с нетерпением ждал, чтобы дверь доньи Хуаны отворилась, но его ожидание было обмануто, ничто не пошевелилось, дверь оставалась заперта, и скоро огонь погас. Девушка думала, что флибустьер давно ушел. Филипп безропотно вздохнул и вернулся в боскет, где нашел Питриана, все так же стоявшего на карауле, но начинавшего серьезно тревожиться таким продолжительным пребыванием в неприятельской крепости. Действительно, неосторожности или какой-нибудь случайности было достаточно, чтобы выдать троих флибустьеров, и тогда они погибли бы.

Так как Филипп обещал кавалеру, он остался в боскете, не желая удалиться до его возвращения.

— Маракайбо! — шептал он, — Гибралтар! Не в первый раз имена эти раздаются в моих ушах. О, моя возлюбленная Хуана! Если бы даже моя жизнь зависела от этого, я скоро соединюсь с тобой.

Как и все влюбленные во все времена, забыв о том довольно критическом положении, в котором он находился, молодой человек прислонился плечом к дереву, скрестил руки на груди, опустил голову и погрузился в одну из тех восхитительных любовных грез, перед которыми бледнеют все холодные реалии жизни. Кто знает, сколько времени продолжилось бы это восторженное состояние, если бы вдруг он не был

грубо отозван с неба на землю неприятным ощущением, которое оказалось не чем иным, как рукой, тяжело опустившейся на его плечо, между тем как насмешливый голос проговорил ему на ухо:

— Вы спите, друг?

Филипп вздрогнул при звуках этого хорошо знакомого голоса и, быстро приподняв голову, сказал:

— Нет, я мечтаю.

— Хорошо. Но как ни восхитительны эти мечты, прервите их, надо уходить.

— Пошли, я готов.

— Вы не спрашиваете меня, что я сделал и откуда пришел?

— Что мне за дело!

— Как, что вам за дело? — вскричал кавалер с удивлением. — Уж не помешались ли вы?

— Нет, извините, — ответил Филипп в замешательстве. — Я не знаю, что говорю; напротив, для меня это очень важно.

— Прекрасно, вот теперь вы окончательно проснулись.

— О, совершенно, клянусь вам, и доказательством служит то, что мне любопытно узнать, что вы открыли.

— Признаюсь к своему стыду, что я ничего не открыл, кроме того, что остров сильно укреплен и гарнизон настороже, везде стоят часовые.

— Черт побери, — пробормотал молодой человек, — вы мне сообщаете неприятное известие.

— Знаю, но что же делать?

— И вы не открыли ни одного слабого места?

— Ни одного.

— Черт возьми!

— А вы что узнали?

— Ничего, невозможно было приблизиться настолько, чтобы расслышать хоть одно слово из их разговора.

— Стало быть, нам ничего не удалось добиться?

— Да, и, кажется, мы хорошо сделаем, если уберемся отсюда поскорее.

— Я и сам так думаю.

— Пойдемте же.

Они подошли к обрыву, в который спустились один за другим. Питриан замыкал шествие. Спуск оказался тем труднее, что обрыв был почти отвесный, и флибустьеры на каждом шагу рисковали сломать себе шею. Была даже минута, когда они, так сказать, висели между небом и землей, не будучи в состоянии ни подняться, ни слететь. Однако после

поисков, продолжавшихся не менее двадцати минут, они сумели найти тропинку, по которой прежде поднялись до площадки на скале. Спуск продолжался, они потратили около часа, чтобы дойти до равнины. Отдохнув минуты три, они проскользнули в высокую траву и наконец добрались до берега моря, — к подножию скал, которые с этой стороны составляли неприступную стену около острова. Авантюристы начали подниматься на эти скалы. Скоро перед ними возникла трещина, по которой мог пройти только один человек. Тут Филипп остановился.

— Одно слово, кавалер, — сказал он.

— Говорите, — отвечал тот.

— Вы знаете, где пирога?

— Знаю.

— Узнаете вы то место, где мы находимся?

— Узнаю.

— Вы должны ехать!

— Один?

— Один.

— А вы?

— Я останусь с Питрианом. Вы отчитаетесь о нашей экспедиции совету через сорок восемь часов, не раньше, вы меня понимаете, не правда ли? Наши братья отправятся, и вы приведете их сюда.

— Приведу.

— Вы пристанете к берегу, когда увидите два зажженных фитиля.

— Хорошо.

— Я с помощью Питриана проложу дорогу, достаточно широкую для того, чтобы по ней могли пройти наши братья.

— Но если вас увидят и убьют?

— Как будет угодно Богу, — ответил Филипп просто.

— Милостивый государь, — торжественно произнес кавалер, протягивая ему руку, — пусть будет так, как вы желаете; я сожалею о соперничестве, разделяющем нас, но если я не могу вас любить, я восхищаюсь вами.

— Прощайте — вернее, до свидания через сорок восемь часов.

— Через сорок восемь часов, — ответил кавалер и ушел.

— Таким образом, что бы ни случилось, — прошептал Филипп, — я уверен, что моя возлюбленная Хуана уедет и, следовательно, будет вне опасности.

Питриан, которым Филипп так распорядился, не спросив даже его согласия, казался несколько не удивленным этим поступком своего

бывшего господина.

— Что мы теперь будем делать? — спросил он.

— Спать, — ответил Филипп, стараясь расположиться как можно удобнее среди скал.

— Хорошо, все-таки хоть сколько-нибудь поспим, — беззаботно сказал Питриан, укладываясь рядом с ним.

Через пять минут оба погрузились в глубокий сон.

Глава XIV. Эспаньола

Прежде чем мы пойдем дальше, нам надо объяснить читателю, какой образ правления установили испанцы в Америке и какой системе следовали они в своих колониях после завоевания. В силу дара папы американские владения были собственностью короны; стало быть, страна принадлежала королю, и земли, занятые или испанцами, или туземцами, считались королевскими владениями. Король не признавал никаких прав, никаких привилегий, он брал подать со всего, он управлял посредством вице-короля. Вице-король начальствовал над армией, решал все военные вопросы, председательствовал в совете и назначал чиновников на вакантные места.

Высший трибунал, называемый *аудиенсией*, служил противовесом власти этого важного чиновника; как апелляционный суд для всех трибуналов, как гражданских, так и духовных, он судил окончательно каждый раз, когда предмет спора не превышал десяти тысяч пиастров — пятидесяти тысяч франков на французские деньги. Суд этот имел права, равнявшиеся правам государственного совета. Аудиенсия сносилась прямо с Советом по делам Индий, этим великим регулятором всех дел, касавшихся испанских владений; члены аудиенсии пользовались огромными привилегиями, но они должны были являться испанцами, и для того, чтобы никакие семейные узы не могли привязывать их к Америке, их сыновьям запрещено было там жениться и приобретать собственность. Точно такое же запрещение касалось и вице-короля. Ниже него на иерархической лестнице стоял интендант финансов, имевший под начальством сборщика податей. Власть интендантов была так обширна, что они почти были независимы в своих провинциях. Словом, в управлении своими колониями Испания уравнивала все власти, так что ни одна не была неограниченной и не могла избежать контроля. Даже духовная власть, столь сильная в католических странах, подчинялась правилам, перед которыми она должна была преклоняться.

Состав американской церкви несколько не походил на состав церкви в метрополии. Папа имел номинальную власть над духовенством. Мексиканская церковь повиновалась только королю. Права, данные Фердинанду и Изабелле Александром VI и Юлием II, были так же обширны, как и права главы национальной церкви.

Испанский монарх на полуострове без малейших возражений

повиновался самым преувеличенным требованиям римской церкви и папы, а представитель его в Америке имел неограниченную власть и вершил судьбы всех обитателей этих стран. Мало того, никакая булла не принималась в Америке, не будучи рассмотрена и одобрена Советом по делам Индий. Муниципальные советы, состоявшие из рехидоров¹³ и алькальдов, свободно назначались жителями каждого города, интересы которого они должны были защищать. Эти муниципалитеты представляли демократический элемент в среде общей деспотической организации. Муниципалитет, или *кабильдо*, никогда не забывал обязанностей, налагаемых на него народными интересами, и во время войны за независимость члены его сразу сделались вожаками народа и горячо поддерживали его права.

Вот какими формами управлялась не только Новая Испания, но и Перу, Чили, Буэнос-Айрес и вообще все владения кастильской короны в Америке.

Слишком глубокая ненависть отделяла побежденных от победителей для того, чтобы обе расы сумели слиться в одну; конечно, случались смешанные браки, но потомки от них, метисы, оказались настроены не менее враждебно по отношению к испанцам, чем чистокровные индейцы, и сделались впоследствии самыми ожесточенными врагами испанцев и главными зачинщиками всех мятежей.

В семнадцатом столетии Америка все еще не переставала бурлить и, несмотря на жесточайшие меры испанцев, внезапный мятеж в отдаленных провинциях время от времени демонстрировал испанскому правительству горячее желание свободы, которое, несмотря на все, что было сделано для его погашения, постоянно тлело в гуще масс.

Мы закончим описывать картину — может быть, слишком длинную, но мы считаем ее довольно любопытной, — испанских владений, сказав несколько слов о состоянии общественного образования в тех странах. Было решено, из политических соображений и как бы в обеспечение повиновения и безопасности правительства, поддерживать массы в глубоком невежестве. Следовательно, американцы были совершенно чужды всему, что происходило вне их отечества; они искренне верили, что участь других народов схожа с их участью. Они были убеждены, что их правительство самое просвещенное из всех управлявших миром и что Испания по своей политической и военной организации — царица народов и, следовательно, самая могущественная.

Говорить по-христиански — значило говорить по-испански, по выражению американцев, и они подразумевали под именем еретиков, с которыми добрые католики не могли вести никаких дел, без всяких

исключений англичан, французов, немцев, евреев или мусульман. Бесплезно говорить, что инквизиция, верная хранительница невежества, не пропускала никаких книг, кроме дозволенных ею, и с крайней строгостью преследовала несчастных, у которых находили какое-нибудь сочинение, которое она заблагорассудила запретить. Правда, эти строгости коснулись только мелкого люда и туземцев, высшие классы обращали мало внимания на инквизицию, которую открыто презирали.

Мы скажем в заключение, что заморские владения приносили испанской казне от пяти до шестисот миллионов пиастров ежегодно, несмотря на грабежи вице-королей, интендантов и всех чиновников. Вот откуда происходило стремление испанцев закрыть Америку для иностранцев, вот откуда происходило желание иностранцев пробраться туда.

Из всех испанских колоний остров Эспаньола был самым недоходным и, следовательно, хуже всех управляемым. До середины семнадцатого столетия этот огромный остров целиком оставался под владычеством испанцев, еще не представлявших его истинной ценности по той простой причине, что их внимание было направлено исключительно на колонии на материке, где драгоценные металлы сполна удовлетворяли их ненасытную алчность. Словом, это была колония, ничтожная в глазах Испании, потому что она не только ничего не приносила правительству, но, напротив, еще и стоила ему каждый год значительных сумм, идущих на жалованье чиновникам, солдатам и так далее.

В то время, когда разворачивается наша история, население Эспаньолы едва насчитывало четырнадцать тысяч жителей — испанцев, креолов и мулатов, не считая; невольников, число которых, без сомнения, гораздо более значительное, не представлялось возможным определить. Справедливость требует упомянуть о полутора тысячах беглых негров, которые укрылись в горы с последними остатками карибов. Эти первые обитатели острова боролись за независимость и часто спускались в равнины опустошать плантации и грабить их владельцев.

В столице, Санто-Доминго, насчитывалось около пятисот домов, она была окружена стенами и защищена тремя крепостями, довольно хорошо для того времени снабженными пушками. Сантьяго был вторым по величине городом. Там поселилось множество торговцев и ювелиров, но его стены разрушались, и укрепления были очень плохи. Другие места обитания, кроме, может быть, одного или двух городов, были плохими селениями, совершенно незащищенными и населенными жалкими горстками жителей.

Прибытие французов на остров осталось незаметным для горделивых кастильцев. Чего они могли опасаться со стороны колонии, состоявшей не более чем из двухсот пятидесяти плохо вооруженных жителей, которые поселились в долине, находящейся на значительном расстоянии от центра испанских владений? Это надменное пренебрежение дало флибустьерам необходимое время укрепиться в Пор-де-Пе, а особенно на Тортуге. Так что когда испанцы, постоянно тревожимые своими беспокойными соседями, вышли наконец из летаргии и вздумали прогнать их из области, которой те так дерзко овладели, то поняли, какую ошибку они допустили: им пришлось затратить невероятные усилия для того, чтобы возвратить земли, которые они позволили у себя захватить, и еще они поняли, что отныне им никогда не суждено быть мирными обладателями Тортуги и той части Эспаньолы, на которую ступили флибустьеры.

Так и случилось. Флибустьеры, для которых обладание Тортугой было очень важным, каждый раз, как их прогоняли оттуда, храбро принимались за свое и хитростями снова овладевали этим островом, который через некоторое время опять у них отнимался. Вот почему, когда началась наша история, мы вновь увидели их занимающимися организацией экспедиции, чтобы опять овладеть островом, и на этот раз окончательно.

Теперь, когда мы сообщили читателю необходимые подробности, мы попросим его последовать за нами в Санто-Доминго, столицу острова, где будут происходить события, о которых мы обязаны рассказать.

Маркиз дон Санчо Пеньяфлор с удивлением, смешанным с ужасом, присутствовал при коварном рассказе, так неожиданно поведенном герцогом дону Гусману де Тудела; макиавеллевский тон, которым старик, вдохновляемый неумолимой ненавистью, успел не только заинтересовать молодого человека своими планами, но даже заставить почти с радостью взяться за исполнение мщениия, поразил его. Но, сдерживаемый уважением, а особенно страхом, который внушал ему старик, он не смел протестовать, что, впрочем, не принесло бы никакого результата, да и на какие причины мог он сослаться, чтобы вывести из заблуждения своего несчастного родственника и не дать ему подвергнуться почти верной смерти? Сестра исчезла уже двадцать лет назад, без сомнения она умерла. Графа де Бармона — или, лучше сказать, Монбара, старого врага его фамилии — касалось это дело, на него направил мщениие герцог, его преследовал со всей ненавистью. Маркиз, будучи испанцем, не имел никаких благовидных причин защищать знаменитого флибустьера, которого, напротив, должен был бы считать самым страшным противником кастильского могущества и желать его смерти. Монбар был душой флибустьерства; если он умрет,

Береговых братьев нечего будет бояться.

Он искренне любил своего родственника, дона Гусмана де Тудела, и с сожалением и ужасом видел, как тот взялся за поручение, которое должно было, если флибустьеры догадаются о нем, стать причиной его позора и привести его к страшной смерти.

Не смея объясниться яснее из боязни подвергнуться гневу отца, маркиз, насколько это было возможно, уговаривал молодого человека не совершать неосторожных поступков и в особенности ничего не предпринимать, не посоветовавшись прежде с ним. Он предполагал, что, став губернатором Эспаньолы, вдали от герцога он сумеет заставить молодого человека отказаться от пагубных планов и извлечь графа из бездны, в которую его толкала неумолимая рука. Несмотря на сдержанность, слова маркиза, казалось, произвели впечатление на дона Гусмана, и он дал требуемое обещание. Маркиз, почти успокоившись, думал только о приготовлениях к отъезду в Санто-Доминго, куда спешил приехать, чтобы избавиться от утомительной зависимости, налагаемой на него отцом, и, если будет нужно, помочь своему кузену.

К несчастью, в те времена путешествовать было не так легко, как теперь, средства передвижения были крайне примитивны. Кроме того, флибустьеры походили на хищных птиц, засевших во всех проливах Антильских островов, готовых налететь на испанские суда, как только они появлялись на горизонте, так что те отваживались выходить в море только когда считали себя довольно многочисленными, а в особенности достаточно сильными для того, чтобы отразить нападение тех, кого они клеймили именем негодяев.

Прошло несколько дней, прежде чем довольно значительный караван собрался в Веракрус, тем более что вице-король хотел воспользоваться отъездом нового губернатора Эспаньолы, чтобы доставить необходимые припасы в эту колонию, которая из-за безобразного управления испанской администрации начала приносить серьезные убытки казне метрополии, вместо того чтобы давать ей доход, которого она была вправе ожидать от страны, столь щедро одаренной природой.

Наконец пятнадцать больших кораблей собрались у острова Сакрифичиоса, и маркиз Пеньяфлор уехал из Веракруса.

Переезд прошел благополучно — оттого ли, что флибустьеры на время оставили свои обычные засады, или, что вероятнее, оттого, что они не считали себя достаточно сильными, чтобы атаковать испанскую эскадру; ни один флибустьерский парус не показался в проливах, и новый губернатор добрался до Эспаньолы, не будучи потревожен. О его приезде было

объявлено заранее, так что когда эскадра бросила якорь на рейде, все было готово, чтобы принять маркиза. Прием был великолепный: трезвонили колокола, народ, собравшийся большой толпой вдоль пути следования губернатора, приветствовал его радостными криками, безостановочно гремели пушки; переход с пристани в губернаторский дворец явился для маркиза триумфальной процессией.

Однако дон Санчо был озабочен, глаза его беспрестанно устремлялись на толпу, как будто среди этих людей, собравшихся на его пути, он искал знакомое лицо. Маркиз невольно вспоминал то время, когда, будучи еще молод, свободен и беззаботен, он впервые приехал на этот остров, убегая от тиранического притеснения отца и чтобы навестить свою возлюбленную сестру. Где была теперь бедная Клара, которую он не видел почти пятнадцать лет, которая вдруг исчезла, так что было невозможно узнать, жива ли она или изнемогла под тяжестью неизлечимой горести, терзавшей ее?

Эти мысли невольно овладели доном Санчо и наполнили его сердце горькой грустью, как вдруг он вскрикнул от удивления, почти от радости, и остановился, не думая о сопровождавшей его свите, порядок которой могла расстроить эта внезапная остановка. Глаза маркиза нечаянно наткнулись на человека, который, теснясь в задних рядах толпы, прилагал неимоверные усилия, чтобы добраться до маркиза. Человек этот устремлял сверкающий взгляд на губернатора и как будто обращал к нему безмолвную мольбу. Дон Санчо сделал движение, от свиты отделился альгвазил¹⁴, направился к указанному месту, растолкал толпу, без сопротивления расступавшуюся перед ним, и, кончиком своего жезла дотронувшись до плеча незнакомца, приказал ему следовать за ним. Тот повиновался и вскоре предстал перед губернатором, которому почтительно поклонился.

— Вы хотели мне что-то сказать, друг мой? — спросил маркиз с благосклонностью, внимательно рассматривая его несколько минут.

— Я действительно хочу поговорить с вашим сиятельством, — ответил незнакомец, поклонившись.

— Говорите, я слушаю вас.

— То, что я должен сказать вашему сиятельству, не должен слышать никто другой.

— Хорошо, станьте за мной. Пойдемте, господа, — обратился он к своей свите.

Процессия опять двинулась вперед и через четверть часа достигла дворца. Незнакомец по пятам следовал за маркизом и вошел за ним в приемную залу; ему никто не препятствовал. Началось представление

властей острова новому губернатору. Все время, пока оно продолжалось, дон Санчо, несмотря на все свои усилия казаться спокойным, с трудом скрывал нетерпение. Наконец церемония закончилась. В то же мгновение маркиз, к великому негодованию присутствующих, оскорбленных этим нарушением этикета, поспешными шагами подошел к незнакомцу, обменялся с ним шепотом несколькими словами, потом сделал ему знак следовать за собой, отвел его в другую комнату и запер дверь.

Отсутствие губернатора было продолжительным. Наконец он вышел, но один, — незнакомец, вероятно, ушел через заднюю дверь. Удивление присутствующих дошло до предела. Они не понимали происходящего и с беспокойством перешептывались между собой. Но удивление это перешло в ошарашивание, когда маркиз, не обращая внимания на их присутствие, приказал немедленно оседлать лошадь и покинул залу, вовсе не думая оставаться с ними.

Глава XV. Домик в тихом месте

Эспаньола, или Санто-Доминго, по справедливости носит название царицы Антильских островов. Это действительно самый красивый из всей группы островов, рассыпанных рукой Господа у входа в Мексиканский залив и цветущих на синих водах Атлантического океана.

Санто-Доминго расположен к юго-востоку от Кубы и к востоку от Ямайки. Он имеет шестьсот шестьдесят километров в длину, сто двадцать в ширину, пять тысяч в окружности, не считая бухт и заливов, и площадь около восьмидесяти тысяч квадратных километров; стало быть, после Кубы это самый большой из всех Антильских островов.

Горы, покрывающие центральную часть острова и делящиеся на три главных цепи, расходятся по всем направлениям и могут по большей части обрабатываться до вершины; они покрыты роскошной растительностью, многочисленные реки спускаются с этих гор — к несчастью, они не судоходны, лишь некоторые могут пропускать легкие суда. Три прекрасных озера не менее чем по девяносто километров в окружности составляют основу водной системы этой страны, великолепно плодоносной, где растут пальмы, бананы, мимозы разных сортов и вообще вся флора тропических областей.

Когда испанцы в первый раз высадились на этот остров, он был густо населен представителями пяти племен, не зависевших одно от другого и заботливо управляемых вождями, власть которых над их подданными была неограниченной. Испанцы, побуждаемые ненасытной скупостью и гнусным фанатизмом, принесли этому краю, как и всем другим колониям Нового Света, убийства и тиранию и ввели рабство и казни. Они действовали с таким варварством, что от туземного населения на всем пространстве острова к 1542 году оставалось только, как утверждает Лас-Касас, двести человек. Поэтому испанское правительство вынуждено было позволить привезти на Эспаньолу четыре тысячи невольников из Гвинеи. Карибская раса была истреблена.

Начало колонизации острова испанцами было самым удачным. Очарованные красотой климата и перестав помышлять о разработке рудников, колонисты прибывали толпами с целью обработать эту плодоносную землю и создать истинное богатство вместо мифического, о котором так давно мечтали. Возделанные плантации давали обильный урожай какао, хлопчатника, имбиря, индиго, табака и сахара, поощряя

торговлю этими товарами. Скотоводство также давало высокие прибыли; скотина настолько хорошо размножалась в этом благоприятном климате, что спустя едва сорок лет после ввоза первых коров целые суда отходили от острова, нагруженные кожами. К несчастью, поголовное истребление туземцев грозило поставить крест на процветании колонии; пришлось заменить их неграми. Но плантаторы не захотели тратить деньги на рабов, и все начало приходить в упадок. Испанское правительство, не заботившееся о помощи колонистам и полностью поглощенное своими богатыми владениями в Мексике и Перу, пренебрегло колонией, бывшей всего лишь неприметной точкой среди ее обширных заморских земель. Упадок сделался всеобщим, и в то время, когда происходила наша история, Эспаньола, прежде столь богатая, не только ничего не приносила метрополии, но, как мы уже говорили, напротив, она вынуждена была ежегодно посылать в колонию, которую нерадение привело в запустение, огромные средства на жалованье войскам и чиновникам, и даже одежду и съестные припасы. Эта плодородная земля, эта великолепная страна стала для Испании тягостной обузой, медленно погибавшей под тяжестью нищеты.

К счастью для будущности Эспаньолы, именно в эту критическую минуту в северо-западной части острова поселились новые колонисты; своей неукротимой энергией, отчаянным мужеством и железной волей они должны были изменить положение и до некоторой степени возратить этой стране, брошенной даже ее жителями, ее изначальное величие. Эти новые колонисты были флибустьеры, изгнанные с острова Сент-Кристофер испанцами и вдруг появившиеся, как стая хищных птиц, на Эспаньоле, которую Провидение, чьи пути неисповедимы, предназначило к преобразению и возрождению.

Теперь, когда мы вкратце познакомили читателя с этим островом, где будут происходить многие важные события нашей истории, мы примемся за наш давно прерванный рассказ.

В нескольких милях от Санто-Доминго, столицы острова, в глубине узкой долины, тогда почти неисследованной и спрятанной среди высоких гор, окружавших ее со всех сторон, возвышался скромный деревянный домик, крытый пальмовыми листьями. Домик этот стоял на краю речки, носящей название Хаина; собственно, это была даже не совсем речка, а поток, почти высохавший во время сильной жары и который через несколько миль впадает в море недалеко от Санто-Доминго. Хаина, так же как и большая часть рек на острове, судоходна только для судов самых малых размеров, но ее извилистые берега, окаймленные высоким лесом,

зелеными лугами и чащами мастичных деревьев, восхитительны. Домик гляделся в ее светлые воды. Позади него располагался небольшой двор, закрытый густой живой изгородью, дававший по вечерам уют двум — трем лошадям и стольким же коровам, которые паслись на свободе в нескольких шагах от домика. В домик вела галерея из бревенчатых сводов, составлявших колоннаду; с правой и с левой стороны этой галереи отворялись два окна с тонкими сетками от комаров и длинными шторами из зеленой материи, чтобы смягчать жгучие лучи солнца.

Внутреннее убранство домика отвечало его внешнему виду, то есть все там было просто, скромно, но свидетельствовало о хорошем вкусе и показывало изящную опрятность. Пройдя галерею, вы попадали в переднюю, разделяющую комнаты надвое; одна дверь вела направо, другая — налево, между тем как еще одна дверь напротив вела в столовую, без сомнения общую, меблированную одним столом, четырьмя стульями и буфетом.

Было около десяти часов утра. Женщина лет сорока, с утомленным бледным лицом и потухшими глазами, но все еще стройная и красивая, готовила с помощью негра лет двадцати, веселого, живого, проворного и ловкого, как обезьянка, на которую он необыкновенно походил, стол для завтрака. Дама эта, погруженная, по-видимому, в печальную задумчивость, иногда останавливалась, чтобы бросить взгляд в окно или прислушаться к неопределенному шуму, потом качала головой, вздыхала и опять принималась за свое дело, которое снова бросала через минуту.

Когда она наконец кончила накрывать на стол, негр вышел из комнаты, оставив ее одну. Она скорее упала, чем села на стул, стоявший у окна, и осталась неподвижна, устремив печальный взгляд на дорогу, хорошо просматриваемую с того места, где она находилась.

— Он не едет, — грустно повторила она несколько раз шепотом, — теперь уже слишком поздно, бесполезно ждать его.

Вдруг она вздрогнула, вскочила, тихо вскрикнула и бросилась к двери с лихорадочной поспешностью. К домику приближался всадник. Перед галереей он соскочил на землю, бросил поводья лошади негру и очутился лицом к лицу с женщиной.

— Наконец-то вы вернулись! — вскричала она с радостью. — А я уже перестала вас ждать.

— Сеньора, — ответил приезжий, — я замечу вам, что уехал ил Санто-Доминго в четыре часа утра, а теперь только одиннадцать; я проделал около пятнадцати миль верхом по ужасной дороге, рискуя двадцать раз сломать себе шею, что, может быть, было бы небольшим несчастьем, но не помогло

бы осуществлению ваших намерений; стало быть, я думаю, что не потерял времени зря

Говоривший таким образом был человеком лет шестидесяти, сильным, стройным, с умными чертами лица; живые блестящие глаза и черные волосы которого показывали что он, несмотря на свои года, еще не потерял ни силы, ни энергии.

— Извините меня, друг мой, — смиренно ответила женщина, — я сама не знаю, что говорю.

— Извинить вас?! — вскричал он с дружеской резкостью. — Разве я не слуга вам, даже невольник, готовый повиноваться вам при малейшем слове, при малейшем движении?

Женщина улыбнулась.

— Вы мой друг и больше ничего, Бирбомоно... мой единственный друг, — прибавила она со вздохом, — только ваша преданность никогда не изменяла мне.

— Прибавьте: и никогда не изменит, — ответил он с жаром, — и вы скажете истинную правду.

— Благодарю вас, друг мой. Но пойдемте, пойдемте. Завтрак готов, вы, должно быть, проголодались, мы поговорим за завтраком.

— К вашим услугам, сеньора, признаюсь, я действительно чувствую волчий аппетит.

— Не будем же терять времени, пойдемте.

Они вошли в столовую и заняли места друг против друга за столом. Негр сунул свое толстое черное лицо в полуоткрытую дверь.

— Подавайте, Аристид, — приказала ему госпожа. Невольник исчез и вернулся с двумя блюдами, составлявшими завтрак.

— Послушай, Аристид, — сказал ему Бирбомоно, — так как ты пока здесь не нужен, сделай мне удовольствие, хорошенько вычисти Негро; бедное животное мчалось так, что взмокло, как будто вышло из реки, ты слышишь?

— Слышу, — ответил негр, — я сейчас им займусь.

— Хорошо, мой милый, если ты понадобишься госпоже, я тебя позову.

Негр вышел, закрыв за собой дверь. Женщина едва дотрагивалась до кушаний, стоявших перед ней, в отличие от Бирбомоно, который, как он сам признался, имел зверский аппетит: его тарелка опорожнялась со страшной быстротой. Женщина украдкой наблюдала за ним, сгорая от нетерпения и с трудом сдерживая слова, готовые вырваться у нее. Наконец, когда первый голод ее собеседника несколько утолился, она не выдержала и решила начать разговор.

— Ну что? — спросила она с легким трепетом в голосе. — Неужели на этот раз будет то же самое и вы опять ответите мне этим отчаянным словом: ничего?

Бирбомоно приподнял голову, выпил большой стакан ледяной воды, вытер бороду и усы и сказал:

— Кажется, сеньора, мое путешествие было не совсем бесполезным.

— О! — вскричала она, сложив руки с тоской. — Неужели вы что-нибудь узнали?..

— Извините, сеньора, — перебил он, — я не хочу вас обманывать и подавать надежду, которая не может сбыться.

— Ах! — промолвила она с отчаянием.

— Но я привез вам известие, которое будет в высочайшей степени интересно для вас.

— Какое другое известие, кроме того, которое вы мне не привезли, может интересовать меня теперь? — произнесла она, печально качая головой.

— Кто знает, сеньора? — заметил он. — Я думаю, напротив, для вас очень важно узнать, что я делал во время моей поездки.

— Ах! — возразила она. — Видя, как быстро вы скачете, я почти надеялась...

— Поверьте, сеньора, что если бы у меня не было важной причины, я не рисковал бы загнать бедного Негро.

— Это правда, друг мой, говорите же, я вас слушаю.

— Прежде всего, вы должны узнать, сеньора, что губернатор острова заменен, это уже не дон Луис де Кордова.

Женщина посмотрела на него с сильным удивлением.

— Что мне за дело до этого, друг мой? — спросила она.

— Гораздо больше, чем вы предполагаете, сеньора, и вы сами согласитесь с этим, узнав имя его преемника.

— Я искренне этого желаю, друг мой, — ответила она, улыбаясь, — позвольте же узнать, как зовут этого нового губернатора?

— Вы прежде близко его знали.

— Хорошо, но как его зовут?

— Вы даже питали к нему дружеские чувства.

— Почему же вы не хотите мне сказать, кто это? — спросила она с нетерпением.

— Я боюсь...

— Чего?

— Впрочем, я, кажется, помешался; одним словом, это Санчо

Пеньяфлор.

— Ах, Боже мой! — вскричала она, сложив руки и откинувшись на спинку стула, как будто лишилась чувств.

Бирбомоно бросился ей на помощь, но она поспешно приподнялась и, сияясь улыбнуться, сказала кротко:

— Вы были правы, друг мой; известие, привезенное вами, интересует меня очень сильно. Теперь расскажите мне все подробности, пожалуйста.

— Я сделаю это немедленно, сеньора.

Глава XVI. Два старых знакомых читателя

Как бы по взаимному согласию оба собеседника вдруг замолчали. Бирбомоно, уткнувшись носом в тарелку, машинально вертел в руках сигару, бросая украдкой пронизательные взгляды на женщину, сидевшую напротив него; та, еще бледнее обыкновенного, нахмутив брови и с неподвижным взором, постукивала вилкой по столу. Очевидно, оба были серьезно озабочены; ни тот, ни другая не сознавали, что делали в эту минуту. Женщина заговорила первой.

— Бирбомоно, — сказала она с некоторой нерешительностью в голосе, — вот уже три недели, как вы меня оставили; верно, не все это время вы провели в Санто-Доминго?

— Конечно, нет, сеньора, — ответил он, поклонившись, — кроме того, я был вынужден сделать большой крюк, потому что вы мне приказали проехать через Сан-Хуан.

— И вы, без сомнения, долго оставались в этом городе? — спросила она с живостью.

— Нет, сеньора, — ответил он с притворным равнодушием, — только два часа, ровно столько, сколько было нужно, чтобы собрать сведения; потом я уехал.

— И эти сведения?..

— Вот они: вы, сеньора, дали мне письмо к донье Хуане д'Авила; это письмо я привез вам назад.

— Вы привезли его назад! — вскричала она с дрожью в голосе. — Не может быть, чтобы она отказалась принять его.

— Донья Хуаны д'Авила уже нет в Сан-Хуане, сеньора, она уехала к своему опекуну на Тортугу, где он является губернатором.

— О! — сказала она, с унынием опуская голову на грудь. — Мой бедный Бирбомоно, вы действительно привезли мне плохие известия.

— Я в отчаянии, сеньора, но не лучше ли сказать вам правду, чем скрывать то, о чем вы можете случайно узнать не сегодня-завтра, после чего сделаетесь еще несчастнее.

— Да, вы правы, резкая откровенность, как она ни тягостна, все-таки предпочтительнее.

— Притом, сеньора, Тортуга не так далеко, чтобы туда нельзя было добраться.

— Продолжайте, продолжайте!

— Из Сан-Хуана, где ничто больше не удерживало меня, так как я ездил туда только к донье Хуане, а донья Хуана уехала оттуда, я отправился в Санто-Доминго. Я удивился при въезде в город, что там царит праздник. Дома были украшены коврами, улицы усыпаны цветами и заполнены жителями в нарядной одежде; суда, стоявшие на якоре, были убраны флагами и беспрестанно стреляли из пушек. Чрезвычайно удивленный этими знаками всеобщего ликования, я напрасно ломал себе голову, чтобы угадать, какой важный праздник мог возбудить такие демонстрации, — честное слово, я не мог ничего понять. Был вторник, день вполне обыкновенный, посвященный святому Поликарпу, праздновать этого скромного святого не стали бы с таким блеском. Размышляя таким образом, я подъехал к Большой площади. Там стояли гарнизонные войска, и военный оркестр играл бравурные марши. Не будучи больше в состоянии сопротивляться любопытству, я принялся расспрашивать одного гражданина с бесстрастной физиономией, который случайно находился возле меня.

«Вы, должно быть, приезжий, сеньор, — заметил он мне, — если задаете такой вопрос».

«Положим, что так, — ответил я, — сделайте же одолжение, объясните мне».

«С большим удовольствием, сеньор; мы празднуем приезд нового губернатора».

Так же как и вас, сеньора, в первую минуту это известие очень мало заинтересовало меня; однако я притворился обрадованным, и так как мне все равно пока нечего было делать, я продолжил разговор, спросив достойного горожанина, знает ли он имя нового губернатора. Он мне ответил, что это маркиз дон Санчо Пеньяфлор. Мое удивление было так велико, что, услышав это имя, я заставил своего собеседника повторить его несколько раз, чтобы убедиться, нет ли здесь какой ошибки. Я спросил его, приехал ли губернатор, и не для того ли собралась тут толпа, чтобы приветствовать его. Гражданин ответил с неисчерпаемой любезностью, что губернатор уже целый час как приехал и что в эту минуту он принимает во дворце поздравления городских властей. Я узнал все, что хотел узнать, вежливо поклонился любезному гражданину и ушел, обдумывая разные планы.

Рассказывая так подробно о происшествиях, по-видимому маловажных, Бирбомоно очевидно имел цель, без сомнения состоявшую в том, чтобы, возбудив нетерпение сеньоры, отвлечь ее внимание, переменить течение ее мыслей и таким образом подготовить ее выслушать

без волнения важные известия.

Он вполне достиг этой цели: сеньора слушала его с лихорадочным волнением, даже с раздражением, хотя и силилась казаться спокойной, чтобы не рассердить человека, неограниченную преданность которого она знала и прекрасный характер которого ценила. Мы забыли сказать, что, говоря таким образом, вероятно тревожимый солнечными лучами, врывавшимися в открытое окно, Бирбомоно опустил штору, так что собеседники находились в относительной темноте и вид на окрестности был совершенно скрыт от их глаз.

— Какие же планы обдумывали вы? — спросила сеньора.

— Разве я сказал «планы»? — возразил он. — Стало быть, я ошибся, у меня был только один план: пробраться во дворец и представиться губернатору.

— Да, да, — сказала она с живостью, — и вы его исполнили, не правда ли, друг мой?

— По крайней мере постарался, сеньора. Но это было нелегко; не то чтобы солдаты мешали мне войти, напротив, двери были открыты и все могли входить и выходить, но толпа была так тесна, число любопытных так велико, что буквально невозможно было продвигаться вперед.

Читатели видят, что дело происходило не совсем так, но, без сомнения, Бирбомоно имел причину слегка изменить истину.

Говоря, Бирбомоно прислушивался к шуму, сначала почти неприметному, но который увеличивался с минуты на минуту. Сеньора не слушала и не слышала ничего, кроме того, что ей рассказывал Бирбомоно. Все ее внимание было сосредоточено на этом рассказе.

— Однако, — продолжал он, возвысив голос, — хитростью и терпением успел я пробраться во дворец и даже войти в ту залу, где находился губернатор. Тогда случилось странное обстоятельство. Едва его сиятельство, разговаривавший в эту минуту с алькальдом, заметил меня, как без всяких церемоний оставил его, подошел ко мне и назвал меня по имени.

— Это удивительно! Прошло так много времени!

— По крайней мере, четырнадцать лет. Тогда губернатор отвел меня в сторону, не занимаясь больше другими, и начал меня расспрашивать. Вы понимаете, сеньора, что между нами состоялся разговор продолжительный и интересный; мне многое пришлось рассказать ему.

— Ах! — прошептала она, вздыхая. — Бедный Санчо, которого я так любила! Он теперь меня не узнает.

— Почему же, сеньора?

— Горе так жестоко изменило мой облик, друг мой, что меня трудно узнать. Однако я была бы так рада видеть его!

— Это зависит от вас.

— Я не смею отправиться к нему, друг мой.

— Почему бы не приехать ему?

— Захочет ли он? — прошептала она, вздыхая.

— Если вы изъявите желание, сеньора, я убежден, что он тотчас прискачет.

— Ах! Это невозможно, друг мой, он богат, счастлив, могуществен, он, может быть, считает меня умершей.

— Я все ему рассказал.

— Это правда, но я более не принадлежу свету, я существо проклятое. Если он меня увидит, он, может быть, от меня отречется.

— О, какие у вас ужасные мысли, сеньора! Чтобы дон Санчо, который так вас любил, отрекся от вас! О!

— Несчастье делает несправедливым, друг мой. Я прощу ему, если он меня разлюбил, но не хочу подвергаться его презрению.

— О, сеньора, сеньора! Вы жестоки.

— Да, это правда; но, видите ли, я люблю его, друг мой, я люблю его, как любила двадцать лет назад, и будь он здесь, возле меня, на этом самом месте, мне кажется, я нашла бы еще в моих глазах, иссохших от горя, радостные слезы, чтобы приветствовать его возвращение.

Вдруг дверь отворилась, и на пороге показался дон Санчо Пеньяфлор.

— Сестра! — воскликнул он, раскрывая объятия. — Я все бросил, чтобы обнять тебя.

— Это ты! Ты! — громко вскричала она и, бросившись к маркизу, спрятала, заливаясь слезами, голову у него на груди.

Бирбомоно рассудил, что его присутствие вовсе не обязательно, и скромно удалился, затворив за собой дверь. Дон Санчо, столь же взволнованный, как и сестра, смешивал свои слезы с ее слезами.

— Клара! Бедная Клара! — только и мог проговорить он; сердце его было так полно, что он не мог придумать слов, которые передали бы то, что он чувствовал.

— Брат мой! Милый Санчо! — шептала донна Клара сквозь слезы. — Наконец-то я вижу тебя, наконец прижимаю тебя к сердцу. О! Я счастлива, так счастлива в эту минуту!

— Возлюбленная сестра, возьми себя в руки, соберись с мужеством; мы снова вместе после такого долгого времени. О! Я заставлю тебя забыть твою тоску и прошлые горести.

Она вдруг выпрямилась при этих словах, откинула волосы, закрывавшие ее лицо, бледное и орошенное слезами, и, печально покачав головой, прошептала:

— Ах! Я проклятое существо, разве ты не знаешь, Санчо? Я одна, всегда одна.

Закрыв лицо руками, она снова заплакала. Маркиз тихо подвел ее к стулу и сел подле нее.

— Клара, — сказал он, держа ее за руку и с нежностью глядя на нее, — ты теперь не одна, я вернулся, и разве ты не знаешь, что я буду помогать тебе всеми силами в твоих поисках?

— Ах! Один раз ты уже давал мне это обещание, брат, помнишь? Однако...

— Да, — перебил он с живостью, — но тогда, сестра, я был молодым человеком, почти ребенком, без права голоса, без воли. Взгляни же на меня теперь, я возмужал, я силен, могуществен, многое, чего не знал тогда, я знаю теперь. Я говорю, что помогу тебе, сестра, и Бог защитит нас, мы преуспеем.

— Ты думаешь? — прошептала она.

— Надеюсь, сестра.

— О! Говори, говори, умоляю тебя, скажи мне все, что ты знаешь

— Расскажи мне сначала, как ты жила после нашей разлуки, что ты делала, отчего ты вдруг исчезла, заставив нас предполагать, что ты умерла?

— К чему рассказывать тебе об этом, брат? Говори прежде ты.

— Нет, я хочу знать, что было с тобой и чего ради ты вдруг отказалась от света, чтобы похоронить себя в неизвестности и уединении?

— Ты требуешь, чтобы я рассказала тебе об этом, брат?

— Я очень хочу этого, Клара, расскажи мне все, не думай, чтобы мною двигало пустое любопытство, мне нужно знать твою жизнь, чтобы утешить тебя.

— Задача трудная, брат. Ах! Ничто на свете не может утешить мать в потере ее ребенка.

— Бедная сестра!

— А что мой отец? — внезапно спросила она чуть слышно.

— Он жив, — ответил дон Санчо, — и живет, окруженный всеобщим уважением и осыпанный почестями.

— Да-да, — сказала она со вздохом, — так и должно быть. Вспоминает ли он хоть иногда о своей дочери?

— Никогда твое имя не срывалось с его губ; он считает тебя умершей.

— Тем лучше! — заметила она. — Может быть, эта уверенность

сделает его снисходительнее к невинному, которого он преследует, ведь одной жертвы должно быть для него недостаточно.

— Ты не знаешь нашего отца, бедная, милая Клара, если тешишь себя этой мыслью. У него железное сердце и неумолимая душа, его ненависть так же сильна ныне, как и двадцать лет тому назад. Герцог Пеньяфлор не прощает, он осуществляет свое мщение с жаром и упорством, которые только усиливаются от затруднений и препятствий, а не слабеют.

— Ах! Я знала все это, однако не смела думать, чтобы это было правдой... Где он? Конечно, в Испании?

— Нет, он одновременно со мной приехал в Америку; он находится теперь в Панаме, но, кажется, не останется там.

— В Америке? Зачем он сюда приехал?

— Попробует в последний раз сделать попытку отомстить, сестра.

— Но что он намерен делать?

— Не беспокойся, я скажу тебе об этом или, по крайней мере, открою тебе все, что мог уловить из темного заговора, который он составил с ужасающим искусством и который, если Господь не помешает ему, должен неминуемо принести ему успех, так хорошо он все продумал.

— Боже мой! Боже мой! — прошептала донна Клара, сложив руки с мольбой.

— Теперь твоя очередь, сестра, говори, я слушаю тебя.

— Что мне сказать тебе, Санчо? Жизнь такого жалкого существа, как я, не представляет никакого интереса... Отвергнутая отцом, презираемая любимым человеком, изгнанная из общества, тайно обвинявшего меня в смерти мужа, лишенная своего ребенка, который составлял для меня все, не сожалея о прошлом, не надеясь на будущее, я скрылась в уединении; на какое-то мгновение я струсилась и хотела умереть, но Господь помог мне, у меня оставалась цель: отыскать моего ребенка, получить прощение человека, единственного, кого я любила и который, как и другие, считал меня виновной, и я решила жить. Однажды вечером — не знаю, помнишь ли ты, брат, ты тогда отлучился из дворца, приглашенный, кажется, на обед — я осталась одна. Меры предосторожности мной были приняты заранее; я вышла из дворца и уехала из Санто-Доминго, решив никогда больше не возвращаться; меня провожал один человек, ты его знаешь, это Бирбомоно — он один остался верен мне в несчастье, его преданность не изменяла мне никогда, его уважение ко мне осталось прежним, поэтому я не имею от него тайн, он разделял мои радости и горести, он уже не слуга мой, а друг.

— Я его отблагодарю, — сказал маркиз.

— Благодарность, которую он поймет лучше всего и которая больше

других ему польстит, брат, — это если ты согласишься пожать ему руку.

— Он достоин этого отличия, сестра, и, конечно, несмотря на расстояние, разделяющее нас, я непременно это сделаю.

Ничего большего донна Клара не могла требовать от надменного дворянина и не настаивала.

— Я заставила Бирбомоно купить под чужим именем этот дом, и с тех пор всегда здесь жила, но часто оставляла его, иногда даже на целые месяцы и годы, под надзором чернокожего невольника по имени Аристид, которого я купила ребенком. Что еще сказать тебе, брат? Скрываясь то под одними одеждами, то под другими, я общалась с буканьерами, исходила остров вдоль и поперек, даже ездила в Мексику, где мой отец был вице-королем. Я сделала еще больше: я пересекла море и объехала Францию и Испанию, отыскивая своего ребенка, осматривая самые жалкие деревушки, входя в самые бедные хижины... и все напрасно, все!

Она заплакала. Брат глядел на нее с сочувствием, не смея помешать ей; горечь этой несчастной матери казалась ему так же велика, как и древней Ниобеи¹⁵. Клара лихорадочным движением отерла слезы и продолжала прерывающимся голосом:

— Два раза мне казалось, что я нашла след, и сердце мое начинало биться сильнее от надежды. Первый раз в Мадриде я нечаянно узнала, что мой отец усыновил какого-то ребенка и воспитывает его так старательно и нежно, как будто связан с ним кровными узами; ребенка этого я видела, ему было тогда около шести лет, он был красив. Его мужественные и гордые черты показались мне имеющими сходство с одним человеком; я сумела приблизиться к этому прелестному ребенку и разговорилась с ним. Его звали Гусман де Тудела, но это имя могло быть подложное. Я осведомилась... увы, я ошиблась, это имя было его собственным! Обманутая надежда чуть не свела меня с ума.

— Бедная сестра! — прошептал маркиз, подавляя вздох. — Что же ты сделала тогда?

— Я уехала, я оставила Испанию, как проклятую землю, однако, признаться ли тебе, брат, воспоминание об этом ребенке никогда не выходит из моих мыслей. Я еще слышу звуки его голоса, нежного и свежего, заставлявшего дрожать мое сердце, после стольких лет черты его так свежи в моей памяти, что если бы случай свел нас, я узнала бы его, я в этом уверена. Не странно ли это, скажи, брат?

— Действительно, очень странно, милая Клара, но, пожалуйста, продолжай. Этот ребенок теперь превратился во взрослого мужчину, и я также его знаю, он сейчас в Америке, и, может быть, всемогущий Господь

сведет вас вместе.

— Ты как-то странно говоришь это, Санчо.

— Не приписывай моим словам больше важности, чем они имеют в действительности, сестра, продолжай, я слушаю тебя.

— Во второй раз здесь, на Эспаньоле, около двух лет тому назад, случай привел меня в городок Сан-Хуан. Я вошла в церковь; по окончании молитвы я выходила, когда очутилась возле кропильницы, лицом к лицу с очаровательной молодой девушкой, которая протягивала мне пальцы, орошенные святой водой. Не знаю, почему, но при виде этой незнакомой юной девушки я вздрогнула, сердце забилось в моей груди, она поклонилась мне с кроткой улыбкой и ушла. Несколько минут я стояла не двигаясь, в странном волнении, сжимавшем мне сердце, как в тисках, устремив на нее глаза и смотря, как она уходит. Наконец я решилась следовать за ней издали. Когда она вошла в дом недалеко от церкви, я осведомилась, как ее зовут. Ее имя — донья Хуана д'Авила: это питомица дона Фернандо д'Авила. Я устроила так, чтобы опять встретиться с ней, я говорила с ней, мало-помалу успела с ней сойтись и даже бывала в доме, где она жила почти одна со старой дуэньей по имени Чиала. Ее опекун, дон Фернандо д'Авила, жил на Тортуге, где был губернатором. Донья Хуана не знала своих родных, она не помнила ни мать, ни отца, ей дали фамилию ее опекуна и она носила это имя, не заботясь об этом, она знала только, но очень неопределенно, что ее поручил ребенком дону Фернандо какой-то знатный человек, принадлежавший к одной из могущественнейших фамилий Кастилии, человек этот, имя которого составляет тайну и никогда при ней не произносилось, не терял ее из виду и установил за нею надзор, хоть и тайный, но неусыпный; он протезировал дону Фернандо, который был обязан ему всем и быстро шел в гору. Поэтому храбрый идалго был предан душой и телом своему покровителю, хотя испытывал искреннюю привязанность к своей питомице, которую считал как бы своей дочерью. Все эти подробности, которые я узнавала в продолжение двух лет, в высшей степени возбудили мое любопытство. Не будучи в состоянии выдержать дольше, я несколько дней тому назад отправила Бирбомоно в Сан-Хуан, чтобы постараться узнать что-нибудь положительное, что оправдало бы неопределенную надежду, которая сжигает мне сердце.

— Ну и что же? — с любопытством спросил дон Санчо.

— Донья Хуана, — с грустью ответила донна Клара, — уехала из Сан-Хуана к своему опекуну на Черепаший остров; но, — прибавила она с лихорадочной энергией, — я поеду на Тортугу, расспрошу дона Фернандо и...

— Извини, сестра, — перебил дон Санчо, — тебе больше нечего рассказать мне?

— Нечего, брат, ты знаешь теперь так же хорошо, как и я, какова была моя жизнь после нашей разлуки.

— Благодарю тебя, сестра, за твое доверие... Теперь моя очередь говорить, а потом, когда ты выслушаешь меня, мы вместе подумаем, что нам следует предпринять. Слушай же меня с величайшим вниманием, потому что, клянусь, мой рассказ тебя заинтересует.

Донна Клара вздрогнула при этих словах и, устремив свои большие глаза, полные слез, на маркиза, сказала глухим голосом:

— Говори, брат, я слушаю.

Глава XVII. Задушевный разговор

Завтрак кончился задолго до приезда дона Санчо; брат и сестра перешли из столовой в другую комнату, чтобы дать возможность негру убрать со стола. Комната эта служила спальней донне Кларе; меблированная так же просто, как и весь дом, она тем не менее издавала то нежное благоухание, которое указывает даже людям малочувствительным на любимое убежище светской женщины.

Донна Клара придвинула брату стул, села на другой, напротив него, и, нежно положив свою руку на его руку, сказала:

— Теперь говори, брат, я тебя слушаю.

Маркиз устремил пронизательный взгляд на сестру и, видя ее столь печальной и бледной, подавил вздох.

— Ты нашел меня сильно изменившейся, не правда ли, брат? — спросила она с меланхолической улыбкой. — Это оттого, что я очень страдала с тех пор, как мы не виделись, но не об этом теперь идет речь, — прибавила она. — Говори, умоляю тебя!

— Бог тому свидетель, сестра, — сказал дон Санчо, — мне бы очень хотелось приложить бальзам к твоим ранам, пролить хоть мимолетную надежду в твою душу, но я, напротив, боюсь, что мои открытия, очень неполные, даже, я бы сказал, очень мрачные, могут только увеличить, если это возможно, твою горечь.

— Да будет в том воля Божия, как и во всем другом, брат мой, — ответила она с покорностью. — Я знаю, как ты любишь меня, и если ты принес мне горестные известия, пусть будет так, потому что я искренне убеждена, что твоя воля этому противится. Теперь говори без опасения; что бы это ни было — я тебя заранее прощаю.

— Я ожидал от тебя этих слов, сестра, и, признаюсь, мне было это необходимо, чтобы осмелиться все тебе рассказать. Выслушай же меня, потому что это дело гораздо таинственнее, нежели ты подозреваешь... Ты так же хорошо, как и я, и даже лучше меня знаешь нашего отца — воля его неумолима, жестокость холодна, гордость громадна. Я не сообщу тебе ничего нового, если скажу, что после смерти твоего мужа он ни разу не произнес твоего имени. Узнав о твоём внезапном исчезновении, он не выказал ни удивления, ни беспокойства, не сделал ни одного шага, хотя бы формального, для того, чтобы узнать, куда ты девалась. Когда же о тебе спрашивали, он так решительно отвечал, что ты умерла, что, признаюсь

тебе, сестра, я был сам обманут этой ложью и оплакивал тебя, как будто ты действительно лишилась жизни.

— Мой добрый Санчо, как же ты узнал, что я еще жива?

— Только несколько часов тому назад я узнал от Бирбомоно, что ты жива.

— Как! И все это время, столько лет, ты думал?..

— Да, сестра, кто же мог вывести меня из заблуждения? Ты помнишь, что, отдав твоему мужу последний долг, внезапно вызванный в Мексику отцом, я уехал отсюда и вернулся только двадцать четыре часа тому назад; я ездил в Испанию, где жил несколько лет, потом посетил некоторые иностранные дворы, так что все соединилось, чтобы сгустить покров тайны, которым, без сомнения, с намерением отец закрыл мне глаза. Однако я должен сказать тебе, что невольно, когда воспоминания о тебе посещали меня, я не мог утешиться в этой потере, я чувствовал, что сомнение пробуждается в моем сердце, и хотя ничто не оправдывало этого сомнения, я надеялся, что когда-нибудь свет прольется на эту катастрофу: или я узнаю, каким образом ты умерла, или ты вдруг явишься моим глазам. Странное дело: годы не только не ослабили эту мысль, а напротив, сделали ее сильнее и живее, так что, хотя ничто не рассеяло мрак, среди которого я находился, я был почти уверен, что ты жива, и убедил себя, принимая во внимание ненависть нашего отца, что слух о твоей смерти был нарочно им распространен, чтобы окончательно замкнуть уста тем из наших родных, которые вздумали бы заступиться за тебя перед ним. Как видишь, я не ошибался!

— Правда, брат, но если бы случай не привел тебя сюда?

— Извини, — перебил он с живостью, — случай ничего не значит в этом деле, сестра, сомнение, о котором я тебе говорил и которое малопомалу перешло в уверенность, заставляло меня желать вернуться на острова. Я не без основания говорил себе, что если ты действительно жива, то я найду тебя только здесь. Я уже хотел принять необходимые меры для того, чтобы вернуться в Америку, когда в ту минуту, когда я меньше всего думал об этом, отец объявил мне, что его величество удостоил меня чести, назначив губернатором Эспаньолы.

— А отец остался в Испании?

— Нет, сестра, он выпросил себе интендантство в Панаме, но не знаю по какой причине теперь передумал и находится пока в Маракайбо.

— Так близко от меня! — прошептала она с трепетом ужаса. — Но что мне до того! Сейчас мне нечего его опасаться.

— Теперь, когда я разъяснил первую причину моего возвращения на

острова, я должен вернуться назад, к тому времени, когда я провожал отца в Испанию, то есть через два года после смерти твоего мужа и твоего исчезновения. Здесь я прошу тебя, сестра, слушать меня со всем вниманием: рассказ мой становится до того таинственным, что я сомневаюсь, возможно ли мне будет когда-нибудь отличить истину от лжи и разрушить мрачный заговор, составленный герцогом с тем губительным искусством, которое могла ему внушить одна только ненависть. Через несколько месяцев после нашего приезда в Мадрид отец, с которым я очень мало общался, хотя жил в нашем фамильном дворце, находящемся, как тебе известно, на улице Аточа, однажды вечером после ужина объявил мне, что уезжает и что его поездка продлится, может быть, несколько месяцев. Отец не заблагорассудил сообщить мне, куда и зачем он едет, я не смел расспросить его и лишь почтительно ему поклонился. Он простился со мной и через час сел в карету. Признаюсь тебе, сестра, что в первую минуту я не заботился о причинах, заставивших отца предпринять это путешествие, мне до этого было мало дела. Я был молод, любил удовольствия, вращался в легкомысленном обществе, отсутствие отца если и не доставляло мне удовольствие, то, по крайней мере, оставляло меня равнодушным. Только через несколько дней на обеде у герцога Медина дель-Кампо я случайно узнал, что отец уехал во Францию.

— Во Францию?! — вскричала, вздрогнув, донна Клара.

— Да, мне сказал об этом сам герцог Медина, спрашивая меня, что за дела могли отозвать моего отца в Париж. Я ответил, что не только ничего не знаю об этих делах, но что мне даже не было известно, что отец пересек Пиренеи. Тогда герцог понял, что допустил неловкость, он закусил губы и переменял тему разговора... Путешествие моего отца длилось семь месяцев. Однажды утром, проснувшись, я узнал от моего камердинера, что ночью он вернулся. Я пошел поздороваться с ним. Отец был еще мрачнее и холоднее, чем я привык его видеть. Он немного поговорил со мной о посторонних вещах, но о своем путешествии не сказал ни слова.

Я подыграл его сдержанности. Только за завтраком он сообщил мне, что один из наших дальних родственников, граф де Тудела, о котором я до тех пор ничего не слышал, умер, и отец решил взять на свое попечение его единственного сына, оставшегося сиротой, и воспитать его, как своего родного сына. По приказанию отца слуга привел очаровательного шестилетнего мальчика, к которому, признаюсь, я тотчас же почувствовал какую-то безотчетную симпатию. Этого ребенка знала и ты.

— Гусман де Тудела? — вскричала она с живостью.

— Он самый... Но мальчик оставался в нашем дворце только

несколько дней. Отец, неизвестно по какой причине, поспешил отдать его в Иеронимитский монастырь, где, как тебе хорошо известно, воспитываются дворяне. Мой отец, хотя и был очень строг к этому бедному ребенку, однако внимательно наблюдал за ним и, по-видимому, радовался его успехам. Я часто ездил навещать Гусмана в монастыре; мы много разговаривали с ним, иногда я брал его гулять в город. Бедный ребенок очень этому радовался. Таким образом прошло несколько лет, потом отец забрал его из монастыря и отдал в морской корпус; словом, теперь, несмотря на свою молодость, Гусман — офицер испанского флота. Через год после того как Гусман переехал к нам, отец опять ездил во Францию. На этот раз его отсутствие продолжалось также несколько месяцев, и, вернувшись, он привез еще одного ребенка; на этот раз это была восхитительная девушка.

— Хуана, не так ли? — вскричала донна Клара.

— Откуда тебе известно ее имя, сестра? — с удивлением спросил дон Санчо.

— Неважно, откуда бы я его ни знала, брат.

— Однако...

— Разве ты не помнишь, ведь я только что рассказывала тебе, как познакомилась в Сан-Хуане с этой девушкой?

— Правда, — ответил он, ударив себя по лбу, — не знаю, как это я забыл.

— Продолжай, умоляю тебя.

— Итак, это была Хуана, как ты верно сказала, сестра, но Хуана прибыла не одна, ее провожал офицер, которого мой отец называл ее опекуном. Это был дон Фернандо д'Авила. Оба остановились во дворце. Я знал прежде дона Фернандо, честного и храброго воина, которому оказал некоторые услуги; но насколько мне было известно, у отца не было никакой причины протезировать ему. Однако герцог, по-видимому, очень любил этого человека и имел намерение серьезно помогать его продвижению по служебной лестнице. Это очень заинтересовало меня, так как мне был прекрасно известен себялюбивый и надменный характер нашего отца. Иногда я спрашивал себя, по какой причине он принимает такое горячее участие в этом человеке: действительно, дон Фернандо д'Авила, который после десятилетней войны во Фландрии с чрезвычайным трудом достиг чина альфереса, благодаря горячей рекомендации отца в один год сделался капитаном и получил приказание ехать на острова командиром роты, которую на свои деньги набрал и экипировал отец. Девочка, несмотря на свою юность, должна была ехать с ним. Не знаю, какое тревожное любопытство заставило меня в день отъезда дона Фернандо проводить его,

без ведома моего отца, несколько миль по дороге в Севилью, откуда он должен был отправиться в Кадис. Не стану пересказывать тебе, сестра, разговор, который состоялся у меня с капитаном; повторю тебе только то, что я узнал. Отец ездил во Фландрию, где находился дон Фернандо, предложил ему взять попечение над ребенком, уверив его, что не только даст ему деньги, необходимые для воспитания этой девочки, но что поможет ему сделать карьеру. Дон Фернандо был беден, не имел никаких могущественных покровителей, способных вывести его из бедственного положения, в котором он прозябал. Не осведомляясь о причинах, заставлявших человека с именем и званием моего отца делать ему такие необыкновенные предложения, он поспешил принять их; так хотелось ему во что бы то ни стало выйти из ужасной нищеты, которую он терпел так давно. Он обещал нашему отцу слепо ему повиноваться и немедленно последовал за ним в Париж. Там герцог отдал ему ребенка, после чего они все втроем поехали в Мадрид. Таким образом, милая сестра, по приказанию отца были взяты на воспитание двое детей. Мыс тобой прекрасно знаем герцога Пеньяфлора и не станем оскорблять его предположением, будто любовь к человечеству и филантропия побудили его воспитать этих двух сирот. Какая же причина заставила его действовать подобным образом? И кто такие эти люди? Вот что нам надо узнать.

— А ты что думаешь об этом, брат?

— Мое мнение, сестра, что причина — мщение.

— Мщение? Какое мщение, брат?

— Послушай, моя бедная сестра, — продолжал дон Санчо с печальной улыбкой, — ты умерла или, по крайней мере, слынешь умершей, не правда ли?

— Правда, брат, ну и что?

— Дай же мне закончить. Кто знает, быть может герцог прекрасно знает, что ты еще жива, и распустил слухи о твоей смерти нарочно для того, чтобы упрочить мщение, в котором он поклялся не только тебе, но и человеку, который лишил его старшего сына и похитил у него дочь? Откуда ты знаешь, что отец не следил постоянно за каждым твоим шагом и бросил тебя только для того, чтобы вселить в тебя еще большую неуверенность и суметь таким образом одним махом поразить двух своих смертельных врагов.

— О! То, что ты предполагаешь, ужасно, брат! — вскричала Клара, с ужасом всплеснув руками.

— Сестра, я ничего не предполагаю, — ответил он сухо, — я только делаю выводы. Для меня очевидно, что герцог шаг за шагом следует плану,

обдуманному им давно, и вот тому доказательство: месяц тому назад, заметь это хорошенько, пожалуйста, герцог Пеньяфлор и дон Гусман де Тудела находились в Веракрусе. Я тебе уже сказал, что дон Гусман — морской офицер; по приказанию нашего отца, который рассказал ему твою ужасную историю, сестра, хотя и переиначив ее, этот молодой человек, обезумев от горести и стыда, не колеблясь бросил почетную карьеру, открывавшуюся ему, и отправился матросом на флибустьерском судне, решившись умереть или отомстить за свою мать, так низко обесчещенную, по словам отца, одним из этих людей.

— Но это ужасно, брат!

— Не правда ли? Однако это еще не все. Этот молодой человек, одаренный прекраснейшими качествами и благороднейшими манерами, клятвенно обязался преследовать своей ненавистью предводителей флибустьеров, служить шпионом нашему правительству и предать в наши руки самых знаменитых флибустьеров. Понимаешь ли ты меня теперь, сестра? Должен ли я еще что-то добавить?

— О! Нет, брат, ни слова больше, ради Бога! — вскричала она с ужасом.

— К счастью, — продолжал он, — мне удалось обменяться несколькими словами с Гусманом. Я должен его видеть; может быть, мне удастся, особенно если ты согласишься мне помочь, уберечь его от пропасти, в которую он готов упасть.

— Как ты можешь сомневаться в моей готовности помочь тебе, брат? Ах, Боже мой! Что же делать?

— Я еще не знаю. Прежде всего мне надо его увидеть.

— Это правда, Боже мой, это правда! Какое имя принял он среди флибустьеров?

— Я не знаю.

Она с отчаянием опустила голову и молчала несколько минут. Брат печально смотрел на нее, не смея прервать ход ее мыслей и возобновить разговор.

— Послушай, брат, — сказала донна Клара через минуту, вдруг подняв голову, со сверкающими глазами и упрямо сдвинув брови, — я слишком долго трусливо пряталась в этой долине, час решительных действий наконец пробил, неумолимая борьба между нашим отцом и мной, которую я считала конченной, начинается вновь. Хорошо, я принимаю ее; Господь да поможет мне — он покровительствует матерям, спасающим своих детей.

— Что ты собираешься делать, Клара?

— Оставить этот домик и отправиться в Марго или в Пор-де-Пе к

флибустьерам, они будут ко мне не так жестоки, как мои соотечественники.

— Остерегайся, сестра.

— А чему я подвергаюсь? Смерти? Она будет мне только приятна, брат, если я смогу отыскать своего сына и спасти его честь.

— Но каким именно образом ты собираешься действовать, моя бедная Клара?

— Еще не знаю, Санчо, но Господь вдохновит меня, у меня все получится, я убеждена в этом.

— Поступай же как хочешь, сестра, у меня нет ни права, ни желания удерживать тебя. Но что если Гусман — не сын тебе?

— Ах! — сказала она с сомнением.

— Что если вместо сына у тебя дочь, и эта дочь — Хуана? Тем-то и ужасна, моя бедная сестра, твоя история, что ты, мать, даже не знаешь, какому ребенку дала жизнь, не знаешь, не умер ли этот ребенок при рождении.

— Боже мой! Боже мой! — прошептала она, с отчаянием ломая руки.

— К несчастью, наш отец, подстегиваемый ненавистью, не допустил ни малейшей ошибки, он все рассчитал, все предвидел. Помнишь, когда у тебя начались схватки, тебе дали сильное снотворное, так что все произошло во время твоего сна, и когда ты открыла глаза, твой ребенок уже исчез.

— Это правда, Санчо, это правда! — вскричала донна Клара, залившись слезами. — Я не видела своего ребенка! У меня его похитили прежде, чем я его поцеловала; эту первую ласку, столь сладостную для сердца матери, я не могла оказать своему ребенку! О, не ужасно ли это, брат?

— Успокойся, Клара, ради Бога, твое отчаяние пугает меня.

— О! Ты внезапно оживил все мои горести, эта ужасная рана постоянно обливается кровью в моем сердце! Мать не утешится никогда.

— Клара, сестра моя, умоляю тебя, ты знаешь, как я тебя люблю; я буду помогать тебе всеми своими силами, клянусь, мы отыщем твоего ребенка.

Внезапно, осененная догадкой, она приподнялась со стула с пылающим лицом, с сухими глазами.

— Брат... — сказала она. — А если оба они — мои дети?

— Что ты говоришь, Клара?!

— Я говорю, брат, что как ни глубок мрак, окружающий нас, как ни искусна ненависть моего отца, свет прольется на эту страшную тайну. Поверь мне, недаром после стольких лет Господь позволяет моему отцу и

мне встретиться лицом к лицу. Вот час великой борьбы! Мы увидим, ангел или демон останется победителем в страшной партии, которая будет разыгрываться между нами.

Глава XVIII. Донна Клара

Сраженная волнением, донна Клара, произнеся с лихорадочной решимостью слова, завершающие предыдущую главу, почти без чувств упала на стул. Ее бледные черты лица, искаженные горестью, закрытые глаза, нервно съежившееся тело делали ее похожей на труп.

Дон Санчо был испуган состоянием, в котором находилась сестра, единственное существо, к которому он чувствовал искреннюю дружбу всю свою жизнь. Сердце его сжалось, и горячие слезы, которые он не отирал, медленно катились по его щекам.

— Бедная сестра! — прошептал он, смотря на нее с нежным состраданием. — Вся ее жизнь — сплошное продолжительное мучение! Почему я не могу вложить надежду в ее разбитое сердце! Боже мой, разве таким образом должен был я ее увидеть после стольких лет?

Он вздохнул, опустил голову на грудь и начал с волнением ходить взад и вперед по комнате. С четверть часа тишина нарушалась только сдержанными рыданиями донны Клары. Вдруг она выпрямилась и, положив свою руку на руку брата в ту минуту, когда он проходил мимо нее, сказала задыхающимся голосом:

— Санчо, могу ли я рассчитывать на тебя?

— Неужели ты сомневаешься в этом, сестра? — ответил он, останавливаясь, и, взяв ее руку, поцеловал.

— Прости меня, — сказала она. — Ах, я так несчастна, что часто против своей воли не смею верить!

— Я не упрекаю тебя, сестра; я тебя слушаю.

— Ты сказал мне, что любишь этого дона Гусмана де Тудела.

— Как брата.

— Он хорош собой, не правда ли?

— Хорош и храбр, сестра.

— А-а! — сказала она с радостью.

— Да, он настоящий дворянин, это написано на его мужественном лице.

— Ты мне сказал, что надеешься увидеть его?

— Надеюсь, что да, но не знаю, когда и каким образом устроится это свидание.

— Разве вы не условились?

— Герцог наблюдал за нами ревнивым взглядом, так что я смог

обменяться с Гусманом лишь несколькими неопределенными фразами, но мне кажется, что он понял их.

— Понимаешь ли ты, что поручение, данное ему, ужасно, что роль, которую он вынужден играть, гнусна!

— Понимаю, но он этого не думает, напротив, он убежден, что выполняет свой долг.

— Но все-таки, как тебе кажется, существует ли в действительности это мнимое родство?

— Что сказать тебе, сестра? Все это покрыто для меня непроницаемой тайной. Ты знаешь так же хорошо, как и я, что фамилия Тудела находится в близком родстве с нами, но поскольку они никогда не жили при дворе, а всегда в своем имении, среди своих вассалов, мы с ними почти не общались. Я не помню, чтобы видел у отца хоть одного человека, носящего эту фамилию, стало быть, я не могу утверждать, происходит или нет Гусман от этой фамилии, тем более, что герцог Пеньяфлор, я должен в этом признаться, никогда не оказывал мне ни малейшего доверия и, зная о той глубокой дружбе, которую я всегда испытывал к тебе, всегда умышленно скрывал от меня даже самые незначительные свои поступки.

— Повсюду мрак! — прошептала донна Клара. — О, как несправедливо Небо! — вскричала она с отчаянием. — Почему оно позволяет добродетели изнемогать таким образом?

— Пути Господа неисповедимы для взглядов людских, сестра, — ответил дон Санчо с убеждением. — Может быть, когда ты обвиняешь Его милосердие и правосудие, Он готовит громкое оправдание и страшное мщение.

Донна Клара склонила свое бедное лицо, между тем как мрачная улыбка мелькнула на ее губах.

— Нет, — возразила она, — я не могу дольше ждать! Час настал, повторяю тебе, даже если бы мне пришлось изнемогать в борьбе, я буду действовать.

— Что же ты намерена делать?

— Разорвать раз и навсегда плену перед моими глазами.

— Тебе это не удастся.

— Пусть будет то, что угодно Богу, брат, я решилась; кроме того, ты торжественно поклялся помогать мне во всем.

— Во всем, что будет зависеть от меня, сестра, ты можешь рассчитывать на это.

— Благодарю тебя, Санчо... Скажи, Гусман, вступив в ряды Береговых братьев, не сохранил, конечно, своего имени?

— Конечно, ведь если бы узнали, что он испанец, его сочли бы шпионом.

— Ты знаешь, какое имя он взял?

— Знаю, сестра.

— Какое?

— Марсиаль.

— Хорошо, этого мне достаточно; не беспокойся, Санчо, я скоро узнаю, действительно ли этот молодой человек — мой сын.

— Извини, что я спрашиваю, сестра, но каким образом собираешься ты удостовериться в этом?

Донна Клара презрительно улыбнулась.

— Сердце мне подскажет, мать никогда не обманется, когда она должна узнать своего сына.

— Но для этого тебе надо его увидеть.

— Я его увижу, и очень скоро.

— Не осмеливаюсь понимать тебя, сестра. Итак, ты хочешь...

— Да, — перебила она запальчиво, — я, как и он, хочу пристать к Береговым братьям, жить их жизнью, наблюдать за их поступками и, главное, видеть этого молодого человека, этого Марсиаля, но так, чтобы он не знал, кто я. Я заставлю его полюбить меня; ведь если, как я тайно убеждена, он мой сын, он невольно будет привлечен ко мне, и тогда...

— Но это же безумие, сестра! — вскричал маркиз в ужасе. — Ты ведь не серьезно это говоришь?

— Почему же, позволь тебя спросить, брат?

— Как же ты будешь жить с этими разбойниками, не имеющими ни веры, ни закона?

— У этих разбойников, не имеющих ни веры, ни закона, брат, больше чести, чем у тех, кто их презирает и преследует, как хищных зверей. Мне кажется, ты должен это знать лучше всех.

— Правда, сестра, лично я никогда не мог на них пожаловаться; напротив, они всегда вели себя со мной, как люди благородные, и поверь, я сохраняю к ним глубокую признательность.

— Если так, почему же ты предполагаешь, что они будут вести себя с женщиной не так, как с тобой?

— Я не то хотел сказать, ты не поняла меня.

— Объяснись же, — ответила она с легкой досадой.

— Разве ты забыла, что среди этих людей есть один человек, который запретил тебе являться перед ним?

— Если только я не возвращу ему его сына, это правда.

— Да!

— Я возвращу ему сына, брат. Поверь, мое сердце не обманывает меня.

Маркиз покачал головой и ничего не ответил. На несколько минут в комнате воцарилась молчание; наконец донна Клара прервала его:

— Я приняла решение, и никакая сила не заставит меня изменить его! Кроме того, — прибавила она печально, — не беспокойся, Санчо, он меня не узнает. Посмотри на меня внимательно; скажи, похожа ли эта несчастная, находящаяся перед тобой и разбитая несчастьем, согбенная под тяжестью незаслуженного стыда, на молодую женщину, которую ты знал двадцать лет тому назад? Нет, нет! Монбар, или граф де Бармон, называй его как хочешь, не узнает меня. Ах! Если он увидит меня, он пройдет мимо, и взгляд его не остановится на несчастной, черты которой, обезображенные горем, ничего не подскажут его воспоминаниям.

— Я не имею ни права, ни мужества удерживать тебя от этого мужественного шага, сестра, хотя не предвижу ничего хорошего для тебя. Мои искреннейшие сочувствия и поддержка будут сопутствовать тебе во всем; действуй, как считаешь нужным, и да поможет тебе Господь!

— Он будет со мной, брат, я надеюсь на это.

— Во всяком случае, — задумчиво продолжал он, — помни, что я — губернатор Эспаньолы и благодаря этому званию всегда смогу помочь тебе, если понадобится действительная помощь. Хоть эти негодяи наши смертельные враги, они, однако, часто вынуждены считаться с нами.

— Я знаю, как ты меня любишь, Санчо, и этого достаточно, чтобы я была уверена, что в любом случае могу на тебя положиться.

— О чем бы ты ни попросила меня, сестра, я сделаю это и днем и ночью; по первому твоему зову я явлюсь к тебе.

— Спасибо, — просто ответила Клара, протянув ему руку. Маркиз нежно пожал ее руку и грустно прошептал:

— Бедная сестра!

— Санчо, — продолжала она, — у меня есть тайное предчувствие, что мои горести подходят к концу и что скоро, — прибавила она с внезапной радостью, — я отыщу своего сына и прижму его к сердцу!

Маркиз поклонился сестре, подавив вздох.

— Теперь, — проговорил он, — я вынужден оставить тебя, ведь я отправился к тебе, никого не предупредив. Мое продолжительное отсутствие может показаться странным, мне уже пора появиться в Санто-Доминго и унять беспокойство, возбужденное этим непонятным для всех поступком. Я ведь еще только-только назначен губернатором и должен

подумать о том, как достойным образом исполнять возложенные на меня обязанности. Надеюсь, мы скоро увидимся, я еще многое должен тебе рассказать после такой продолжительной разлуки.

— Я не знаю, когда мы свидимся, брат, и как ни велико мое желание поговорить с тобой, я не могу назначить тебе время нового свидания.

— Стало быть, ты намерена привести в исполнение свой план как можно скорее?

— Сегодня же вечером я отправлюсь в Пор-де-Пе.

— Так скоро, сестра?

— Я и так слишком медлила, не настаивай, пожалуйста, это бесполезно.

— Раз так, сестра, я молчу, мне остается только пожелать тебе успеха, но — уввы! — я не надеюсь.

— Я не разделяю твоего мнения; прощай, брат.

— Прощай, сестра, — ответил он.

Они обнялись и долго оставались в объятиях друг друга. Донна Клара наконец высвободилась и сказала:

— Вооружись мужеством.

Они вышли. Негр Аристид держат лошадь маркиза под уздцы и прогуливал ее перед домом. Дон Санчо подал ему знак, в последний раз обнял сестру и сел на лошадь.

— Прощай, — сказал он прерывающимся голосом.

— До свидания! — ответила она.

Маркиз вонзил шпоры в бока лошади и галопом помчался прочь. Донна Клара неподвижно стояла на пороге дома и следила за ним глазами, пока могла его видеть. Когда он наконец исчез за поворотом тропинки, она перекрестилась, вздохнула и вернулась в дом, прошептав:

— Он всегда меня любил, добрый брат!

Бирбомоно стоял в прихожей; донна Клара подошла к нему.

— Друг мой, — сказала она ему тихим голосом, — я уезжаю отсюда.

Бирбомоно молча поклонился.

— Я хочу уехать сегодня же, через час, если это возможно.

— Через час все будет готово, — сказал он почтительно. Она колебалась, потом, вооружившись мужеством, продолжала:

— Видите ли, мой друг, я не знаю, когда я сюда вернусь, мое путешествие может продлиться дольше, чем я желала бы; мне нужно взять с собой довольно значительную поклажу.

— Пока вы беседовали с вашим братом, я все приготовил, — ответил Бирбомоно, — вы можете ехать, сеньора, когда пожелаете.

— Все приготовил?! — воскликнула она с удивлением. — Но как же вы узнали о моем намерении, когда еще час тому назад я сама о нем не знала?

— Стены здесь — простые перегородки, сеньора, невольно, не желая подслушивать, я слышал почти все, о чем вы говорили с его превосходительством.

Донна Клара улыбнулась.

— Я на вас не сержусь, Бирбомоно, — сказала она, — потому что у меня нет от вас тайн, да и я сама хотела вам все рассказать.

— Теперь это не имеет смысла.

— Во время моего отсутствия вы останетесь здесь; как знать, может быть, мне посчастливится вернуться в этот домик, где я пролила столько горьких слез и который потому сделался мне дорог.

— Извините меня, — сказал Бирбомоно, внезапно побледнев, — я не совсем хорошо понял ваше последнее приказание, которое вы изволили мне дать. Вы, кажется, изъявили желание, чтобы я остался здесь?

— Да, друг мой.

— Простите, сеньора, но это невозможно!

— Почему невозможно?

— Вот уже двадцать лет, как я с вами, сеньора, и ни за что не соглашусь расстаться, когда вы решаетесь на опасное предприятие, во время которого вам больше прежнего понадобится преданный слуга.

— Но, друг мой, вы не подумали о том, что я буду жить среди смертельных врагов испанцев и что, взяв вас с собой, я подвергну вас страшной опасности.

— Извините, сеньора, я подумал об этом, но имею честь заметить вам, что там, где будем мы, находятся другие испанцы, которые живут, не будучи тревожимы никем, с тем простым условием, что покоряются флибустьерским законам и не вмешиваются в их дела. Я буду поступать, как другие — вот и все.

— Я не знала о том, что вы мне сказали, друг мой, однако я предпочла бы, чтобы вы согласились остаться здесь.

— Я уже имел честь говорить вам, сеньора, что это невозможно; если вы мне прикажете не следовать за вами, я повинуюсь вам, но уеду один в Пор-де-Пе.

— Настаивать дольше — значило бы не признавать вашей преданности, друг мой, но кто же будет караулить дом во время нашего отсутствия?

— Негр Аристид, сеньора; он смышлен, предан и честен, я дал ему все

необходимые указания, вы можете полностью положиться на него.

— Если так, я сдаюсь, сделаем так, как вы хотите.

— Благодарю вас за вашу милость, сеньора, — ответил старый добрый слуга, — вы очень огорчили бы меня, если бы потребовали, чтобы я расстался с вами в таких важных обстоятельствах, от которых зависит, может быть, счастье всей вашей жизни.

— Может быть, действительно так будет лучше, друг мой, — ответила донна Клара с задумчивым видом. — Когда лошади будут оседланы, а мулы навьючены, предупредите меня, я буду готова.

Она сделала ему дружеский знак и вошла в спальню, заперев за собой дверь. Перед долгим и опасным путешествием она чувствовала потребность собраться с мыслями и еще раз обо всем хорошенько подумать и все взвесить.

Бирбомоно, обрадованный последними словами своей госпожи, весело отправился готовиться к отъезду.

Незадолго до заката солнца госпожа и слуга выехали из домика, оставленного под присмотром Аристида, очень гордого таким доверием, и направились в Пор-де-Пе, стараясь сдерживать своих лошадей, так чтобы приехать в город ночью, не привлекая к себе внимания.

Глава XIX. Взятие Черепахи

Вернемся теперь к двум нашим персонажам, которых события рассказа заставили нас оставить в довольно критическом положении. Мы говорим о Филиппе и его бывшем работнике Питриане, которые спрятались в расселине грозных скал — Железных берегов, представляющих для Черепашьего острова природные укрепления.

Оба флибустьера спали без просыпу всю ночь, ничто не нарушало их спокойного сна. Только на рассвете, когда первые лучи дневного светила упали им на лицо, они проснулись. Вокруг все было тихо и уединенно; море, едва волнуемое утренним ветерком, тихо шелестело у подножия скал. Глупыши и зимородки с громкими криками касались своими крыльями ровной поверхности моря; ни один парус не белел на горизонте.

В одно мгновение авантюристы вскочили и спустились к берегу; здесь они оказались в сравнительной безопасности, так как на этом месте их невозможно было заметить с центра острова. К счастью, осматриваясь направо и налево, они увидели природный грот, образованный, без сомнения, благодаря постоянному действию морских волн. Он представлял собой надежное убежище не только от посторонних взоров, но и от солнечных лучей, нестерпимо палящих в полуденный зной.

— Ого! — заметил Филипп, как можно удобнее прислоняясь спиной к скале и набивая свою трубку. — Наше положение кажется мне довольно сносным, как ты думаешь, Питриан?

— Думаю, оно могло быть и хуже и лучше.

— Черт побери! Ты очень разборчив, мой милый, но я с тобой не согласен и нахожу, что мне очень хорошо.

— Согласен, но я думаю, что нам было бы гораздо лучше, если бы мы не забыли о самом главном.

— Что ты хочешь сказать?

— Разве вы не чувствуете голода? — спросил Питриан, отвечая вопросом на вопрос.

— В самом деле, ты заставил меня вспомнить, что я голоден как волк.

— Хорошо, а где же провизия?

— Ты должен это знать лучше меня, Питриан, ведь это ты брал ее с собой.

— Она была в пироге, но пирога-то уплыла вместе с кавалером.

— Гм! Это не очень весело, как же нам быть?

— Я не знаю, а вы?

— Я тоже не знаю, раз спрашиваю тебя. Наше положение не слишком приятно, а перспектива остаться на два дня без еды и вовсе меня не привлекает.

— Я не вижу другого выхода, кроме как съесть друг друга.

— Ты сейчас придумашь худшее; у нас нет провизии, но мы ее отыщем.

— Отыщем! Я очень этого хочу, только поостережемся, как бы нас не захватили.

— Как же это ты не подумал о провизии? Ведь это твоя обязанность.

— Мне думается, что упреками мы ничего не добьемся, лучше придумать способ выйти из затруднения.

— Это довольно трудно.

— Кто знает! Попробуем.

— Попробуем! Я сам этого хочу, однако сомневаюсь в успехе.

Разговаривая таким образом, оба встали и вышли из грота. Берег был все еще пуст; они пошли вдоль скал, чтобы вернуться на то место, откуда пришли, а оттуда двинуться в глубь острова. Таким образом они шли около десяти минут, внимательно рассматривая сплошную стену из скал, возвышавшуюся над ними, чтобы отыскать обрыв, через который они проскользнули накануне. Вдруг Питриан остановился и вскрикнул от удивления.

— Что такое? — спросил Филипп, ускорив шаги, чтобы поскорее его догнать. — Что еще там случилось?

— Подойдите посмотрите, — ответил Питриан. — Ей-Богу, это что-то странное.

Филипп подошел. В этом месте скалы, вероятно вследствие какого-нибудь вулканического потрясения, громоздились друг на друга в полном беспорядке; одна скала немного выступала к берегу. Питриан случайно, вместо того, чтобы идти прямо, прошел сзади этой скалы, и тогда к своему величайшему удивлению обнаружил перед собой вход в пещеру, довольно высокий и широкий, так что человек обыкновенного роста мог войти туда, не наклоняясь. Пол этой пещеры был покрыт легким слоем тонкого песка, на котором здесь и там виднелись не только чьи-то следы, но и довольно глубокая полоса, как будто тут тащили лодку.

— Что это значит? — вскричал Филипп. — Уж не проход ли это?

— Мы легко можем в этом удостовериться; если же мы не найдем выхода, то довольствуемся тем, что вернемся назад.

— Это правда, беда не велика; слава Богу, у нас нет недостатка во времени.

— У нас недостаток только в провизии, — проворчал Питриан.

— Неблагодарный! — смеясь, заметил Филипп. — Может быть, эта пещера приведет нас в такое место, где мы найдем провизию.

— Дай Бог!

Тогда, больше не колеблясь, они вошли в пещеру. Однако, будучи людьми осторожными и не зная, что может случиться, авантюристы на всякий случай старательно осмотрели свое оружие и взвели курки, чтобы быть готовыми к любой случайности.

Пещера была довольно глубокая и имела несколько изгибов. Благодаря неприметным трещинам, вероятно существовавшим в своде, пещера не была погружена в полный мрак, и флибустьеры могли держаться верного направления, хотя находились в полутьме, позволявшей им весьма смутно различать предметы. Скоро они дошли до довольно большой залы почти круглой формы, в которую сверху, из отверстия около четырех футов ширины, проникало солнце, лучи которого разливали довольно яркий свет. В этой пещере флибустьеры обнаружили не одну, а три лодки, из которых две, правда, были в довольно плохом состоянии, не способные без починки плыть по морю, зато третья оказалась почти новой. Лодки эти были старательно приставлены к стене и поддерживались подпорками; в лодках и возле них были разложены весла, багры, мачты, реи с парусами, снасти и другие рыболовные снаряды.

— Вот, если не ошибаюсь, — радостно сказал Филипп, потирая руки, — это избавит нас от тяжелого труда. Эти лодки пришли сюда не сами по себе, стало быть, существует проход — проход, который мы найдем, так что нам не нужно будет рыть хода, и наши товарищи проникнут на остров так же легко, как к себе домой.

— Несчастье к чему-нибудь, да и сгодится, — нравоучительно сказал Питриан.

— Как хорошо мы сделали, что забыли взять провизию!

— Гм! Я этого не нахожу.

— Ты глуп, Питриан, ты говоришь, не подумав. Если бы у нас была провизия, мы не стали бы ее искать, не так ли?

— Это довольно вероятно, — ответил Питриан с насмешливым видом.

— Ну, сделай же вывод, дуралей, если бы мы не искали провизию — по той причине, что ее у нас не было, — мы не открыли бы этого прохода, столь удобного для осуществления наших планов.

— Это правда, какой же я дурак!

— И я о том же... Но не стоит оставаться здесь дольше, поспешим осмотреть это подземелье, чтобы поскорее узнать, куда оно ведет.

Они отправились в путь и после нескольких поворотов дошли до конца пещеры. Как и предвидел Филипп, через стену скал легко было перейти, пещера выходила во внутреннюю часть острова довольно широкой трещиной, прикрытой густым хворостом и грудой камней, в которой по ее кладке легко было узнать руку человека. Флибустьеры пробрались между камнями, старательно раздвинули хворост и очутились не на открытом пространстве, как они предполагали, а на довольно обширном дворе, закрытом со всех сторон живой изгородью, в глубине которого возвышалась жалкая бамбуковая хижина, покрытая пальмовыми листьями.

— Черт побери, — пробормотал Филипп, — как это неприятно! Хозяин, кто бы он ни был, как только нас увидит, раскричится и напустит на нас жителей. Как же быть?

— Оставайтесь здесь, а я пойду вперед на разведку; если не найду ничего подозрительного, я дам вам знать.

— Ступай и будь осторожен.

Филипп спрятался в хворост, а Питриан решительно направился к дому. В некоторых случаях смелость — лучшая тактика; поступок Питриана доказал это лишний раз. Он дошел до дома, отворил дверь, которая по местному обычаю была заперта только на защелку, и очутился в комнате, жалко меблированной, служившей и кухней, и спальней; комната эта была пуста, но и мебель, и утварь, словом, все, что заключалось в доме, находилось в таком запущении, что по всему было видно: домик этот давно необитаем.

Осмотрев все и не найдя ничего, что указывало бы на хозяина этого жилища, флибустьер, которому успех его отважного предприятия придал смелости, захотел отворить дверь. Но сделать этого он не смог, несмотря на все свои усилия. Это сопротивление, которого он не ожидал, заинтересовало его, он стал отыскивать, что могло удерживать дверь. Тогда он заметил, что она забита гвоздями снаружи. Он подошел к окну — оно также было забито.

— Что бы это значило? — прошептал он.

В эту минуту он услышал шум шагов и с живостью обернулся, схватив ружье. Это был Филипп, который, устав ждать и беспокоясь, что Питриана так долго нет, решил пойти к нему. Питриан в двух словах рассказал ему, в чем дело. Филипп подумал с минуту, потом расхохотался.

— Решительно, Господь за нас, — сказал он весело, — теперь я

понимаю все.

— Что вы понимаете? — с любопытством спросил Питриан.

— Вот в чем дело. Некоторое время тому назад нас уведомили, что на Тортуге свирепствует чума. Вероятно, все жители этого дома погибли от чумы, — я уверен, что мы найдем их трупы в каком-нибудь углу. Тогда, по испанскому обычаю, дом был наглухо забит, а на двери начертан красный крест. Итак, мы здесь у себя дома, и нечего бояться, что нам здесь помешают.

— Все это может быть справедливо.

— Постараемся найти провизию, я буквально умираю от голода.

Они принялись за поиски и обыскали всю комнату вверху и внизу. Филипп угадал: под навесом, выходящим во двор, смежный с садом, они нашли два трупа в состоянии сильного разложения. Несмотря на весьма естественное отвращение, флибустьеры поспешили вырыть глубокую яму и бросили в нее трупы, чтобы избавиться от нестерпимого запаха, распространяемого ими. Флибустьеры захватили иньям, говядину, фрукты, бутылку рому, вернулись в пещеру, которую прошли, не останавливаясь, и заняли свой пост на берегу.

— Право, — весело сказал Филипп, с аппетитом поглощавший провизию, так кстати посланную им случаем, — надо признаться, что всемилостивое Небо помогает нам; эта отважная экспедиция, представлявшая нам один шанс против девяноста девяти, до сих пор удалась нам вполне, как ты думаешь, Питриан?

— Я думаю, — ответил флибустьер с набитым ртом, — что, может быть, вы и правы, но не спешу радоваться, ведь вы знаете испанскую пословицу.

— Какую же? Ведь их много.

— «Идти за шерстью и вернуться остриженным»... Не будем же торопиться воспевать победу, наш успех всецело зависит от де Граммона.

— Это правда; если он попался, чего я не думаю, мы погибли.

— Не думаю, чтобы он попался, но он мог быть убит, а для нас это одно и то же. Наши товарищи, видя, что мы не возвращаемся, предположат, что мы попали в руки испанцев, и откажутся от экспедиции. Что же тогда здесь с нами будет?

— Отправляйся к черту с твоими несчастными предсказаниями, — сказал Филипп, — что ты раскаркался, как зловещая птица? Ничего этого не случится.

— Аминь! — от всего сердца сказал Питриан, так отхлебнув из бутылки с водкой, что она уменьшилась на добрую треть.

Они продолжали завтракать, разговаривая таким образом между собой, а по окончании завтрака стали наблюдать за открытым морем.

К одиннадцати часам утра они увидели несколько судов на парусах, старавшихся подойти к Тортуге. Суда эти встретились со шхуной, которая из канала выходила в открытое море. Филипп предположил, и это действительно было справедливо, что суда эти везли новый испанский гарнизон, а шхуна — донью Хуану и дона Фернандо д'Авила, ее опекуна. Несмотря на сильную горечь, которую возбудил в нем этот отъезд, он, однако, почувствовал тайную радость при мысли, что любимая им женщина находилась теперь вне всякой опасности.

Прошло два дня; ничто не смутило спокойствия, которым наслаждались оба флибустьера. Несколько раз отправлялись они в дом за провизией, потом опять возвращались на свое место к берегу моря. Решительно все благоприятствовало им: погода стояла прекрасная, море, как говорят моряки, походило на масло, ни малейшего дуновения воздуха не смущало поверхности, гладкой, как зеркало.

На второй день, около одиннадцати часов, в безлунную и очень темную ночь двое часовых, притаившихся на берегу, заметили свет, на секунду блеснувший в темноте и почти тотчас угасший. Флибустьеры поняли, что это вспыхнул порох, зажженный их товарищами, спрашивавшими их, можно ли пристать к берегу. Ответ не заставил себя ждать; четыре затравочных пороха, сожженных один за другим, предупредили Береговых братьев, что все спокойно и что они могут плыть прямо к берегу.

Однако прошло около часа, и ничто не показывало флибустьерам, что сигналы их были замечены и поняты. И только около полуночи они наконец увидели несколько черных теней, появившихся из темноты, и глухой размеренный шум подсказал им о прибытии флибустьерской флотилии, полностью состоявшей из пирог. Через десять минут флибустьеры выпрыгнули на берег. Их было четыреста человек, все вооружены с ног до головы, все полны решимости победить или умереть. Главные предводители флибустьерства командовали ими: д'Ожерон, Монбар, де Граммон, Пьер Легран, Тихий Ветерок, Мигель Баск, Дрейк, Давид и многие почти столь же знаменитые или шедшие уже по следам этих героев.

— Ну, что нового? — спросил д'Ожерон своего племянника.

— Ничего, насколько мне известно, кроме того, что испанский гарнизон, кажется, удвоился.

— Да, — продолжал д'Ожерон, — несмотря на стремление сохранить

наши планы в тайне, кажется, какой-то изменник замешался среди нас и открыл все испанцам. Губернатор Санто-Доминго отправил двести человек подкрепления в гарнизон, они должны были высадиться вчера.

— Так и было в действительности, — заметил Филипп.

Если бы темнота не была так густа, краска, вдруг залившая лицо Марсиаля при словах д'Ожерона, тотчас подсказала бы губернатору, что за изменник выдал их тайну испанцам.

— Что мы будем делать? — спросил Монбар.

— Пойдем вперед, — ответил д'Ожерон, — но прежде выслушаем план Филиппа.

— Вы оказываете мне большую честь, дядюшка, — ответил молодой человек, — план этот прост. Вот он: сто самых ловких среди нас под начальством де Граммона и Питриана проберутся на площадку Скального форта, триста других под моим руководством нападут на испанцев сзади, так, чтобы поставить их между двух огней.

— Хорошо, но как мы переберемся за Железные берега с пушкой?

— Я нашел дорогу... Вам нравится этот план?

— Он нам подходит, и мы, ничего не меняя, приведем его в исполнение.

Де Граммон приблизился к Филиппу и дружески пожал ему руку.

— Благодарю, брат, — сказал он ему, — что вы уступили мне лучшую роль в этом предприятии, вы сделали мне одолжение, которого я не забуду.

— Я надеюсь на это обещание, — сказал Филипп с иронией, ускользнувшей от капитана.

— Будьте спокойны, — ответил он.

— Прежде, чем мы пустимся в путь, не забудьте, дети, что я дал клятву остаться здесь победителем или умереть, — сказал д'Ожерон.

— Мы победим, — в один голос ответили четвереста авантюристов.

— Обе атаки должны пройти в одно и то же время, они начнутся на рассвете. Теперь достаточно разговоров — и вперед!

Мы сказали, что ночь была темная и безлунная, ни одной звездочки не сияло на небе. Ветер переменился, как это часто бывает к полуночи, и дул с моря, так что оно теперь бушевало, и волны с шумом разбивались о Железные берега. Такая погода благоприятствовала флибустьерам, заглушая ревом моря шум, который они, несмотря на все предосторожности, вынужденно производили, не допуская таким образом, чтобы их заметили обыватели или гарнизон.

Первой заботой д'Ожерона было разделить флибустьеров на два отряда, потом под предводительством Филиппа и Питриана Береговые

братья, безмолвные и смелые, как люди, решившие победить или умереть и, следовательно, жертвовавшие своей жизнью, торопливыми шагами направились к пещере, которая вдруг, к величайшему их удивлению, выросла перед ними и в которую они вошли, не колеблясь. Дорогой Филипп рассказал дяде, как случайно нашел он пещеру и домик. Благодаря этому открытию флибустьеры могли сразу же попасть в глубь острова. При выходе из пещеры оба отряда разделились. Самый многочисленный, под командой Монбара, д'Ожерона и других и предводительствуемый Филиппом, засел в домике (двери и окна которого были отворены) и за ним; домик этот находился совсем близко от места расположения испанцев. Флибустьеры оставались неподвижны и безмолвны, ожидая сигнала, чтобы начать действовать, — первых выстрелов из пушки второго отряда. Тому предстояли огромные затруднения, чтобы добраться до площадки. Но благодаря мужеству, ловкости, а особенно смелости флибустьеров все эти затруднения были преодолены в несколько часов, и в ту самую минуту, когда солнце показалось на горизонте, два выстрела из пушки, заряженной картечью, раздались на площадке Скального форта. В ту же минуту раздался страшный крик трехсот голосов, и первый отряд, устремившись вперед, как поток, прорывающий плотину, начал атаку.

Гарнизон крепости, приведенный в беспорядок этой внезапной и сильной атакой, храбро бросился к оружию. Но испанцы, попавшие меж двух огней, вынуждены были сдаться после героической обороны, продолжавшейся несколько часов. Город был в огне, две трети гарнизона пало.

Флибустьеры снова завладели Тортугой, но на этот раз они должны были сохранить ее за собой. Испанцы сдались. Д'Ожерон, не желая сохранить такое множество пленных, — кроме гарнизона были еще мирные жители, — отправил всех испанцев на судах, взятых в гавани, на Кубу, находящуюся на расстоянии пятнадцати миль, и там оставил их на свободе, не требуя даже выкупа; правда, у них отняли все, что у них было, и несчастные буквально разорились.

Д'Ожерон назначил Давида комендантом Тортуги, укрепления которой были восстановлены в прежнем грозном виде, после чего, оставив в крепости гарнизон из трехсот отборных флибустьеров, губернатор вернулся в Пор-де-Пе с главными руководителями экспедиции.

Марсиаль, опасаясь, как бы не угадали о его связях с испанцами, так храбро сражался возле Монбара, что знаменитый флибустьер счел себя обязанным обратиться к нему с похвалой, которая наполнила молодого человека стыдом и замешательством: он считал себя недостойным такой

чести. Но Береговые братья, иначе истолковав краску, залившую его лицо, приписали ее скромности и горячо поздравляли молодого человека.

— Ну что? — спросил с лукавым видом Филипп кавалера де Граммона, вернувшись в Пор-де-Пе. — Вы должны быть довольны, капитан, предприятие прошло превосходно. Вы нашли какую-нибудь хорошую добычу в крепости?

Де Граммон искоса взглянул на него.

— Проклятый насмешник! — сказал он. — Клянусь, я отплачу вам! Ведь вы знали, что она уехала с острова.

— Еще бы! — ответил Филипп и, смеясь, повернулся к кавалеру спиной.

Может быть, первый раз в жизни кавалер де Граммон не нашелся, что ответить.

Взятие Тортуги, как ни было оно достославно для флибустьеров, явилось только началом другой экспедиции, гораздо более важной, которую замыслил Филипп д'Ожерон, чтобы соединиться с любимой женщиной. Поэтому скоро мы вновь увидим его, на этот раз не на маленьком островке, а среди богатых испанских владений в толпе Береговых братьев; сделавшись, сами того не подозревая, орудиями одного из своих братьев, любви которого они благоприятствовали без своего ведома, флибустьеры завязали ту гигантскую борьбу, которая принадлежит скорее эпосе, чем истории, и которая набросила такой великий блеск на это товарищество страшных хищных птиц.

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)

[Оставить отзыв о книге](#)

[Все книги автора](#)

notes

Примечания

1

Аграф — нарядная застежка.

2

Пеон — слуга, наемный рабочий.

3

Ныне о. Уотлинг.

4

Так называли жителей не только Индии, но и Эфиопии.

5

Повод к войне (лат.).

Лансеро — испанский конный стражник.

Майораль — здесь: старший погонщик.

8

Как вам угодно говорить? (исп.)

9

Морская сажень равняется 1, 6 м.

Кабельтов — здесь: трос, канат.

Эту личность так и звали, и он действительно принадлежал к этой древней фамилии. — Примеч. автора.

Боскет — декоративная роца.

Рехидор — член муниципального совета.

Альгвазил — судебный исполнитель.

Ниобея (Ниоба) — в греч. мифологии жена царя Фив Амфиона. Семеро сыновей и семеро дочерей Ниобеи были убиты Аполлоном и Артемидой. От горя Ниобея окаменела и была превращена Зевсом в скалу, источающую слезы.